

В.М.Пасецкий

ПУТЕШЕСТВИЯ, КОТОРЫЕ НЕ ПОВТОРЯТСЯ

В.М. Пасецкий

ПУТЕШЕСТВИЯ, КОТОРЫЕ НЕ ПОВТОРЯТСЯ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1986

ББК 26.89 (88)

П19

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты

доктор географических наук Е. И. Толстиков,
член Союза писателей СССР Г. Н. Голубев

П $\frac{1905020000-001}{004(01)-86}$ 129-86

© Издательство «Мысль». 1985

От автора

В один из декабрьских дней 1941 года в развалинах школы на Петрозаводской улице в Ленинграде я заметил корешок книги. Среди обломков кирпичей лежал том сочинений Фритьофа Нансена. То было описание его дерзкого путешествия на «Фраме» вместе со льдами Северного Ледовитого океана, похода по дрейфующим льдам, зимовки в самодельной каменной берлоге на Земле Франца-Иосифа и счастливого возвращения в родную Норвегию.

Между ледяными вахтами, в холодном подвале полуразрушенной школы, при свете коптилки упивался я этим удивительным человеческим документом, проникнутым героикой, мужеством, верой и надеждой — всем тем, что было так нам необходимо и чем мы жили в блокадные дни, недели, месяцы.

Полюбившиеся мысли Нансена перекачивали на страницы солдатского дневника:

«И кто желает познать гений человеческий в его благороднейшей борьбе с суевериями и мраком, пусть почитает о людях, которые во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все-таки шли с развевающимися знаменами навстречу неведомо-

му. Нигде не покупались знания ценой больших лишений, бедствий и страданий, но, пока не останется и в этих краях ни единого места, на которое не ступала бы нога человека, пока не будут и там, на Севере, разрешены все загадки, — гений человеческий не успокоится».

Не мог предполагать я, что слова Нансена окажутся пророческими. Вера, мужество и самообладание этого великого человека укрепляли солдатскую надежду, что придут иные дни, придет и на нашу улицу праздник. Когда под Новый 1942 год пришлось дежурить бессменно около 20 часов на пеленгаторе в брезентовой палатке, то, полузамерзшему, мне думалось, что Нансену во время его зимовки в самодельной каменной берлоге на Земле Франца-Иосифа, наверно, было труднее...

Потом был госпиталь, Невская Дубровка, Синявинские болота, долгие часы между жизнью и смертью на нейтральной полосе под Выборгом, маленький Юрьев (Тарту), огненный Эльбинг (Эльблонг), притихший Данциг (Гданьск), мертвый Штеттин (Щецин) и запеленованный простынями Анклам.

На долгом пути из освобожденного от блокады Ленинграда до какого-то городка к северо-западу от Берлина пришлось видеть океан-море людских лишений и страданий, подвигов и потерь. Столько раз наши мальчишки уходили за языками, прокладывали пути на минных полях, сопровождали танки, строили переправы, захватывали важнейшие объекты! И так мало их возвращалось!.. И даже в эти распоротые шальным огнем дни восхищение подвигами Нансена не стиралось.

Более того, случилось так, что в День Победы в пустом немецком доме я увидел серый картонный футляр с надписью: «Фритьоф Нансен. Небельхейм». Это была двухтомная «Страна туманов», посвященная истории открытий в северных странах и морях.

Я рассматривал старинные карты Арктики с неизвестными землями в ее центральной части и еще не предполагал, что вскоре судьба приведет меня в Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт.

Я стал ученым секретарем этого научного учреждения в то самое время, когда стирались последние белые пятна с карты Северного Ледовитого океана, в центре которого, судя по «Стране туманов» Нансена, некогда рисовали обширный континент.

Я оказался в гуще событий и в курсе новых открытий, о которых участники этих славных дел рассказали

в сборниках «Через океан на дрейфующих льдах», «На ледяном острове», «Двенадцать подвигов». Призванием моим стала история полярных исследований. Восхищение подвигами первооткрывателей Арктики переросло в желание рассказать об их славных делах. Героями моих книг стали Фритьоф Нансен и Владимир Русанов, Витус Беринг и Петр Пахтусов, Матвей Геденштром и Эдуард Толль, Виллем Баренц и Иван Иванов. То были люди великого подвига и необыкновенной надежности. В них было нечто такое, что роднило их с моими недавними товарищами, солдатами и жителями блокадного Ленинграда...

От отдельных биографий путь лежал к целым историческим эпохам. Особенно привлекали XIX век и начало нынешнего столетия. В данных хронологических рамках моряки не только окончательно доказали существование Северо-восточного и Северо-западного проходов, но и совершили первые сквозные плавания через них. Затем достигли Северного полюса. Потом оказалось, что на этот период приходится кульминация поисков Северного континента, очертания которого я увидел впервые у Нансена.

Еще в блокадные дни меня поразили частые раздумья исследователя во время дрейфа «Фрама» о неведомой земле в Северном Ледовитом океане. Помню одну из записей:

«Я немедленно представил себе сушу на севере, откуда дует этот холодный ветер, где стоит ясная погода и трескучий мороз, где ярко синее небо... У меня готово заключение, что на этой обширной земле должен находиться полюс холода со стационарным максимумом атмосферного давления...»

Подобные мысли встречались до последней страницы его книги.

Оказалось, что и по завершении путешествия Нансен допускал, что в областях, расположенных к северу от линии дрейфа «Фрама», возможно, существует обширная земля. Не менее интересные страницы встретились в Собрании сочинений Амундсена и во многих других книгах. Да, еще на грани двух столетий многие были уверены, что у «наших дверей», в центре Ледовитого океана, лежит «материк, по величине равняющийся пространству Европы».

Но самые важные находки, которые проливали свет на историю древней легенды, ждали в архивах нашей страны.

В Архиве древних актов мне посчастливилось взглянуть на первые русские карты гипотетического Северного континента, прочитать многочисленные письма о загадочной земле Ивана Федоровича Крузенштерна, Василия Михайловича Головнина и Петра Ивановича Рикорда к государственному канцлеру, видному представителю русского просвещения, покровителю наук Николаю Петровичу Румянцеву.

Имя этого государственного деятеля встретилось также и в деле путешествия Матвея Геденштрёма, которое хранится в Архиве внешней политики России. Именно по инициативе Румянцева в начале XIX века была отправлена экспедиция на новооткрытые острова и матерую землю. Здесь же нашлись уникальные карты.

Немало важных документов удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, где хранятся бумаги почти всех русских экспедиций, искавших Северный материк в XVIII и XIX веках, в том числе дела экспедиций Витуса Беринга и Степана Андреева, Иосифа Биллингса и Гавриила Сарычева, Петра Анжу и Фердинанда Врангеля... Вскоре стало очевидным, что именно Фердинанд Врангель наряду с Сарычевым, Румянцевым, Геденштрёмом является главнейшим действующим лицом этой истории. Решено было изучить его архив, хранящийся в древнем Тарту (Юрьеве). Здесь ждали удивительные открытия: поденный журнал путешествия, карты, записи и множество писем, посвященных поискам Северного материка...

Затем были обследованы фонды Ленинградского отделения Архива Академии наук, где хранятся дела Русской полярной экспедиции под руководством Э. В. Толля, также занимавшейся поисками таинственной земли к северу от Восточной Сибири. Тут же можно было взглянуть на первый русский трактат первой половины XVII века о материке-камне, изложенный мореходом Михаилом Стадухиным в беседе с якутскими служилыми людьми... А среди бумаг Главной физической обсерватории нашлись решения океанографического съезда в Брюсселе. Из них было видно, что еще в 1906 году виднейшие географы мира считали самой главной задачей полярных исследований поиски континента в Арктике.

Несколько раз были просмотрены фонды Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. Снова были находки, доставлявшие радость, и среди них — проект экспедиции на «особую часть

света», предложенный русским естествоиспытателем Михаилом Адамсом в самом начале XIX столетия.

В течение четверти века почти всякий раз, приезжая в Москву, я старался заглянуть хотя бы на несколько часов в рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, основу которой составило уникальное собрание книг и древних рукописей Н. П. Румянцева. Здесь в музейном фонде хранятся рукопись «Путешествия...» Геденштрома и несколько писем Крузенштерна о Северном материке. Не менее любопытные материалы имеются в фонде декабриста Гавриила Степановича Батенькова. Он был близким другом Геденштрома. В 1819 году Батеньков познакомился в Иркутске с Врангелем и привязался душой к молодому путешественнику. В его фонде сохранились две статьи о поисках Врангелем Северного материка. (Последний раз Врангель встречался с Батеньковым в 1859 году, и до конца своих дней оба сохранили восхищение друг другом.)

В делах рукописного отдела обнаружилась еще одна интересная подробность. Оказалось, что за поисками Северного материка, которые вели Врангель и Анжу, очень внимательно следил декабрист Александр Осипович Корнилович, опубликовавший подробнейшую статью об этой полярной проблеме...

Одна из последних находок была сделана совсем недавно в Главной геофизической обсерватории.

В одном из старых архивных дел мне попала сложная вчетверо, небольшая, пожелтевшая, едва читаемая карта и прикрепленная к ней фотография. На ее обороте можно было прочесть: «Члены полярной экспедиции на дирижабле «Норвегия» на приеме у президента Академии наук СССР А. П. Карпинского». Фотография пострадала от сырости. С трудом можно было узнать лица Карпинского, Мальмгрена, Самойловича, Мультановского.

Именно Борис Помпеевич Мультановский является автором карты. На ней изображена обширная земля в центре Северного Ледовитого океана, лежащая между Северным полюсом и побережьями Аляски и Канады. Доказательству вероятного существования этой обширной земли ученый посвятил статью «Загадка Арктики», которую опубликовал в первом номере журнала «Метеорологический вестник» за 1926 год, тот самый год, в мае которого экспедиция на дирижабле «Норвегия» побывала в Ленинграде.

Оттиск статьи Б. П. Мультановского находится в том же деле. В нем же имеется письмо Финна Мальмгрена, знаменитого шведского геофизика и полярного исследователя, который погибнет через два года во время экспедиции Умберто Нобиле на дирижабле «Италия». Письмо отправлено с Аляски, после того как Мальмгрен вместе с Амундсеном совершил перелет на дирижабле «Норвегия» по маршруту Шпицберген — Северный полюс — Аляска над теми районами, где многим поколениям исследователей виделась обширная, еще неведомая человеку суша.

Эти документы пролили свет на последнюю страницу поисков Северного континента.

Да, еще 60 лет назад ученые ревностно спорили об обширной земле в центре Арктики. Так, год за годом собирались материалы о великой арктической легенде.

Стало очевидным, что в свое время проблема Северного материка волновала Ломоносова и Миллера, Стадухина и Беринга, Сарычева и Адамса, Санникова и Геденштрома, Бурнея и Крузенштерна, Врангеля и Анжу, Румянцева и Головнина, Гельвальда и Петермана, Аргентова и Пима, Вейпрехта и Пайера, Норденшельда и Де-Лонга, Толля и Нансена, Гарриса и Стефансона, Амундсена и Свердруп, Мультановского и многих других ученых. Интерес выдающихся полярных исследователей к этой полярной проблеме свидетельствовал о том, что поиски Северного материка не следует рассматривать как погоню за химерой. Это прежде всего одна из важнейших и волнующих глав истории открытия и исследования Арктики. Ни одна из экспедиций, снаряженных специально для поисков неведомых земель, не была бесплодной для науки. Напротив, все исследователи сделали важные географические открытия и внесли выдающийся вклад в исследование Арктики. Поэтому, рассказывая об этих путешествиях, необходимо было подробно остановиться на научных результатах.

Легенда о Северном континенте оказалась необычайно живучей. Секрет этой долговечности прост. Там, где предполагалось существование новой части света, действительно находились земли, которые постепенно открывали путешественники на протяжении двух с половиной столетий. И хотя эти земли не были такими исполинскими, как свидетельствовали предания, они давали новую жизнь величайшей арктической легенде. И даже когда стало ясно, что континента к северу от

берегов Северо-Восточной Сибири нет, легенда не умерла. Она перевоплотилась в гипотезы о Землях Санникова, Андреева, Гарриса, Мультановского, которые первоначально считались западными и южными берегами нового материка.

В истории поисков Северного континента невероятнейшим образом переплелись вымысел и блестящие открытия, научное предвидение и подвиги.

Северный континент, который именовали в различные времена Новой Землей, Большой Северной Землей, Северной Землей и, наконец, Арктидой, занимал мысли людей различного общественного положения и различной учености, от государственных деятелей до охотников (промышленников), собиравших кости мамонтов или ловивших песцов на берегах и островах Северного Ледовитого океана, от всемирно известных ученых до случайно приобщившихся к полярным исследованиям людей, оставивших навечно памятный след в истории познания Арктики.

Одни из искателей Северного континента приобрели славу во всем мире, другие остались забытыми, и нередко несправедливо. Но все они пережили много приключений, испытали страх или заглянули в глаза смерти, нередко голодали и почти всегда мерзли, ибо, как правило, путешествовали в то время года, когда на Севере стоят такие жестокие морозы, что ртуть можно резать ножом.

Как правило, основным транспортом им служили собачьи упряжки, запряженные в легкие сибирские нарты. У них не было ни радио, ни телеграфа. Сотни и тысячи верст отделяли их от обжитых человеком мест, к которым они направлялись, когда терпели бедствие, и иногда умирали, не дойдя нескольких километров до склада продовольствия или до человеческого жилья.

В этой книге нет вымысла. Одни факты и события, действительно имевшие место. Многие из документов впервые вводятся в научный оборот.

Выступая на протяжении двух десятилетий в роли летописца современных исследований в Арктике, я с удовольствием оглядывался назад. Не зная прошлого, трудно оценить значимость и величие открытий нашего времени. И в то же время, имея представление о том, в каких условиях трудятся и какой техникой располагают современные полярные исследователи, можно глубже и острее ощутить величие духа и неустрашимость наших далеких и близких предшественников.

Начало легенды

Легенда о Северном материке родилась почти одновременно с Великими географическими открытиями в Арктике, когда были открыты Гренландия, Исландия, Новая Земля, Шпицберген.

В истории изучения Арктики подлинные открытия соседствуют с легендами о них, а легенды — с открытиями. Мысль о том, что Северный полюс окружен сплошной массой земли, была высказана в середине XII века монахом Николаем Тингейрерским. Затем подобные взгляды были повторены в безымянном сочинении, составленном в Норвегии в начале XIII века. В тот же век распространились сведения о том, что между Гренландией и Биармией находится земля, на которой живут гиганты и амазонки.

Заблуждение в том, что Северо-Восточная Европа и Гренландия соединены сушей, по мнению Рихарда Хеннинга, обязано своим происхождением открытию русскими Новой Земли, которая простирается к северу на огромное расстояние. «Ведь этот остров,— писал ученый,— препятствовал дальнейшему проникновению мореплавателей на восток». Какой представляли себе в XII веке географию этого района, наглядно видно из сообщения в так называемой «Грипле» (точная дата

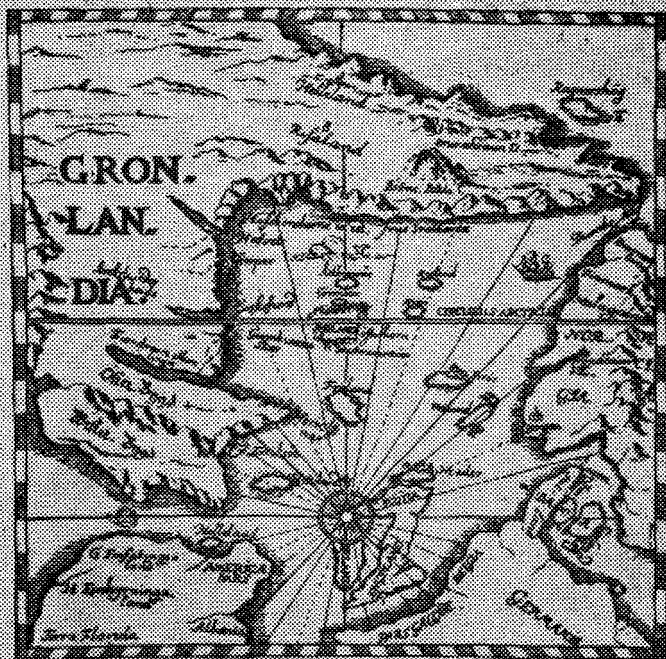

Северные Земли в околополюсном районе
(Нансен Ф. Собр. соч., т. 2, с. 152)

написания этого произведения неизвестна): «От Биармии на север тянутся пустынные земли до страны, которая зовется Гренландией».

Заблуждение это, по словам Хеннинга, настолько укоренилось, что «Клавдий Клавус, страдавший изрядным бахвальством и незаслуженно пользовавшийся авторитетом, мог беззастенчиво лгать, уверяя, что лично встречал в Гренландии (в которой, безусловно, никогда не бывал) биармиев, совершивших туда путешествие из Северной России по суше».

Действительно, на карте Клавдия Клавуса Нигера, копия которой воспроизведена Нансеном в «Стране туманов», Гренландия соединена узкой полосой суши с Европой. Анализируя первые представления европейцев об Арктике, Нансен отмечал, что «взор человеческий невыразимо медленно проникал сквозь туманы Ледовитого океана. Там лежала мифическая страна вечного

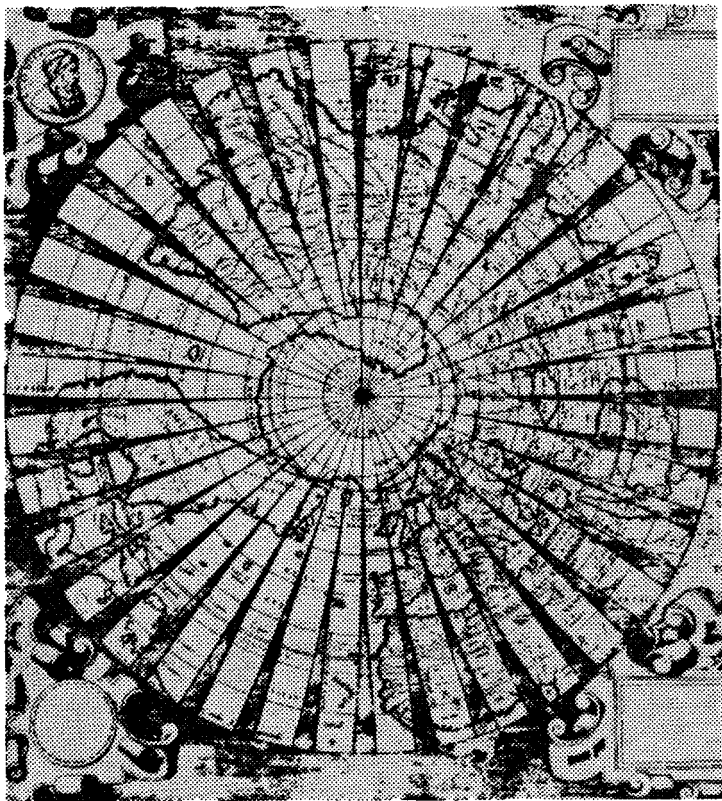
Карта де Зееландерс Яна Гриббеноффа, г. 1627. (Лейден, 1704.)

Гренландия как часть Биармии (Европейской России) на карте К. Нигера (1627)

холода, которая поднялась из океана раньше обитаемых материков. Там жили ледяные великаны, и там находилась родина снежных бурь и морозной мглы».

Древние новгородцы думали иначе. Они считали, что на севере за стеной тумана лежит страна «многочасного и многосиянного света», сияющего «паче Солнца». Там «на дышущем море червь неусыпный, скрежет зубный и река молненная и вода входит в преисподняя и паки исходит трижды днем». Эту страну, которую, по словам новгородского архиепископа Василия, видели новгородцы под предводительством Моислава и Якова, открыли, по-видимому, еще в конце XIII века, судя по тому, что в 1347 году были живы и находились в добром здравии их внуки.

Что за землю обрели новгородцы: Гренландию, Шпицберген, Землю Франца-Иосифа?.. Летопись не да-

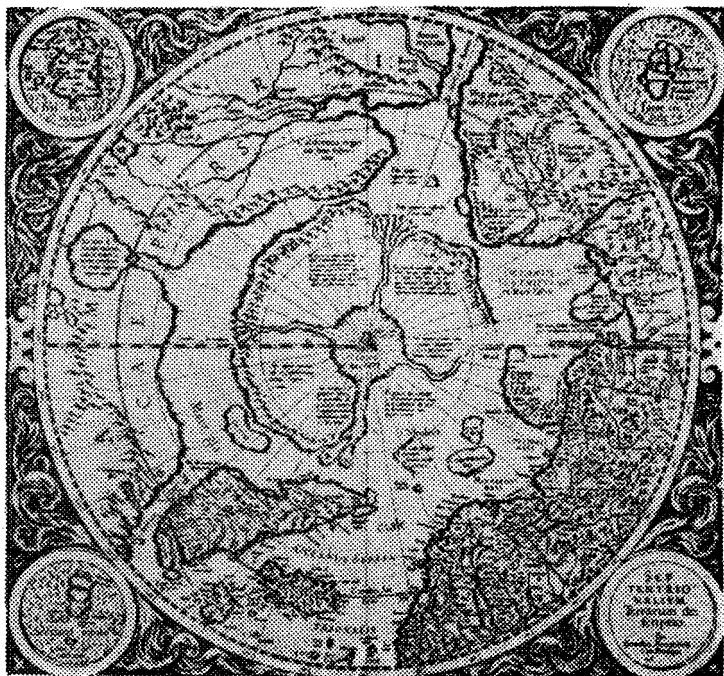

Северный материк как часть Азии
на карте А. Флориана (1555)

ет ответа. Во всяком случае речь идет не о Новой Земле, которая, по-видимому, начала посещаться русскими еще в первой половине XI века и которая представлялась им весьма обширным островом, своего рода Новым Светом. Не случайно древние мореходы будут отождествлять ее с Америкой.

Разумеется, в легендарных представлениях первых полярных мореплавателей наряду с мифами соседствовали реальные наблюдения, свидетельствовавшие об «удивительно отчетливом и ясном понимании истинной природы вещей нашими предками».

Великие географические открытия конца XV — начала XVI века лишь укрепили веру картографов того времени в существование обширной земли в околопо-

Северный материк
на карте Меркатора (1569)

люсной области. Неведомая суша огромной шапкой венчает северное полушарие на карте Яна Стобнички, опубликованной в 1522 году. Еще больший по размерам континент изображен на глобусе Шёнера, который увидел свет через 13 лет.

В 1569 году Герард Меркатор издает на 18 листах карту мира. Наряду с великими открытиями португальцев и испанцев на ней впервые отражены открытия русских от Белого моря до Таймыра, который по традиции он именует мысом Табин.

Меркатор знал о существовании этого громадного, выдающегося к северу мыса из русских карт... На знаменитой карте 1569 года наряду с вновь открытыми частями света появился еще один континент. Он занимал большую часть Северного Ледовитого океана. Берега неведомого Северного материка прихотливой линией протянулись к северу от Азиатского, Европейского и Американского континентов. Ближе всего к югу они

спускаются над проливом Аниан и затем приближаются почти вплотную к острову Вайгач.

Символично, что Новая Земля включена в состав неведомого континента, только ее берега вытянуты не в северо-восточном, а в северо-западном направлении. Континент захватывает и еще не открытую Землю Франца-Иосифа, и открытый русскими поморами Шпицберген. Потом он соединяется с Гренландией и почти вплотную приближается к северному побережью Америки, на которое, как и на значительную часть Северной Азии, еще не ступала нога путешественника... Очертания земель в северной части полушария в основном гипотетичны и далеки от истинных. Это вполне естественно: новая эпоха Великих географических открытий в Арктике еще впереди.

Примечательно иное. Речь идет о врезке, которая сделана Меркатором в левом нижнем углу карты. На ней более подробно показаны общие очертания Северного материка, который он изобразил, опираясь на сведения о легендарном путешествии оксфордского монаха, который якобы еще в 1360 году «благодаря искусству магии» побывал у Северного полюса... Материк, изображенный на врезке, разделен на четыре части четырьмя исполинскими реками. Они вытекают из моря (или большого озера), расположенного на самом полюсе, и впадают в Студеное море к северо-востоку от Новой Земли, над проливами между Гренландией и Америкой, над фантастическим мысом Табин и примерно над рекой Маккензи, в то время еще неизвестной исследователям.

Спустя два года вышла карта Абрахама Ортелия, которая была переиздана в переработанном виде через 16 лет (1587) и на которой была помещена «неведомая северная земля, занимающая значительную часть Северного Ледовитого океана». Ее очертания протянулись вдоль берегов Сибири от Урала до крайнего северо-востока Азии, который не был известен еще ни одному исследователю или землепроходцу и потому изображался крайне приблизительно. Новая Земля, как свидетельствует надпись на варианте карты 1587 года, включена Ортелием в состав Северного материка. Неведомая суша захватывает район Земли Франца-Иосифа, Шпицбергена, Северной Гренландии. Ее берега затем приближаются к Северной Америке, действительные очертания которой станут достоверно известны лишь спустя два с половиной века.

Северный материк разделяют на части несколько

проливов, ориентированных с севера на юг. Собственно, и Ледовитое море, омывающее его со всех сторон, также представляет собой узкий кольцеобразный пролив между Атлантикой и Тихим океаном.

В XVI веке западноевропейские путешественники были заняты поисками Северо-западного и Северо-восточного проходов, то есть морского пути из Атлантики в Тихий океан. Они сделали много важных открытий на восточных берегах Америки и западных берегах Гренландии, но не вышли к берегам Ледовитого океана.

Еще на исходе XV века, через несколько лет после открытия Колумбом Америки, Себастьян Кабот сделал первую попытку проникнуть к северо-западу вдоль берегов Нового Света. Затем последовали экспедиции португальцев, испанцев, французов и, наконец, англичан. Тщетно ища прохода в Ледовитый океан, путешественники в конце XVI века проникли в залив, который впоследствии был назван именем Гудзона, и в основных чертах завершили его обследование.

В 1576—1578 годах Мартин Фробишер открыл Баффинову Землю, а спустя десятилетие Джон Дэвис прошел вдоль западных берегов Гренландии до 73° северной широты проливом, который ныне носит его имя.

Трагически закончилась попытка Генри Гудзона открыть Северо-западный проход. После зимовки в заливе (ныне названном его именем) команда его корабля взбунтовалась и высадила капитана, его малолетнего сына и восемь больных матросов в шлюпку и бросила их на произвол судьбы.

Новый шаг в исследовании Северо-западного прохода был сделан Уильямом Баффином, который поднялся вдоль западных берегов Гренландии до $77^{\circ}30'$ северной широты, открыл устья проливов Ланкастер и Смит и пришел к выводу, что Северо-западного прохода не существует, хотя в действительности он положил начало его открытию.

Карта, составленная Баффином, к несчастью, затерялась, и ученые-географы в конце концов стали сомневаться в достоверности его выдающихся открытий. Возможно, распространению этого заблуждения способствовали неудачи последующих экспедиций, которые до первых десятилетий XIX века так и не проникли в этом районе севернее экспедиции Баффина.

Гораздо успешнее развивались исследования на севере Евразии. В 1364 году новгородские воеводы Степан

Ляпа и Александр Абакумович вышли на Обь. Одна половина рати спустилась по реке вниз, до моря, а другая — «на верх Оби воеваша». С тех пор в Сибири все чаще появляются русские дружины. Летописи сохранили известие о том, что в 1483 году Иван Травин и Федор Курбский с отрядом московских войск достигли города Сибирь (Ислер), который находился на берегу Иртыша, недалеко от нынешнего Тобольска. По Иртышу россияне достигли Оби и спустились вниз до полярного круга. Спустя 14 лет Джон Кабот достиг берегов Лабрадора и Ньюфаундленда, а спустя еще два года воеводы Петр Ушатый, Семен Курбский и Иван Бражнин предприняли успешную экспедицию на север Западной Сибири. К концу XV века русскими поморами был освоен морской путь от Северной Двины до устья Оби.

В начале XVI века русский посол в Риме Дмитрий Герасимов, знакомый с условиями плавания в полярных водах и имевший обширные для своего времени представления о Крайнем Севере, впервые высказал мысль о существовании Северного морского пути из Белого моря в Тихий океан. Беседуя с итальянским ученым Паоло Джовио, он рассказывал, что русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань московскому царю. На восток от края, по словам Дмитрия Герасимова, «есть другие отдаленные племена людей, неизвестные москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана; о них знают только по слухам да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

Следовательно, и в России ходили слухи о какой-то обширной земле к северу от берегов Евразии.

В подтверждение своих доводов Дмитрий Герасимов показал Паоло Джовио карту полярных стран. Все эти сведения итальянский ученый опубликовал в 1525 году в «Книге о посольстве Василия к Клименту XII». Сообщение русского посла в скором времени стало известно в западноевропейских странах и явилось толчком к снаряжению многих экспедиций для отыскания Северного морского пути.

Первыми направились на восток англичане. В мае 1553 года три корабля, покинув Англию, взяли курс на север для обследования морского пути в Китай. Два из них достигли Новой Земли и затем зазимовали у берегов Мурмана. Однако весной следующего года англичан нашли мертвыми. Русские поморы, оказавшиеся свидетелями полярной трагедии, среди товаров обнаружили дневник командира экспедиции Хьюга Виллоуби. Находки были переданы английскому купцу Джорджу Киллингворту.

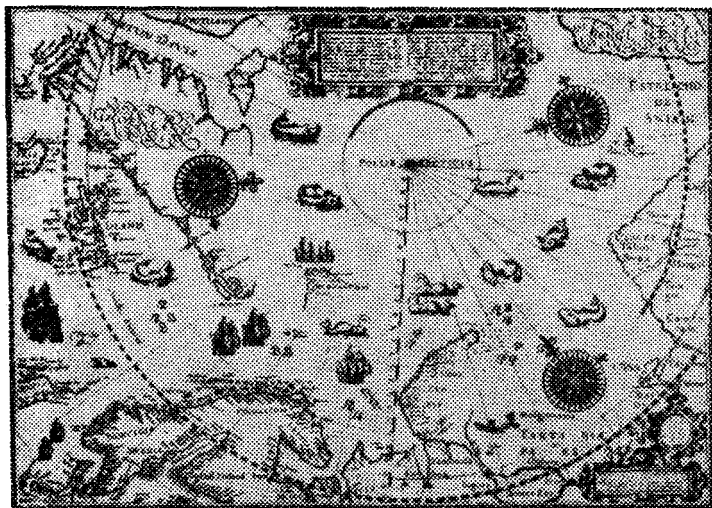
Третье судно экспедиции под начальством опытного моряка Ричарда Чанслера проникло в Северную Двину и было радушно встречено в Холмогорах русскими. Киллингворта и Чанслера вызвали в Москву к Ивану Грозному. Так завязались торговые и дипломатические отношения между Англией и Московским государством, отрезанным в то время от исконно русских земель, выходивших к Балтийскому морю.

Вскоре Англия снарядила новую экспедицию. Ею командовал Стифан Барро. Вместе с флотилией русских промысловых судов он достиг юго-западных берегов Новой Земли и высадился на остров Вайгач.

Поморы изъявили готовность проводить заморских гостей до Оби. Однако густой туман, дожди и град заставили Барро отказаться от попытки проникнуть в глубь Карского моря, которое к тому же было заполнено льдами. Перезимовав в Холмогорах, экспедиция возвратилась в Англию.

Но и эта неудача не остановила англичан. В 1580 году при поддержке знаменитого географа Герарда Меркатора, который на одной из своих карт изобразил Северный материк, была снаряжена новая экспедиция для отыскания Северо-восточного прохода. Эту экспедицию возглавляли опытные моряки Артур Пит и Чарлз Джекмен. Им удалось проникнуть через Югорский Шар в Карское море. Однако здесь путь им преградили сплошные льды, и они возвратились, не выполнив стоявшей перед ними задачи. От русских мореходов англичане узнали, что, плавая к устью Оби, они пользуются не только Карскими Воротами и Югорским Шаром, но и проливом Маточкин Шар, разделяющим Новую Землю на два острова.

Вслед за англичанами к поискам Северо-восточного прохода приступили Нидерланды. В 1593 году купец Балтазар Мушерон, имевший торговые дела в Московском государстве, представил нидерландскому прави-

Арктика на карте В. Баренца (1598)

тельству проект большой экспедиции «для открытия удобного морского пути в царство Китайское, проходящего от Норвегии, Московии и Татарии».

Проект был утвержден. Первоначально в состав экспедиции входили два корабля: «Меркурий» (капитан Брант Тетгалес) и «Лебедь» (Корнелий Най). Позже были снаряжены еще два судна, которыми командовал Виллем Баренц, интересовавшийся вопросом открытия Северо-восточного прохода. Он предпринял три плавания для его поисков. Но всякий раз льды Карского моря останавливали суда. Наконец, в 1596 году ему удалось обогнуть с севера Новую Землю. Льды вынудили Баренца зимовать на Северном острове.

В навигацию следующего года голландцы бросили свое судно и отправились в обратный путь на шлюпках. Во время этого похода Баренц умер от цинги, а его спутники встретились с русскими поморами и, получив от них запасы провизии, благополучно добрались сначала до берегов Мурмана, а затем и до Голландии.

Итогом плаваний голландцев явилась карта полярных стран Виллема Баренца. На ней отсутствует материк в центре Арктики, но (хотя и далеко от совершенства) показаны очертания западного и северного берегов Новой Земли с многочисленными русскими названиями бухт, заливов, проливов и небольших островов.

Русские поморы «задолго до англичан и голландцев» довольно часто предпринимали через Ледовитый океан «торговые путешествия из Белого моря и Печоры в Обь и Енисей».

В России спустя несколько лет была предпринята попытка объяснить неудачи англичан и голландцев в открытии Северного морского пути в Тихий океан. Главным препятствием, по мнению безыменного русского географа конца XVI — начала XVII века, являлись льды, стужа, мгла и тьма, так как солнце видится летом, а остальное время только луна светит день и ночь.

«Есть же и пролива морская, именуемая океан, которою есть ли бы могли проплывати,— продолжает географ,— можно им было в Китай и Индию пройти. Однако ж так то Ледяное море, яко и Новую Землю, никто не может проведати: пролива ли есть или твердая земля соединена с Америкой, то есть с Новым Светом, зане многие землеописатели чают, что Новая Земля соединяется с Северною Америкою, а ради выше причин никто те береги океяна отведати не может, даже до Обь-реки».

То, что берега океана известны автору этой записки только до Оби, дает основание предполагать, что она была составлена, вероятно, на рубеже двух веков (XVI—XVII).

Известно, что XVII столетие ознаменовалось Великими географическими открытиями россиян, мощный импульс которым, особое историческое значение дала Сибирская экспедиция Ермака. Вслед за казаками Ермака в Сибирь устремились русские землепроходцы, в основном выходцы из Новгородской земли и входившего в ее состав Русского Поморья. Они основали Обский Городок, Сургут, Тюмень, Тобольск, Тару, Березов, Обдорск, Мангазею. В Смутное время мореход Лука, выйдя из Оби, достиг Северным Ледовитым океаном сначала устья Енисея, а затем Пясины. В 1610 году в тех же местах побывал торговый человек Кондратий Курочкин, прежде живший на Северной Двине. Пять недель льды удерживали его в устье Енисея. В начале августа он вышел в океан и достиг реки Пясины. Вслед за Курочкиным неизвестные мореходы прошли по рекам к северному и восточному берегам Таймыра. Благодаря тщательным археологическим раскопкам, проведенным экспедицией А. П. Окладникова, было установлено, что в 1615—1616 годах русские мореходы обогнули Таймырский полуостров.

В 1623 году русские достигли среднего течения Лены. Спустя десять лет Иван Ребров открыл устье реки Оленек, а Илья Перфирьев — устье Яны (они вместе первыми спустились из Якутска вниз по Лене до ее устья). Вскоре в тех же местах побывал Елисей Буза. Затем были открыты устья Анабара и Хатанги.

В 1641—1642 годах Иван Ерастов, совершая плавание по Восточно-Сибирскому морю, открыл устья Индигирки и Алазеи. Вслед за ним по Индигирке спустился Михаил Стадухин и достиг морем устья Колымы.

В 1644 году Стадухин заложил Нижнеколымский острог, ставший опорным пунктом россиян в их дальнейших исследованиях на северо-востоке Азии. Спустя некоторое время он вернулся в Якутск и рассказал о своих открытиях. Его сведения были опубликованы в третьем томе «Дополнения к Актам историческим», изданном Археографической комиссией в 1848 году. Так впервые увидели свет «Распросные речи служилого человека Михаила Стадухина о реках Колыме и Чюхте, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане близ устья реки Колымы».

В них идет речь о прибытии в Якутск «служилого человека Михалки Стадухина» с ясаком, собранным с коренных жителей Колымы. В его «распросе» содержатся интересные, уникальные сведения о Колыме и жителях Чукотки. Но основная часть документа посвящена рассказу первопроходца о землях в Северном Ледовитом океане.

«И была де у него жонка, погромная колымская ясырка, — говорится в документе, — именем Калиба, а та жонка жила у тех мужиков у Чюхчей три годы, и она де ему сказывала, что на острове, который в море, идучи к той Колыме реке судами на левой руке, а учнет де тот остров объявляется в море от матерой земли в виду на левой руке, идучи из Лены от Святого Носу, а к Яне де реке и от Яны к Собачьей, а Индигирка тоже, и от Индигирки к Колыме реке идучи и гораздо тот остров в виду, и горы снежные, и пади, и ручьи знатные все; а тот де остров Камень, в Мори пояс, и промышленные люди смечают все то один идет, что ходят из Поморья с Мезени на Новую Землю, и против Енисейского, Тазовского и Ленского устья тот Камень тож все один, что называют Новою Землею; и те де Чухчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем, и на том де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые

головы со всеми зубами, и по своему де они тем головам молятца, а он де (Стадухин. — В. П.) того у них моржового рыбья зубу не видал, а промышленные де люди ему сказывали, что они у тех Чухчей тот моржовый зуб видали, концы де у них оленных санок все того одного моржового зуба; а у тех де Чухчей соболя нет, потому что живут на Тундре у моря, а доброй де самой черный соболь все по Колыме, а от Колымы де до реки, что повыше той Колымы, сказывают Пагача, а до ней от Колымы парусным погодьем бежать сутки трои и болши и та де река болшая и соболная ж...»

Рассказ Стадухина основан на трех источниках информации: во-первых, на наблюдениях самого землепроходца; во-вторых, на сведениях «погромной жонки» Калибы и, в-третьих, на данных, собранных у промышленников, которые первыми прокладывали пути и в Сибири, и в Студеных морях от Архангельска до Тихого океана и, возможно, уже в конце XVI века прошли всем Северным морским путем и достигли Америки.

«Распросные речи» Стадухина — важнейшая веха в истории поисков Северного материка, ее отправной пункт. Судя по карте, вывезенной Исааком Массой из России в Смутное время, к этому времени на Руси стало складываться представление о том, что в Северном Ледовитом океане от Новой Земли на восток протянулся исполинский гористый остров. Его очертания прослеживаются на русской карте севера России, опубликованной И. Массой, к северу от Таймыра, начиная от траверза Енисея, и обрываются рамкой карты на значительном расстоянии к северо-востоку от Пясины.

В «Распросных речах» Стадухина обобщаются результаты Великих географических открытий россиян до середины XVII века. Они свидетельствуют о том, что к этому времени (1643—1646 годы) русские промышленники «на свой риск и страх» прошли Студеными морями от Архангельска до северо-восточных берегов Чукотки, открыли крупнейшие земли в Ледовитом океане напротив устья Енисея, Пясины, Лены, Яны, Индигирки, Колымы и собрали сведения об островах Берингова пролива.

Обращает на себя внимание свидетельство, что реки Пагычи можно достигнуть на судне при благоприятном «парусном погоды в трое и больше суток». Это дает основание предполагать, что ко времени открытия Стадухиным Колымы промышленники уже морским путем достигли реки Анадырь. Быть может, не лишено основа-

ний предположение, что выходцы из Новгородской земли, бежавшие от погрома Ивана Грозного в Сибирь, уже в конце XVI — начале XVII века вышли ледовитыми морями к берегам Аляски.

Частые встречи промышленников с обширными землями в левой руке при плавании на восток навели их на мысль, что это не отдельные острова, а единый каменный пояс, наиболее известной частью которого является Новая Земля. Этот «камень» с ручьями, падами и горами протянулся до Тихого океана.

Так начали складываться русские представления о новом континенте к северу от Сибири, в основе которых лежали не вымышленные, а действительные открытия, открытия выдающегося значения...

Часть из них приходится на долю Стадухина, который кроме Колымы открыл Пенжинское море и реку Камчатку, а также доставил науке первые сведения об этом полуострове (они нашли отражение на знаменитой карте Сибири Петра Годунова, составленной в Тобольске в 1667 году).

Что касается сведений Стадухина о землях в Ледовитом океане, то они заинтересовали сибирские власти. В 1650 году был отправлен в плавание Юрий Селивестров, которому было поручено «иттить море на остров и кость промыслять», но стоявшие около Ляховских островов промышленники не позволили ему высадиться. Селивестрову пришлось «от их насильства» бежать на Колыму.

30 июня 1652 года пятидесятнику Ивану Реброву якутскими властями было приказано по прибытии в Нижнеколымский острог, основанный Стадухиным, «велеть служилым людям проводывать и самому промышленных людей расспросить про тот остров, что в море против Колымы-реки Новая Земля, есть ли на том острове морской зверь морж и побивают ли?».

К сожалению, «Распросные речи» Стадухина останутся на целое столетие в забвении в бумагах Якутского архива, пока их со многими другими ценнейшими документами не извлечет оттуда участник Второй Камчатской экспедиции профессор Герард Фридрих Миллер, автор классического труда «История Сибири». С этого времени Михаила Стадухина станут вспоминать довольно часто, видя в его словах одно из доказательств существования Северной «матерой земли».

Хотя донесение Стадухина лежало в архиве, предания о Большой Северной Земле продолжали распростра-

няться по Сибири на протяжении всей второй половины XVII столетия и даже достигли Западной Европы.

В самом начале XVIII века служилый человек Михаил Наседкин, совершая плавание по Восточно-Сибирскому морю, «присмотрел» землю, которая тянулась на севере от Колымы до Индигирки.

«Этим островом, — по словам В. Ю. Визе, — чрезвычайно заинтересовались русские власти, так как по рассказам местных жителей выходило, что он составляет одно целое с Америкой».

На поиски был отправлен казак Василий Стадухин, но его кочи не смогли достичь неведомой земли, так как путешественников застигла буря и они «мало не погибли». Неведомая суша грезилась многим путешественникам и составителям карт Сибири.

Признаки большой земли можно видеть на «Карте мест, от реки Енисея до Камчатки лежащих», составленной либо в 1710, либо в 1711 году земским комиссаром Селенгинского дистрикта Ф. Бейтоном. Одна «землица» показана к востоку от мыса Шелагского, другой остров виден к северу от Колючинской губы, очертания которой, как и всей Чукотки, даны в схематическом виде.

На «Карте якутского дворянина Ивана Львова» к северо-востоку от мыса Шелагского имеется «остров, на котором живут чукчи»; показан он в том районе, где спустя полтора века был открыт остров Врангеля. Обращает на себя внимание еще одна особенность этой карты: Шелагский Нос показан в виде крупного полуострова, по своим размерам не уступающего Чукотскому, хотя, возможно, это перешеек, а не полуостров, поскольку его северная часть уходит за рамку карты.

В начале XVIII века якутский воевода приказал М. Вагину проведывать «про острова к северу от Яны». Добравшись на собаках до Святого Носа, М. Вагин в 1712 году со своими спутниками перешел по льду на остров, получивший впоследствии название Большого Ляховского. С его берегов он видел другую землю (остров Малый Ляховский).

Около 1720 года И. Вилегин посетил Медвежий остров, хотя он считал, что «нашел землю, токмо не мог знать — остров ли или матерая земля». На ней он приметил старые юрты и признаки, где прежде юрты стояли, а какие там люди жили, о том не ведает. Одновременно распространились сведения о земле, открытой шелагским князем Копаем. Она изображена в виде обширного острова, лежащего к северу от Колымы, на карте Во-

сточной Сибири, составленной около 1726 года И. Козыревским. Большая Земля, открытая в 1723 году князем Шелагским, видна и на карте, привезенной мореходом А. Ф. Шестаковым.

Эти карты северо-востока России были доставлены в Петербург. Когда снаряжалась Вторая Камчатская экспедиция, ее руководителю В. Берингу и подчиненным ему северным отрядам, которые должны были изведать морской путь из Архангельска на Камчатку, сенатом было дано следующее поручение: «В том же Северном море значит в карте, против устья Колымского, остров, о котором разглашено, якобы земля великая, и бывали из сибиряков, и людей видели, о том Берингу с товарищи разведать подлинно в Якутске, и ежели правда или иные острова и землю в море посланные шлюпки увидят, то к берегам приставить и сколько мочно осматривать, и ежели людей найдут, то с ними поступать ласково и ничем не озлоблять, а наведаться, коль велики такие острова и земли, и куда они пошли, и чем довольствуются... А буде такое место придет, что Сибирский берег с Американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти, то следовать подле того берега сколько возможно, которой приведет к Северной стране, и, идучи, по тому ж о народах поступать, как выше объявлено; и при том выведывать, далеко ль на другой стороне Полуденное, или Восточное, море, и потом возвратиться в Ленское устье и в Якутск по-прежнему, не замешкиваясь до того времени, когда там лед становится... А ежели такого соединения Американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращаться, не обходить угол и прийти до Камчатки, как выше объявлено».

С этого времени на протяжении многих десятилетий вопрос о поисках Большой Северной Земли будет в России решаться, как правило, на высшем государственном уровне. Но еще важнее другое. Из приведенной части документа сената очевидно, что вопрос о «Земле великой» рассматривался как составная часть проблемы о существовании Северо-восточного прохода из Атлантики в Тихий океан, в свою очередь тесно связанной с окончательным установлением истины, «сошелся ли Сибирский берег с Американским», или они разделены проливом (плавание Дежнева к этому времени было забыто).

Результаты Второй Камчатской экспедиции подвергли сомнению реальность существования Великой Се-

верной Земли. Дело в том, что историка экспедиции Герарда Фридриха Миллера в Якутском архиве ждали великие открытия и уникальные находки. В местной приказной избе сохранились документы не только о первых походах россиян в Сибирь, об освоении этой страны, но и о замечательных плаваниях русских через полярные моря из Лены в Тихий океан... Задача, которую решали северные отряды Второй Камчатской экспедиции, по свидетельству документов, уже была выполнена смелыми землепроходцами XVII века. Они были более счастливыми в своих плаваниях по Ледовитому морю. Особенно поразило Миллера известие о плавании казаков Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы в Тихий океан к устью реки Анадырь. «Сие известие об обходе Чукотского Носу,— писал Миллер,— такой важности есть, что оное паче вышеписанных примечания достойно, ибо известие есть, что прежде никогда подлинно не знали, не соединилась ли в сем месте Азия с Америкою, которое сомнению и к первому отправлению господина командора Беринга в Камчатку причину подало. А ныне в том уже никакого сомнения больше не имеется».

Дальше Миллер первым из историков рассказал о первом известии, содержащем подробности плавания Федота Алексеева, Герасима Анкудинова и Семена Дежнева вокруг Чукотского Носа. При этом на всем пути от Колымы до Тихого океана мореходы не встретили ни носящихся льдов, ни неодолимых трудностей, потому что в их отписках «ни о каком страхе не упомянуто».

При вступлении в Тихий океан был разбит коч Герасима Анкудинова. Находившиеся на нем мореходы перебрались на остальные два судна, которые, несмотря на позднее время (сентябрь), счастливо обогнули Чукотский Нос. Мореходы усмотрели к востоку от него два острова, на которых жили люди, украшавшие свое лицо моржовыми зубами. Потом Миллер подробно описал, как во время бури кочи Федора Алексеева и Семена Дежнева были «без вести» разлучены. Коч Дежнева долго носило по морю и только «после Покрова Богородицы» (1 октября) выбросило на берег «за рекою Анадырем». Дежнев поставил на Анадыре острог, построил новые суда и собирался предпринять поход вокруг Чукотского Носа к устью Колымы, а возможно, и Лены. Однако за неимением крепких парусов, канатов и якорей он «не посмел» отправиться в этот дальний путь, тем более что море, по «скасам тамошних народов, не во всякий год от

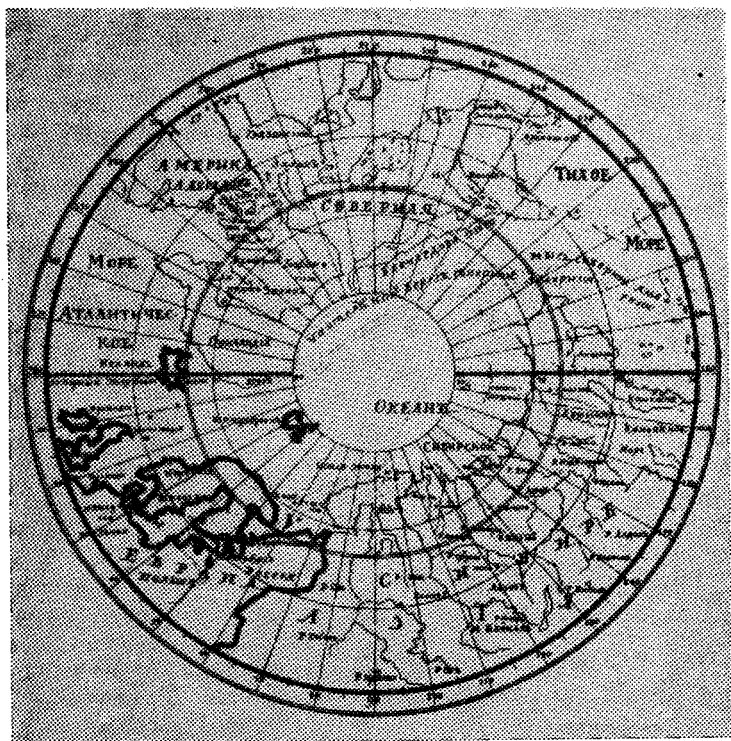
льду чисто бывает». Дежнев употребил эти суда для ознакомления с ближайшими районами. В 1654 году в коряцком селении, мужское население которого при приближении казаков разбежалось, нашел он среди женщин и детей «якутскую бабу», жившую некогда у Федота Алексеева в Якутске, и «та баба сказала, что Федотово судно разбило близ того места, а сам он, Федот, поживши там несколько времени, цингой умер, а товарищи его иные от коряков убиты, а иные в лодках неведома куда убежали». Среди них находился сын Федота Алексеева. Он якобы поселился на Камчатке вблизи устья реки, которую и теперь называют Федотовкой...

Собранные в Якутском архиве сведения Миллер изложил в труде «Известия о Северном морском ходе из устья Лены-реки ради обретения восточных стран». Экстракт этого сочинения он вручил Берингу, который переслал его в Петербург президенту Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головнину. «Известие о Северном морском ходе» оказало безусловное влияние на решение высших морских кругов о продолжении исследования северных берегов России, которое по причине неудач и больших жертв едва не было приостановлено.

Наряду с краткой историей мореходства по полярным водам северо-востока России в своих «Известиях» Миллер приводил свидетельства русских землепроходцев о том, что Северо-Западная Америка находится в недалеком расстоянии от Чукотского Носа, что эта земля «не малой величины», что она «на полдень зело далеко распространяется, ибо чукчи оттуда и куниц получают, которые не в столь студеных местах находятся, но где гораздо теплее бывает».

Миллер поставил под большое сомнение вопрос о существовании «великой земли на Ледовитом море», поиски и исследование которой являлись одной из важнейших задач северных отрядов Второй Камчатской экспедиции. Известия, которые удалось собрать ученому, не удовлетворяли его. Миллер находил их малоубедительными для того, чтобы делать какие-либо заключения. Ученый считал баснословными рассказы о том, что так называемая Великая Земля обитаема неизвестным народом. «...А о жителях, — писал он, — и рассуждать нечего, понеже о них и подлинных признаков не найдено, да и не можно надеяться, чтоб какой народ в той жестокой стране, около которой ни летом, ни зимою лед не тает, долго жить или бы там плодиться мог».

Полярная карта Ломоносова

Материалы, собранные Миллером в Якутском архиве, послужили впоследствии основой для его уникального труда о русском полярном мореплавании в XVII — начале XVIII века.

Они оказали большое влияние на русскую картографию 40-х годов XVIII века. Ни на одной отечественной карте, посвященной великим открытиям и исследованиям Второй Камчатской экспедиции, нет и намека ни на Северный материк, ни на какие-либо земли к северу от побережья Сибири, так что на некоторое время русские моряки и ученые Петербургской Академии наук единодушно предали забвению гипотезы и легенды о Великой Северной Земле. Но ненадолго. Дело в том, что европейские картографы не желали расставаться с географическими мечтами своих предшественников.

В 1752 году Ф. Бюаш опубликовал карту полярных стран, на которой к северу от Первого Медвежьего остро-

ва изобразил Великую Землю. М. В. Ломоносов, трудившийся над проектом русской экспедиции из Атлантики через Северный полюс в Тихий океан, «не порицал» этого картографа за изображение «матерой земли».

Именно в эти годы сибирские промышленники посетили снова землю к северу от Святого Носа. Вероятно, эти вести дошли до Петербурга. Великий русский ученый собирался поместить на своей карте Северный материк, но, по-видимому, передумал и к северу от Яны и Колымы изобразил остров Сомнительный. Тем временем Никита Шалауров, плывя из Лены к Колыме, увидел за Святым Носом «великую землю с горами о 17 верхах», а купец Иван Ляхов посетил острова, названные его именем.

В эти же годы предания о Северном материке сливаются с рассказами о Большой Земле, которая в действительности лежала не к северу, а к востоку от берегов Сибири. На картах последней четверти XVIII века берег Америки распространяется далеко на запад, захватывая район Медвежьих островов и приближаясь к Новосибирскому архипелагу, который в значительной части еще предстоит открыть.

В 1762 году начальнику Охотского и Камчатского края полковнику Федору Плениснеру, участвовавшему в последнем плавании Витуса Беринга, сибирские власти поручили организовать широкие исследования в северной части Тихого океана и на северо-востоке Азии. Одной из задач этих изысканий должна была стать организация поисков к северу от Чукотки с целью открытия новых земель и островов в Ледовитом море. На пути к месту новой службы в Анадыре Плениснер с прилежанием собирал у жителей Колымы и Чукотки сведения о Большой Северной Земле. Для ее поисков он в следующем году отправил экспедицию под начальством сержанта Степана Андреева.

22 апреля 1763 года Андреев достиг первого Медвежьего острова, на берегу которого обнаружил развалины старинного зимовья, сооруженного из плавника. На следующий день перебрались на второй остров. Затем обследовали третий остров, где обнаружили строение в виде «крепостцы», рисунок которого украшает ряд карт того времени. Потом был осмотрен четвертый из Медвежьих островов, получивших свое название от множества следов медведей, обнаруженных на их берегах. Дольше всего экспедиция занималась картированием Четырехстолбового (пятого) острова. По мнению Андре-

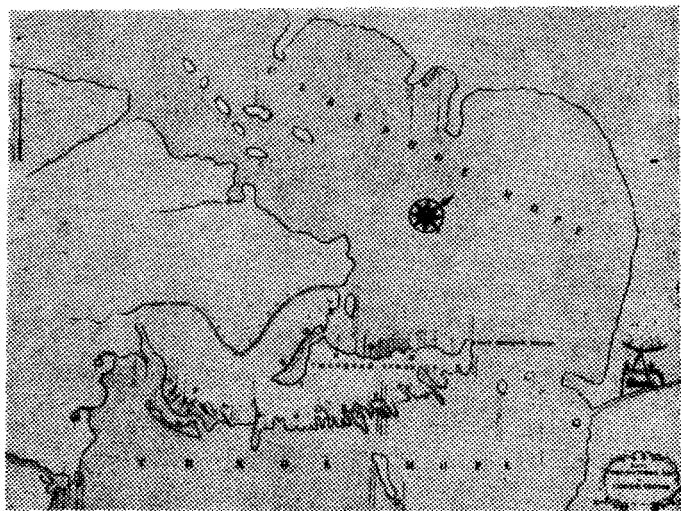
ева, он лежал на север от устья реки Чаун и простирался к Чукотскому Носу. Тем самым составителям последующих карт был дан повод распространить американский берег на запад от Берингова пролива до траверза реки Колымы. Вернувшись в Нижнеколымск, Андреев сообщил, что с острова Четырехстолбового он на северо-востоке «с трудностью» видел, что там «синь синее или чернь чернеет», но не мог истинно сказать, «земля ли это или полое место».

В 1764 году Андреев продолжал поиски Большой Северной Земли. 22 апреля он заметил впереди признаки суши.

«Увидели остров весьма не мал, гор, стоячего лесу на нем невидимо, низменной, одним концом на восток, а другим на запад и в длину так, например, имеет 80 верст». К нему вели следы людей, которых Андреев посчитал оленным народом храхай. Путешественники из-за малочисленности своего отряда повернули назад, не дойдя 20 километров до «низменной» земли. Именно низменной земли, на которой не было видно ни леса стоячего, ни гор. Так в истории поисков Северной «матерой земли» появилось еще одно звено и еще одна тайна, разгадка которой занимала умы ученых почти два столетия.

В 1769 году в «секретный вояж» отправились прапорщики Леонтьев, Лысов и Пушкарев, которым поручалось заняться «американской матерой со стоячим лесом землей». Они весьма точно положили на карту Медвежьего острова. Следующей весной от острова Четырехстолбового путешественники пытались пробиться к «Большой американской земле», но смогли пройти только до 74°05' северной широты, не найдя признаков неведомой земли. В 1771 году Леонтьев со своими товарищами совершил третий поход по льду строго на восток от последнего Медвежьего острова, но, не обнаружив признаков матерого берега, направился на юг, к Баранову Камню.

В экспедиции Леонтьева участвовал ученый-чукча Н. Дауркин. Он сообщил властям, что «Большая земля», которую искал Леонтьев вместе с прапорщиками Лысовым и Пушкаревым, есть не что иное, как протянувшийся на запад берег Америки, который отдельными полуостровами спускается по направлению к Чукотке, Колыме и Медвежьим островам, а затем уходит на запад, по направлению к Новой Сибири. Им была составлена карта, на которой действительные, личные наблюдения

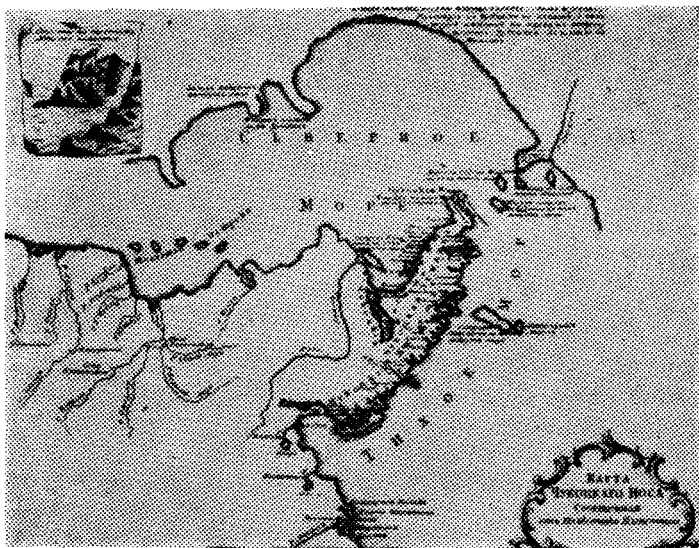
Карта Н. Давуркина с изображением
части берегов Северной матерой земли

во время путешествий чудодейственно переплелись с давнишними преданиями, слухами и, наконец, рассказами чукчей об Аляске, которые не раз вводили исследователей в заблуждение. На карте есть надписи: «Живут оленье люди храхай», «Земля Китеген, живут люди». «Обрис Большой земли» был сделан Н. Давуркиным со слов «некоего американского тоена» и, как справедливо полагал Ф. П. Врангель, относился к северо-западным берегам Америки.

Затем появилась «Карта Чукоцкого Носа, сообщенная от полковника Плениснера». По мнению некоторых исследователей, «она способствовала искоренению ряда фантастических представлений об Азиатско-Американском материке», хотя на самом деле она является лишь улучшенным вариантом карты Н. Давуркина и сохраняет его заблуждения о Большой Северной Земле.

В 1778 году к северу от Берингова пролива появились два корабля английской экспедиции под начальством Джеймса Кука.

Кук и астроном Балей «неоднократно думали видеть примеры близости земли на севере», о чем свидетельствовали и отсутствие течения, и образование льдов, и полет птиц с севера на юг, и малое увеличение глубины

Материя земля на карте
полковника Плениснера

моря по удалении от берегов. По мнению его спутников, Джеймс Кук догадывался, что «сии два материка соединяются у полюса».

18 августа, когда экспедиция находилась в районе Ледяного мыса, в журнале экспедиции была сделана запись: «Стоим близко к краю льда сплошного, как стена, высота 10—12 футов. Дальше на север она кажется еще выше».

После первого плавания в Северный Ледовитый океан Джеймс Кук писал 20 октября 1778 года в английское Адмиралтейство, что он в будущем 1779 году предпримет еще одну попытку, но мало надеется на успех. «Лед, который не так-то легко преодолеть, является, по-видимому, не единственным препятствием на нашем пути. Берег обоих континентов на большое расстояние очень низкий, и даже посредине между двумя материками глубины весьма незначительные. Это да и другие обстоятельства как бы доказывают, что в Ледовитом море имеется больше земли, чем об этом нам пока ведомо; там источник льда, и полярная часть океана отнюдь не является открытым морем».

Английские мореплаватели неоднократно в своих журналах отмечали вероятность существования в Ледо-

витом океане земли или «возможность соединения двух материков». Об этом свидетельствуют записи 16 марта и 27 июля 1779 года.

Вопрос о перешейке нашел воплощение в известной гипотезе участника английской экспедиции Дж. Бурнея (Барни), защищавшего идею соединения Азии и Америки и ставившего под сомнение плавание Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова. «Плавания Кука и Клерка были оценены в Англии как окончательное доказательство невозможности практического использования Северного морского пути между Атлантическим океаном и Тихим». Таким образом, за несколько веков иностранцы, искавшие Северо-восточный проход, на западе достигли пределов Новой Земли и Ямала, а на востоке — меридиана Северного мыса. Препятствия, остановившие здесь зарубежных мореплавателей, по словам Врангеля, «преодолены нашими мореходами».

Результаты плавания Джеймса Кука в Северный Ледовитый океан нашли отражение на карте секунд-майора М. Татаринова, которую он сочинил в Иркутске в 1779 году. Она интересна тем, что Американский континент распространен на значительную часть Северного Ледовитого океана. Его берег от Ледяного мыса круто поворачивает на запад и тянется почти ровной линией параллельно берегам Сибири. Между устьями Колымы и Индигирки он проходит примерно по 79° северной широты и, спустившись несколько к югу в районе Святого Носа, принимает северо-западное направление. На меридиане Новой Земли он проходит вблизи 83° северной широты и, миновав на той же параллели Шпицберген, наконец соединяется с Гренландией. Точно так же изображен Американский континент и на «Карте восточной части Азиатской Сибири и западной части Америки».

Таким образом, на протяжении XVII и XVIII веков в России в основном сложились представления о Великой Земле как об исполинском Северном континенте, который является частью Америки, тем более что ее «чаятельное» северное побережье от Берингова пролива до Гренландии ждало своих исследователей.

Открытие нового полярного материка стало важнейшей задачей русских полярных исследований.

«К северу должно быть матерой земле...»

8 августа 1785 года русское правительство приняло решение о снаряжении географической и астрономической экспедиции. Ее главной задачей являлось исследование Колымы, Чукотки, островов и морей к северу от Восточной Сибири, а также картирование северо-западных берегов Америки, открытых В. И. Берингом и А. И. Чириковым и освоенных русскими промышленниками.

Начальником экспедиции был определен поручик Иосиф Биллингс, принимавший участие в последнем плавании Джеймса Кука и затем перешедший на службу в русский флот. В число своих помощников Биллингс избрал лейтенантов Гавриила Сарычева, Христиана Беринга и Роберта Галла. В путешествии участвовал 141 человек. В их числе художник Лука Воронин, чьи рисунки дошли до нашего времени.

Сарычев 31 августа отправился к академику Палласу и с его дозволения до отъезда из столицы занимался практикой определения долготы и широты места на основе астрономических наблюдений.

В середине сентября 1785 года Сарычев первым из офицеров покинул Петербург. Ему поручалось потребо-

вать от иркутских властей, чтобы предстоящей зимой в Верхне- или Среднеколымском остроге был заготовлен двухлетний запас провианта для ста человек, а затем отправиться в Охотск и осмотреть, пригодны ли имеющиеся там суда для плавания по Тихому океану.

Лили беспросветные дожди. Дороги пришли в негодность. Лошади медленно тащили повозку путешественника. Потребовалось более месяца, чтобы добраться до Тобольска. 28 октября 1885 года Сарычев переправился на лодке через Обь. 10 ноября он приехал в Иркутск. Затем предпринял путешествие сначала в Охотск, а потом в Верхнеколымск.

Верхнеколымский острог, раскинувшийся на берегу реки Ясачная, поблизости от впадения ее в Колыму, состоял из пяти изб, часовни, трех юрт и нескольких амбаров. Это крохотное селение было обнесено деревянным забором. Капитан Биллингс занял одну из изб, Сарычеву пришлось довольствоваться юртой, а нижним чинам вообще «негде было жить». Решено было построить для них казарму. Одновременно возводилась печь и кузница.

Между тем большинство путешественников было занято заготовкой леса. Его рубили по берегам реки Ясачной и сплавляли вниз по течению до Верхнеколымска до тех пор, пока не начались морозы. 27 сентября 1786 года река замерзла. Через несколько дней лед настолько окреп, что по нему можно было ездить на лошадях.

В конце ноября состоялась закладка первого судна. Строили его из местного леса и материалов, доставленных из Якутска. Дело первоначально подвигалось очень медленно. Здешние казаки были не весьма сведущи в плотничьем деле и плохо понимали корабельного мастера Тиммермана, не знавшего русского языка и объяснявшегося междометиями и жестами. Когда Тиммермана заменили шкипером Баковым, работа зашпорилась и появилась надежда, что весной экспедиция отправится в плавание.

Недели бежали за неделями. Все короче становился день, и все сильнее крепчали морозы, достигая порой минус 43°. Ртутные термометры не годились для метеорологических наблюдений. Их заменили спиртовыми.

«Солнце тогда действовало весьма слабо и не могло согревать воздуха, ибо показывалось на горизонте только около полудня и то на самое малое время, притом лучи его падали весьма косвенно. Примечательно, что при

самых жестоких морозах не бывает здесь никогда ветру и воздух стоит безо всякого движения. Как только начинается ветер, то мороз станет уменьшаться».

В разгаре зимы начала сказываться нехватка свежей пищи. Путешественники допустили большую оплошность: осенью, когда с наступлением первых морозов в реках отлично ловилась рыба, они не создали запасов на зиму. Вскоре солонина всем надоела. Дело дошло до того, что пришлось откопать и сварить выброшенные на улицу и занесенные снегом налимыи головы. Пища, приготовленная из них, стала «лучшим кушаньем».

Вследствие недостатка свежего мяса и свежей рыбы появилась цинга. Правда, смертельных исходов не было. Но больные среди служителей были до апреля месяца, когда появились первые перелетные птицы.

В середине мая, когда вскрылись реки, спустили на воду два судна. Одно из них было названо «Паллас» в честь ученого Российской Академии наук П. Палласа, снабдившего экспедицию наставлениями по ученой части. Второе судно нарекли «Ясашна» в честь реки, на берегу которой провела первую зимовку экспедиция. «Палласом» командовал Биллингс. Начальствование над «Ясашной» было поручено Сарычеву. Почти всех людей, знавших морское дело, Биллингс забрал в свой экипаж. Вместе с Сарычевым на борт «Ясашны» ступили три геодезиста, подлекарь, боцманмат и двенадцать казаков, определенных на должности матросов.

«Итак,— отмечал Сарычев в дневнике,— из всех со мною на судне находившихся, кроме боцманмата, не только никто не бывал в море, но и понятия не имел о нем. С этими неопытными людьми должен я был предпринять самое трудное и самое опаснейшее плавание по Ледовитому морю, где требовалось беспрестанное бдение и всевозможная осторожность».

Сарычеву ничего иного не оставалось, как торопливо обучить этих несмышленишей морскому делу. Геодезисты стали штурманами, казаки овладели искусством править рулем.

25 мая 1787 года корабли снялись с якоря, команда «Ясашны» умело и быстро поставила паруса. Правда, особой надобности в них не было: весенние воды несли суда со скоростью миль в час. Скоро достигли Колымы. Через три дня путешественники увидели церковь и несколько изб, окруженных деревянным забором. То был Среднеколымск. В этом остроге стояли две недели. Ожидали, когда местные кузнецы и корабельные масте-

ра изготовят якорь для судна «Паллас». Между тем погода стояла прескверная. Дули северные ветры. Ночью бывали заморозки. Часто шли ледяные дожди, порой переходившие в снег.

11 июня плавание возобновилось. Спустя неделю экспедиция сделала остановку в летовье омолонских крестьян. Здесь путешественников поджидали капитан Тимофей Иванович Шмалев, сотник Иван Кобелев и ученый-самоучка Николай Иванович Дауркин, переводчик с чукотского языка. Эти знатоки северо-востока России прибыли по требованию Биллингса из города Чижиги. Они должны были сопровождать экспедицию «во время плавания по Ледовитому морю» и в случае встречи путешественников с чукчами могли помочь возможно любезнее их приласкать. Дауркина и Кобелева взял Биллингс на борт «Палласа». С Сарычевым отправился Тимофей Шмалев, великолепно знавший историю местного края и древнейшие предания о Ледовитом море и землях, которые находились к северу от берегов Сибири.

18 июня «Паллас» и «Ясашна» достигли Нижнеколымска, в котором Сарычев насчитал 33 дома, деревянную крепость и церковь.

Здесь «Паллас» простоял четыре дня; «Ясашна» — семь суток. Чинили и подправляли суда и пополняли запасы провизии сушеным и соленым мясом, которое по просьбе путешественников было заготовлено юкагирами, проживавшими на берегах Омолона и Анюя.

Сарычев стремился подготовить свое судно возможно лучше к предстоящему плаванью среди льдов Сибирского океана, студеное дыхание которого нередко доносили северные ветры. Пока стояли в Нижнеколымске, погода была тихой, теплой, солнечной. Досаждали лишь комары.

21 июня Сарычев приказал выбирать якорь. «Ясашна» оделась парусами и неторопливо заскользила к северу по тихой воде. Вдали виднелись берега Колымы, поросшие редкими кустами ивняка. Затем на смену ивняку пришли трава и мох. Через два дня среди тундры заметили одинокую избу. То было зимовье купца Никиты Шалаурова, который в 1762 году пытался пройти на судне из Лены в Восточный океан, но вблизи устья Колымы был остановлен льдами и зазимовал. Спустя два года Шалауров повторил попытку. Он поплыл морем на восток и навсегда бесследно исчез...

На том же берегу, у самого моря, на фоне светло-

голубого неба виднелся темный силуэт маяка, поставленного более полувека назад Дмитрием Лаптевым, который проплыл на боте из Лены до Колымы, а затем предпринял одну за другой две попытки пройти морем к берегам Камчатки, но был остановлен льдами у Большого Баранова Камня... Теперь тем же путем предстояло идти Сарычеву, Биллингсу и их товарищам.

Судно «Паллас» дожидалось «Ясашны» у того же лаптевского маяка. Экспедиция собралась в полном составе. Всего лишь несколько миль отделяло путешественников от Ледовитого моря.

Сильный юго-западный ветер развел в устье Колымы большую волну. Неожиданно в судне «Ясашна» обнаружилась течь. Оказалось, что выше ватерлинии в одном из пазов выбилась пенька. Это место пришлось замазать салом и обить свинцом. Около полуночи 24 июня «Паллас» и «Ясашна» вышли в Ледовитое море. Вскоре спустился туман, судам пришлось бросить якорь и простоять несколько часов в бездействии. Утром легли курсом на восток. Справа виднелся утесистый, гористый берег. Слева до горизонта простиралась вода. Поставили все паруса, но вскоре пришлось их убирать. В середине дня 25 июня впереди обозначились большие ледяные поля. Сначала решили, что они стоят на мелких местах. Но вскоре выяснилось, что под влиянием ветра и течений они движутся от северо-запада к юго-востоку. С каждым часом льдов становилось все больше. Кораблям все труднее приходилось пробираться меж льдин. Чтобы спастись от их напора, пришлось приблизиться к берегу и укрыться в устье небольшой речки. Это было тем прискорбнее, что случилось всего лишь в 20 милях к востоку от Колымы...

Снова наплыл густой туман. Не стало видно ни льдов, ни каменных утесов, ни увалов на берегу, которые напоминали застывшие волны. Вдали над ними возвышался Большой Баранов Камень, тот самый камень, у которого были остановлены льдами почти все далекие и близкие их предшественники. Счастье улыбнулось только Федоту Алексееву и Семену Дежневу...

Трое суток простояли «Паллас» и «Ясашна» в небольшой бухте, каменные берега которой защищали их ото льдов.

Путешественники высадились на берег. Земля была покрыта местами травой, местами мхом. Кое-где пестрели цветы, кое-где виднелись заросли ивняка и стелющейся березы. На вершинах гор и в долинах под уте-

сами белели пятна оледенелого снега. Сияло солнце.

Сарычев определил по Солнцу широту места стоянки. Результаты были самые неожиданные. Снова брали высоты. Снова производили определения. Ошибки не было. Все вычисления оказались сходными. Стало очевидным, что «берег Ледовитого моря положен далее к северу почти на два градуса».

25 июня ветер переменился. Льды стали заполнять бухту, в которой стояли «Паллас» и «Ясашна». «Почему, — писал Сарычев, — принуждены были сняться с якоря и пробираться с великою опасностью назад подле самого утеса, к которому едва нас льдом не прижало».

Отступив на 8 миль по направлению к Колыме, нашли убежище «противу разлога гор, вблизи небольшой речки». День проходил за днем. Ветер стих и не доставлял беспокойства судам. Установили фүтштоки для вычисления приливов и отливов. Но сколько ни наблюдали, заметного повышения уровня моря так и не обнаружили. Почему же в Ледовитом море, вблизи Колымы, отсутствовали приливы и отливы? Этот вопрос занимал Гавриила Сарычева, но он не мог найти ему удовлетворительного объяснения. Не менее удивило его еще одно обстоятельство. Однажды налетел неистовый ветер с юго-запада. Моряки надеялись, что он отгонит далеко от берега державшие их в плену льды. Ветер бушевал день, другой, а льды отошли лишь на несколько сот сажен от берега и остались на виду у всех. Казалось, отступать к северу им мешает какое-то препятствие.

Когда Сарычев поделился своими мыслями с капитаном Шмалевым, тот рассказал ему, что во время встреч с чукчами он слышал от них о матерой земле, расположенной к северу от Шелагского мыса. Она здесь подходит близко к берегам Азии, и до нее зимней порой можно на оленях по льду добраться всего за одни сутки. Эти сведения подтверждали прежние предания и совсем недавние донесения сибирских властей о матерой земле, в существование которой издавна верили местные старожилы... Более того, плававший вместе с Биллингсом Николай Дауркин был настолько убежден в существовании к северу от Чукотки неведомой земли, что изобразил ее на нескольких картах.

Адмиралтейств-коллегия, снаряжая секретную экспедицию на северо-восток Сибири, признала весьма полезным разведать, является ли эта земля островом или представляет собой твердь, протянувшуюся от Америки.

Интересовал русское правительство и вопрос о том, обитаема ли эта земля и насколько многочисленна...

Чем больше наблюдал Сарычев за Ледовитым морем, дрейфом льдов, приливами и отливами, в которых не примечал «чувствительной перемены», тем все больше и больше склонялся к выводу: на севере действительно существует исполинская земля. Он надеялся, что вместе с Иосифом Биллингсом ступит на ее берега. Но уже первые часы плавания к северу сложились для экспедиции неудачно. Скромная по размерам «Ясашна» не успевала за «Палласом», который имел лучший ход и вскоре скрылся в тумане. С трудом Сарычев и его спутники вели свое судно между льдин, порой дрейфовали вместе с ними, но, как только появлялись прогалыны чистой воды, устремлялись на север.

Два дня шли в пасмурности. Иногда туман столь сгущался, что даже «в двух саженях ничего различить было нельзя». Ориентировались по глубинам. Они сначала возрастали, затем стали уменьшаться. В конце концов Сарычев, считая, что находится вблизи Медвежьих островов, и не видя их из-за густого тумана, приказал стать на якорь. Зарядили пушку и выстрелили, давая знать морякам «Палласа» о своем местонахождении. Чутко прислушивалась команда, надеясь различить ответный выстрел. Но ни один звук не нарушил глубокой тишины полярного моря. Томительно тянулись часы вынужденной остановки. Наконец горизонт на юге посветлел. Вдали обозначились горные увалы сибирского берега, вблизи которого они плавали в течение последних двух недель.

На севере по-прежнему держался плотный туман. Ничего не было видно.

Сарычев был удручен вынужденным бездействием и решил возобновить плавание по направлению к Великой Земле, которая по своей обширности равнялась матерiku... Пасмурность постепенно рассеивалась. Путешественники надеялись встретить к северу чистую воду, но вскоре различили огромные ледяные поля. Им не было конца-краю. Они занимали все видимое пространство. Ветер свежел. Издали доносился скрежет льдов, о которые с грохотом разбивались набегавшие волны. Пути на север, к берегам загадочной земли, не было. Решили возвращаться на юг, к устью Колымы.

Утром 4 июля «Ясашна» встретила с «Палласом». Биллингсу, как и Сарычеву, не удалось увидеть не толь-

ко неизвестных берегов неизвестного континента, но даже известных Медвежьих островов.

На следующий день повторили попытку пройти Северным морем в Восточный океан. Шли поблизости от берега по каналу чистой воды. Ширина его не превышала двух верст. Мористее виднелся лед.

Ветер наполнил паруса, и суда неторопливо поплыли к востоку.

«Уже прошли двенадцать верст, — писал Сарычев, — как вдруг накрыл нас густой туман. Впереди и в левой стороне слышен стал великий шум от льдов. Скоро они нас совсем окружили. В какую сторону мы ни поворачивали, везде были льды, и опасность казалась неизбежной. Громоздившиеся льдины непременно раздавили бы судно, если бы в это самое время ветер не подул с другой стороны».

С трудом Сарычев вывел «Ясашну» из льдов и укрыл ее в небольшой гавани поблизости от берега. Однако опасность еще не миновала. Густой туман окутывал окрестности, и моряки не могли видеть мелкого льда в той бухте, где они укрылись. Ветер вскоре стал гнать его в море. Пришлось всей командой отталкивать льдины шестами. Затем погода улучшилась. И тут Сарычев увидел «Паллас», который шел под парусами. «Ясашна» покинула свое убежище. Оба судна одновременно подошли к окрестностям Баранова Камня, где встретили густой, непроходимый лед. По команде Биллингса повернули к берегу и, выбрав место, где можно было укрыться ото льдов, бросили якорь. Спустя некоторое время Биллингс и Сарычев отправились на Баранов Камень. Они хотели с его высоты взглянуть на положение льдов в море. Сначала плыли на шлюпке, потом шли пешком через сопки. Часто встречались олени. Видели бесчисленные стада гусей, которые столь обилием, что не могли летать. И всюду: и на пригорках, и в долинах — пестрели полярные маки и, склоняя под порывами ветра свои желтые и красные колокольца, о чем-то загадочно шептались... Может, о том, что знали о тщетности усилий людей, упрямо и неразумно надевавшихся увидеть безледное море и в нем иные берега и иные земли...

Когда Биллингс и Сарычев поднялись на вершину Баранова Камня, то убедились, что все море сплошь занято льдами и среди них нет ни одной полыньи... Сарычев долго любовался очертаниями берегов, простиравшихся на восток. Поблизости от Баранова Камня они были ровны и не весьма высоки. Лишь далеко-далеко,

у самого горизонта, выделялась вдававшаяся в море гора. Вероятно, это был мыс Песчаный, как назвал его купец Никита Шалауров. А дальше, по-видимому, находилась Чаунская губа, откуда этот мореход возвратился в устье Колымы и там зазимовал...

Когда возвращались назад, Сарычев на западной стороне Баранова Камня увидел старый деревянный крест. Он лежал на земле и почти совсем сгнил. Вероятно, на нем была надпись, но время разрушило ее. «Судя по ветхости креста, — писал Сарычев, — можно предполагать, что он поставлен во время плавания на кочах, около 1640 года. Другой столь же древний крест видел я на Омолонском летовье; но тот совсем еще цел, и надпись можно было разобрать: поставлен в 1718 году».

В тот же день Биллингс и Сарычев благополучно возвратились на свои суда. Трое суток они оставались на месте в ожидании, что подует благоприятный юго-западный ветер и откроет путь на восток. Но тщетны были их надежды. Им пришлось еще раз отступить к устью Колымы и стоять в безопасной гавани почти две недели.

17 июля предприняли третью попытку проникнуть к востоку. Льдов поблизости не было видно. Но Сарычев не обольщался. Державшийся над горизонтом туман напоминал о том, что море там забито множеством льда. На следующий день миновали Баранов Камень и направились на северо-восток, выбирая путь среди огромных льдин. Некоторые из них возвышались над водой до 4 метров и уходили на глубину 17 сажен.

С каждой милей льды становились все гуще. Настал час, и они стали неодолимой стеной. Это случилось в 12 милях к северо-востоку от Баранова Камня. Пришлось снова отступать назад. Напор льдов был столь жесток, что суда едва избежали гибели.

Утром 21 июля 1787 года Биллингс созвал совет, на котором присутствовали офицеры экспедиции. Обсуждали вопрос о дальнейших действиях в Ледовитом море. Все были единодушны в том, что плавание далее к востоку невозможно из-за множества льдов, и считали благоразумным прекратить дальнейшие попытки отыскания исполинской Северной «матерой земли» и Северного морского пути в Тихий океан. Наступающее осеннее время, по словам Сарычева, кроме опасностей от жестоких ветров, ничего не обещало.

22 июля Сарычев высадился на западном берегу Баранова Камня. Осматривая удивительно живописную

долину, он нашел обвалившиеся земляные юрты. Когда сняли слой земли, то путешественник увидел кости животных, остатки керамической (глиняной) посуды и три каменных ножа. То были первые в Арктике археологические раскопки, которые и поныне вызывают восхищение ученых. Здесь путешественники поставили памятный знак о своем пребывании. На огромном деревянном кресте они вырезали год, месяц и число пребывания экспедиции на берегах Арктики.

Между тем на море разыгрался шторм. Из-за встречного ветра суда четверо суток не могли покинуть свое укрытие. Эту вынужденную остановку Сарычев использовал для наблюдений за течениями, приливами и дрейфом льдов.

«Течение через сутки, а иногда и через двое менялось с той и с другой стороны вдоль берега, — писал Сарычев, — вода временами возвышалась, только не более как на половину фута, и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных, что к северу должно быть не в дальнем расстоянии матерой земли и что оно, по-видимому, соединяется с Северным океаном посредством узкого пролива; и потому здесь не исполняется общий закон природы, коему подвержены все большие моря.

Мнение о существовании «матерой земли» на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с необычайной жестокостью двое суток. Силою его конечно бы должно унести лед далеко к северу, есть ли б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом».

Это мнение Сарычева подтверждалось древними преданиями и недавно собранными капитаном Шмалевым и Николаем Дауркиным сведениями от жителей «Чукотского Носу». С этого дня и до заката своей долгой и яркой жизни Сарычев верил в существование матерой земли. По его планам отправлялись одна за другой экспедиции. Одни из них опровергали его представления, другие получали новые свидетельства в пользу существования «матерой земли» на севере. Так он и не узнал окончательно, легенда она или реальность. Дело в том, что окончательное решение эта проблема получила спустя почти полтора века после окончания плавания Сарычева — Биллингса по Ледовитому морю. Но об этом речь еще впереди. Вернемся к делам Северо-восточной экспедиции летом 1787 года.

Итак, по общему согласию было решено прекратить попытки пройти из Колымы в Восточный океан.

31 июля закончилось «сколь трудное, столь и опасное» плавание судов «Паллас» и «Ясашна».

Вряд ли участники экспедиции могли предполагать, что Адмиралтейств-коллегия будет чрезвычайно неудовлетворена результатами плавания в Ледовитом море. Особый гнев петербургского начальства вызвало пренебрежительное отношение Биллингса к поискам «матерой земли, виденной в 1764 году». Экспедиция не только не предприняла «никакого разведания», но даже в рапорте Биллингса не упоминалось об этом поручении. И наконец, Адмиралтейств-коллегия была возмущена тем, что на присланной Биллингсом в Петербург карте не были даже означены Медвежьи острова.

Этот разнос петербургского начальства не застал на Колыме никого из членов экспедиции, но он настигнет путешественников в Охотске и хорошо запомнится им.

Стремясь сгладить неприятное впечатление от скромных результатов плавания в Северном Ледовитом море, Иосиф Биллингс впоследствии предпримет сухопутное путешествие по Чукотской земле, и Сарычев попытается оправдать действия Северо-восточной экспедиции в своем знаменитом «Путешествии...», которое вышло в 1802 году.

Книга его произвела большое впечатление на ученых и полярных исследователей. Высказанные им взгляды о существовании Северного материка послужили мощным импульсом к его дальнейшим поискам...

«Особая часть света»

Северо-восточная экспедиция возвратилась в Петербург в 1794 году. Только через 8 лет увидело свет «Путешествие...» Сарычева, в котором он изложил свои доводы в пользу существования к северу от Колымы матерой земли.

В 1803 году на кораблях «Надежда» и «Нева», которым предстояло в первый раз пронести русский флаг вокруг света, было послано посольство в Японию, а спустя два года в Пекин с подобной же миссией отправился граф Головкин. В его свите находилось несколько ученых. Одного из них звали Михаил Адамс. Ему было 26 лет. Несмотря на свою молодость, он 5 раз побывал в горах Кавказа, где открыл десятки новых видов растений.

Теперь ему предстоит увидеть иные края, иную цивилизацию. Но напрасно он пытается нарисовать в своем воображении картину приема у китайского императора. Приема не будет. Китайские чиновники требуют таких унижительных почестей, что граф Головкин просит разрешения возвратиться в столицу.

Михаил Адамс обращается к графу с письмом. Он горит желанием участвовать в умножении успехов науки. Он стремится пойти по стопам тех испытателей

природы, которые своими путешествиями по далеким окраинам государства способствовали славе России. Это не пустые слова. Они сбываются.

Прежние ученые, которых судьба забрасывала в Сибирь, свое внимание уделяли южным ее пределам. Но Адамс стремится на север, к берегам Студеного моря.

Граф Головкин не противится плану натуралиста, и Адамс, не теряя времени, отправляется навстречу своему будущему.

Только 236 верст отделяют Иркутск от берегов Лены. Через несколько дней Адамс видит самую великую реку Сибири. Он снимает себе каморку на плоскодонном палубном судне, называемом в Сибири паузком, и вместе с купцами и казаками плывет мимо живописных гористых берегов, заросших дремучими лесами, мимо групп гранитных столбов, воскрешающих в памяти очертания древних развалин, мимо цветущих лугов, обработанных полей, сел, деревень, отдельных дворов. Вот берега Лены сближаются, и, проскочив через гранитные ворота, она разливается во всю свою ширь. Снова леса, поля, сады, лай собак, крик петухов, гомон гусей, черные отверстия пещер, дым над вековым лесом, запах гари, далекое зарево огромного лесного пожара, который никто не собирается тушить, а порой, как огромные огненные столбы, горящие на берегу лиственницы. Вот Киренск, больше похожий на деревню, чем на город. Его жители выращивают картофель, репу, капусту и даже огурцы.

Проплыв 250 верст, путешественник увидел овеянные легендами ленские щеки — отвесные скалы, поднимающиеся более чем на полтора метра над широкой гладью реки. Адамс выстрелил из ружья, и щеки многократно и гулко повторили звук. Затем путешественник крикнул «ура», и эхо многократно ответило ему. О щеках и в Киренске, и потом в Якутске слышал он немало трагических рассказов, но паузок благополучно миновал опасное место. Лишь под самым Якутском не убереглись от неприятности: судно село на мель. Прошли целые сутки, прежде чем удалось сняться.

В Якутске путешественника встретили тепло. Главный начальник поместил Адамса в своем доме, рассказал все, что знал, о севере Сибири, помог в снаряжении экспедиции и обещал свое содействие в будущем.

Якутск с его деревянными домами и деревянной же крепостью-острогом, выстроенным пришедшими сюда казаками в первой половине XVII века, не произвел особого впечатления на Адамса. Зато беседа с городским

головой купцом Поповым его необычайно захватила. Он слышал вещи удивительные, необыкновенные, которые могли его экскурсии придать бóльшую научную значимость. Вот что рассказал ему городской голова.

В 1799 году тунгус Осип Шумахов отправился на поиски мамонтовой кости в обрывах устья Лены. Он плыл на лодке, разглядывая то чисто-голубые, то заляпанные глиной выходы ископаемого льда. Вдруг его взгляд остановился на предмете, который он принял за «безобразный чурбан, совсем непохожий на лес наносный, который там обыкновенно попадается».

Осип Шумахов причалил к берегу и взобрался на обрыв высотой около 70 метров, надеясь рассмотреть вблизи необычную находку. Но с какой бы стороны охотник ни подбирался, он не смог приблизиться к заинтересовавшему его предмету и определить, что же он собой представляет.

Через год Шумахов снова посетил это место в устье Лены, которое местные жители называли Быковским мысом. «Чурбан», поразивший его, несколько вытаял, но пока еще невозможно было определить, какую загадку скрывает в себе голубой хрусталь древнего льда.

Вскоре солнце и тепло пришли Шумахову на помощь. Из льда выступил исполинский клык и темно-серый бок животного. То был огромный мамонт.

Вернувшись в становище, охотник сообщил жене и близким о драгоценной находке. Однако старики не разделили его радость. Ссылаясь на своих предков, они заявили, что в давние времена это чудовище уже встречалось тунгусам и принесло им несчастье: «Все семейство того, кто первый усмотрел, в короткое время вымерло».

Находка мамонта, как думали старики, предвещала тяжелые испытания. Осип Шумахов вскоре действительно опасно заболел. Однако конец не был таким трагическим, как в легенде. Старики ошиблись. Тунгус, охотник за мамонтовой костью, выздоровел. Он ежегодно посещал место своей находки, с нетерпением ожидая того дня, когда огромные клыки мамонта полностью вытают из каменного льда.

Только через пять лет лед в обрыве наконец настолько подтаял, что мамонт освободился от оберегавшей его хрустальной гробницы и скатился с обрыва на отмель. В марте 1804 года Шумахов отрезал от мамонта клыки, которые весили 12 пудов, и вскоре продал их якутскому купцу Болтунову за товары стоимостью 50 рублей...

Через несколько часов Адамсу показали клыки мамонта. Едва увидев их, он принял решение. В этот день его голова кружилась не только от водки, выпитой у гостеприимного хозяина города, но и от вороха различных сведений. Попов рассказал ему, что в прошлом году охотники открыли землю к северу от Ляховских островов. Она так велика, что охотники не смогли дойти до ее конца... Вероятно, это целый континент.

7 июня 1806 года Адамс покинул Якутск.

День ото дня все суровее становились берега Лены. Исчезли огороды и поля. Лишь один девственный лес стеной спускался к самой воде. Но настал час, когда и лес поредел. На смену великанам лиственницам и кедром пришли невысокие, корявые, с искривленными стволами и ветвями деревья. С каждой пройденной на север параллелью холод все сильнее прижимал их к земле. То были не деревья, а карлики. Но вот и они исчезли. И перед глазами Адамса предстала равнина, покрытая мхом, зарослью осоки и стальными зеркалами редких озер.

Адамсу не терпелось скорее добраться до цели своего путешествия. Волновал его не только мамонт. Все чаще думы его возвращались к оброненной Поповым фразе о Северном континенте. От своих спутников он услышал, что городской голова Якутска весной отправил к этой земле артель охотников за мамонтовой костью. Рассказали ему также о том, что лучше всего добывать мамонтов не в устье Лены, а на островах, лежащих на восток от нее и к северу от Святого мыса.

В конце июня Адамс уже обосновался в урочище Кумах-Сурка на левом берегу Лены. На противоположной стороне высились горы, вершины которых напоминали развалины древних замков. Дальше на север начиналось безлесье. Голая земля, голые скалы и буйные ветры. Непогода заставила путешественника немало дней провести в бездействии.

Наконец ветер переменял направление. Можно было продолжать путешествие. Адамс переправил оленей на правый берег Лены и в сопровождении Осипа Шумахова, промышленника из Кумах-Сурки Белкова, егеря, трех казаков и десяти тунгусов отправился к месту удивительной находки. Адамс впоследствии с благодарностью вспоминал о своих спутниках, и в особенности об охотнике Белкове, который, промышляя зверя и мамонтов клык, открыл остров в Ледовитом море, впоследствии названный его именем.

«Купец из Кумах-Сурки, — писал о нем Адамс, — провел почти всю свою жизнь на берегах Ледовитого моря: его усердие и советы приобрели полное право на мою признательность; я обязан даже ему был жизнью во время одной величайшей опасности».

Два дня трудного пути — позади остались черные мрачные горы и весенняя тундра, испещренная голубыми нитями ручьев и речек, переправа через которые не доставляла большого удовольствия путешественникам.

Адамса удивляла безлесность мест. Он изо дня в день искал признаки древесной растительности и не видел «ни одного кустика».

Прошло еще немного времени, и тунгусы привели его на Быковский мыс, к месту необычайной находки. Оно располагалось примерно метрах в пятидесяти от воды и в ста шагах от высокого обрыва, из которого вытаял мамонт. Ледяную скалу, достигавшую в высоту 70 метров, покрывала рыхлая земля, поросшая мхом. Под нею голубел чистый, прозрачный лед. Адамс взял его на язык и нашел острым на вкус.

Кое-где растаявшая почва грязными потоками сползала вниз по обрыву, кое-где виднелись обломки гигантских деревьев. Они не имели ничего общего с современным плавничным лесом, выброшенным в океан сибирскими реками.

Эти остатки исполинских деревьев, названные местными жителями адамовщиной, говорили о далеком прошлом Земли, об одной из страшных катастроф на планете... Следы ее Адамс видел на ближайших ледяных холмах.

Адамсу казалось невероятным, что спустя месяц после выезда из Якутска он стоит на берегу Ледовитого моря и перед ним лежит ископаемое животное; лежит в том самом месте, где его два года назад в последний раз видел Осип Шумахов.

Правда, туша мамонта изрядно пострадала от нападения белых медведей и других зверей, а клыки находились у якутского купца Романа Болтунова. Зато скелет был цел, за исключением передней ноги.

«Хребет от головы до вихреца, плечная кость, таз и остатки трех конечностей были еще тесно связаны с жилами и лоскутьями кожи, — писал Адамс, — а с наружной стороны остова на голове была сухая кожа; одно хорошо сохранившееся ухо было покрыто волосами... Однако глаза сохранились, и заметен даже был в левом глазе зрачок. Нижняя губа была источена, а верхняя

разрушилась; зубы были видны. В черепе находился еще мозг, но казался высохшим. Части менее всего поврежденные суть две ноги — передняя и задняя — они имели кожу и внутреннюю мягкую часть копыта... Этот мамонт был мужского пола, имел длинную гриву на шее, но не имел хвоста и хобота. Кожа, которой у меня три четверти, темно-серого цвета и покрыта рыжеватою шерстью с черными волосками».

Осип Шумахов рассказал Адамсу, что животное было так хорошо упитано, что брюхо у него висело ниже колен. Мамонт, судя по его остову, имел в высоту более трех метров, а длина его, если не считать клыков, превышала пять метров. Голова мамонта весила более 170 килограммов.

Прежде всего Адамс позаботился о том, чтобы отделить скелет от мяса и собрать недостающие кости, которые были растащены дикими зверями. Ученый был счастлив, что ему удалось выбрать из грязи более пуда шерсти мамонта и отыскать завалившуюся в яму плечевую кость и недостававшую лопатку животного.

«Потом,— писал Адамс,— я велел отделить кожу с того бока, на котором лежало животное; она совершенно цела. Эта кожа была так тяжела, что десять человек, которые хотели нести ее до берега, чтобы растянуть на наносном лесу, с большим усилием могли приподнять ее... Через несколько дней работа кончилась, и я овладел сокровищем, которое совершенно награждало за труды и опасности, соединенные с сим предприятием, и даже за издержки, которых оно потребовало».

Адамс отправил двух казаков к кораблю, который ждал путешественников в заливе Буор-Хая, а сам со своими товарищами решил поставить памятник в честь своего открытия и путешествия. Казаки вместе с тунгусами соорудили два креста в знак торжества и удачи. Один из них подняли на вершину ледяного утеса и установили в сорока шагах от обрыва, из которого вытаял снег, а второй воздвигли на отмелем берегу, в том месте, где некоторое время назад собирали остов животного. Первый тунгусы назвали крестом посольства, второй — крестом мамонта. Адамс считал, что они простоят века и, может быть, когда-нибудь помогут исследователям узнать, как год от года разрушаются холмы, сложенные из каменного льда.

Однако, когда в начале 80-х годов прошлого столетия полярный исследователь Александр Бунге посетил то место, где был добыт для науки первый остов мамонта,

он уже не застал на ледяном утесе креста, поставленного Адамсом.

В тот день, когда скелет и шкура мамонта были погружены на судно, ученый долго бродил вокруг палатки, сделанной из оленьих шкур. Перевалило уже за полночь, а ему не спалось. Мысли его путались. Вспомнился Петербург с его дворцами, величаявая Нева, колоннада Академии, украшенная глобусом башенка Кунсткамеры, где скоро выставят его мамонта как одно из чудес животного мира. Теперь к его ногам, звеня мелкими льдинками, лениво набегали волны Студеного моря. Он только что добыл из вечного льда тушу исполинского мамонта, допотопного животного, которого не приходилось видеть ни одному ученому. Адамс знал, что находка станет сенсацией мира. О ней будут писать во всей Европе. Но ученый не упивался славой, которая ждала его. Его мысли были заняты рассказами охотника Николая Белкова, который привел его сюда, к ледяному обрыву на Быковском мысе. Этот обожженный ветрами, морозами и солнцем человек подтвердил рассказ городского головы Попова. К северу от Ляховских островов такие же охотники, как он сам, открыли исполинскую землю. Она простиралась далеко к северу, возможно до полюса. Чем дальше к северу продвигались охотники, тем чаще встречались торчащие из земли клыки животных-гигантов... Быть может, всемирный потоп пощадил эту Большую Северную Землю и где-то в высоких широтах сохранилось «отечество мамонтов», которые обитают и поныне...

Море лениво шумело, лучи полуночного солнца алели на белых льдинах, и казалось, что это плывут стаи исполинских фламинго, плывут, быть может, из того края, о котором он сейчас думал...

На следующее утро отправились в плавание вверх по Лене. Часто дул северный ветер. Он приносил холодное дыхание Арктики, сыпал дождем, а иногда снегом и, главное, наполнял паруса их деревянного судна, угоняя его все дальше и дальше от хрустальных обрывов каменного льда.

Адамс каждый день говорил с Николаем Белковым о той земле, что открыли охотники к северу от Ляховских островов... Постепенно зрело решение. Он доберется до Якутска, упакует свою драгоценную находку и отправит на лошадях в петербургскую Академию. Он не вернется в столицу еще год, а может быть, два и даже три... Николай Белков готов сопровождать ему. Они

закупают продовольствие и по первопутку тронутся на лошадях к знакомому устью Лены. Потом вместо лошадей запрягут оленей, а затем собак... По 12 лаек в каждую нарту. Так говорит Николай Белков. Они купят 15 упряжек, несколько десятков тысяч рыб, две палатки и пустятся прямо по льду Студеного моря к той исполинской земле, которая лежит к северу от Ляховских островов. Многие говорят, что это целый континент... Может быть, на нем обитают мамонты. Чем выше к северу, тем чаще встречаются клыки, грозно торчащие из земли...

Адамс представляет зеленый оазис на новом континенте. Среди зарослей ольхи и березы он видит серого гиганта с кольцеобразными белыми клыками. Открыть новый континент вместе с отечеством мамонтов! Если мечта осуществится, имя его будет блистать среди созвездия имен великих ученых и путешественников.

В полдень солнечного осеннего дня открываются перед ним ряды деревянных домов и золотые луковичы многочисленных церквей Якутска... Через час он сходит на землю города, где пять месяцев назад его встретили как родного и рассказали столько любопытного и необыкновенного... Он спешит к дому городского головы. Его принимают как долгожданного гостя... Прежде всего он интересуется письмами. Петербургская Академия благословила его поездку в устье Лены. Правда, благословение пришло, когда она уже закончилась. Но в этом нет ничего удивительного. Еще не изобретен телеграф, еще не построена первая в России железная дорога между Петербургом и Царским Селом протяженностью... 20 верст. Поэтому почту возят на тройках. И хотя ямщики ездят лихо, «с ветерком», но, чтобы преодолеть 7 тысяч километров между Якутском и Петербургом, требуются месяцы... Удачно, что Академия предоставила ему свободу исследований, не ограничив его сроками. Он может спокойно отправиться на Север навстречу новым открытиям.

Письма от друзей, письма от родных. Он прочитывает их одно за другим. Особенно взволновало его письмо матери. Она давно привыкла к тому, что ее сын скитается по чужим странам, незнакомым горам, арктическим тундрам. Где бы он ни находился, она мысленно следит за его тернистым восхождением по ступенькам славы ученого. Часто ей вспоминается та минута, когда, желая взять игрушку, он встал на свои пухлые ножки и сделал первый шаг. Она склонилась над ним, протянула руки,

и с каждым его маленьким шагом сердце ее наполнялось радостью...

Адамс знал, что для матери он всегда останется ребенком, делающим первые шаги в этом сложном и прекрасном мире. Но он не мог знать, какой жестокий удар уже уготовила ему судьба.

Об этом он узнает, сорвав красную сургучную печать с последнего письма... Оно датировано несколькими неделями позже, чем письмо матери, но посвящено ей... Пока он добывал остов первого в мире мамонта и гонялся за славой, умер самый близкий, самый дорогой ему человек. Матери, над посланием которой он умилялся несколько минут назад, уже, оказывается, нет в живых...

В том же письме Адамсу сообщали, что возникли осложнения с наследством и если он не желает потерять все свое достояние, то должен спешить, пока не поздно, в Петербург.

Адамс стоял перед выбором: или приведение в порядок дел с наследством, или поиски ледяного материка с пустым карманом.

Адамс выбрал первое.

Ему было тяжело говорить о своем решении Николаю Белкову. Пока их совместная поездка на исполинскую землю откладывается. Но ненадолго. Он вернется в Якутск, спустится в Кумах-Сурку к своему верному товарищу по только что закончившемуся путешествию.

Через неделю Адамс собрался в путь. Когда он прощался с Белковым, тот попросил его отвезти в Петербург прошение на имя императора Александра I, в котором вместе со своим компаньоном Степаном Протодьяконовым просил разрешить промысел мамонтовой кости на той самой земле, что лежит к северу от Ляховских островов и впоследствии станет известна под названием острова Котельного.

Адамс обещал доставить бумагу по назначению. Он сдержал слово. Приехав в Петербург, он представил в Академию записку о земле, недавно открытой сибирскими жителями. К записке он приложил прошение Николая Белкова и Степана Протодьяконова, которое через некоторое время было направлено министру иностранных дел и коммерции графу Николаю Петровичу Румянцеву.

Адамс тем временем занялся составлением остова мамонта.

Когда работа была закончена, Академия наук поручила отделению естественной истории высказать свое

суждение об уникальной находке. Академики, осмотрев скелет животного, пришли к заключению, что мамонт существенно отличается от ныне обитающих на Земле индийских и африканских слонов и, кроме того, не имеет сходства ни с ископаемыми большими мастодонтами, ни с американским слоном.

Комиссия предложила приобрести скелет для Кунсткамеры за 8600 рублей, которые он издержал на доставку мамонта от берегов Быковского полуострова до Петербурга. В том случае, если Академия будет не в состоянии купить остов животного, ученые полагали, что он не должен быть продан за пределы России.

Дело о покупке мамонта долго странствовало по различным бюрократическим инстанциям. В конце концов о нем было доложено Александру I, который распорядился приобрести скелет мамонта для Музея Академии наук. Эту уникальную находку можно видеть и сегодня в Зоологическом институте на Васильевском острове в Ленинграде.

Адамс опубликовал несколько статей, посвященных мамонтам. Он сделал интересное заключение, которое затем независимо от него было повторено Матвеем Матвеевичем Геденштромом. Он полагал, что местом обитания мамонтов надо считать не тропические, как думали некоторые ученые, а полярные районы. Об этом, по его мнению, свидетельствовала толстая кожа животного. Ученый пытался объяснить, каким образом мамонт оказался погребенным во льдах. Адамс предполагал, что необычайное наводнение покрыло весь север Земли и погубило этих исполинских животных, одно из которых долго плавало среди льдов и было выброшено на песчаную банку вблизи берега. Затем море вошло в прежние границы, и мамонт оказался на суше. Адамс отдавал себе отчет в том, что его предположение всего лишь гипотеза. Он обращал внимание на противоречивость фактов. В частности, спустя два года ему стало известно, что остатки мамонта были найдены в русле Лены на значительном расстоянии от моря. Адамс пришел к выводу, что места обитания мамонтов имели значительную протяженность.

Определив в Кунсткамеру остов мамонта, который действительно стал научной сенсацией мира, Адамс возвращается к мысли о поездке на Северный континент.

В 1809 году он обращается сначала к министру просвещения П. Завадовскому, а затем к Александру I с планом новой экспедиции для исследования ново-

открытой сибирскими жителями Котельной земли. Она, «по всем сведениям, от тамошних народов собранным, или должна иметь соединение с Северной Америкой, или составлять особую часть света».

Адамс откровенно пишет, что он стремится всеми путями исполнить свое ревностнейшее желание. Перед экспедицией он ставит две задачи: во-первых, попытаться «достигнуть сухим путем Северного полюса, каковое покушение для всех мореплавателей было тщетно»; во-вторых, «отыскать отечество, может быть, и поныне там обитающих мамонтов».

Он надеется, что ему разрешат употребить на эту экспедицию те 16 тысяч рублей, которые были отпущены посольству графа Головкина для научных исследований в Южной Сибири. Адамс ожидал великой пользы «от подробного исследования на Ледовитом море против Святого мыса лежащих Ляховских островов как по географии, так и по геологии и астрономии».

Если государственные учреждения не найдут средств на снаряжение предложенной экспедиции, то Адамс просит разрешить ему выставить остов мамонта на всероссийских ярмарках и в крупных городах России и таким способом собрать деньги на путешествие к Северному полюсу и по особой части света.

Но призыв Адамса остается тщетным. Никто не слышит крика души, рвущейся на новый, еще не исследованный учеными континент. Письма его приказано оставить без ответа. Его отправляют в Московский университет, где ему предстоит многие годы читать лекции студентам.

Так Михаил Адамс, член пяти академий и научных обществ Европы, навсегда прощается с недавней мечтой. Лишь спустя некоторое время он узнает, что экспедиция, о которой он хлопотал, отправлена и что он сам по воле случая содействовал ее снаряжению.

Как же это произошло?..

Открытия и сомнения

Прощение якутских жителей Белкова и Протодьяконова, привезенное в Петербург Адамсом и адресованное Александру I, Академия наук направила не императору России, а министру иностранных дел и коммерции графу Николаю Петровичу Румянцеву. То был человек необыкновенной энергии и широкого ума. Он оказал глубокое влияние на политику России и еще больше сделал для развития культуры. Наука была его хобби, когда он был крупнейшим в России государственным деятелем, и стала главным делом жизни, когда из-за тяжелого недуга он ушел в отставку.

Румянцев собрал вокруг себя плеяду самых блестящих ученых и путешественников России. Его особняк на Английской набережной в Петербурге превращается в библиотеку редких книг, редких карт и уникальных этнографических экспонатов, привезенных со всех континентов. Там же хранятся собрание старинных договоров и грамот, старинных рукописей и коллекции монет.

Не жалея денег, он посылает ученых в страны Европы и во многие достопамятные места России для

сбора рукописей, имеющих отношение к истории Русского государства. Особое пристрастие питает он к путешествиям, особенно к полярным.

Звезда Румянцева только всходила, когда Адамс привез в Петербург весть о том, что охотники за мамонтовой костью открыли большую неведомую землю. Она не осталась без внимания.

21 сентября 1807 года почетный член Академии наук граф Потоцкий сообщил министру иностранных дел и коммерции графу Николаю Петровичу Румянцеву о найденном Адамсом мамонте, которого тот намерен преподнести Александру I.

«Если это желание дерзкое, то его можно простить человеку, который поехал в столь далекие края и привез экспонат, столь интересный для истории Земли».

По мнению Потоцкого, экспедиция Адамса заняла видное место в истории изучения нашей планеты, тем более что к мамонтам — этим «античным колоссам, молчаливым свидетелям древней природы» — проявляют интерес многие естествоиспытатели, в том числе «знаменитый Кювье, создавший новую науку — сравнительную анатомию».

Далее граф Потоцкий сообщал, что Адамс представил «очень интересные записки о недавно открытой земле к северу от Ляховских островов, которую в Сибири считают континентом» и привез письмо сибирских охотников к Александру I. Хотя их прошение нуждается в снисходительности в отношении стиля и формы, но он просит не оставить сообщаемые в нем сведения без внимания.

«Россия, — писал он, — должна показать, что она покровительствует наукам и совершает ради этого великие дела. Еще недавно нас публично относили к варварам Севера. Важно, что Франция о нас так не думает».

Последняя фраза написана для того, чтобы доставить приятное графу Румянцеву, стороннику франко-русского сближения, получившему портфель министра иностранных дел вслед за тем, как Наполеон и Александр I обнялись на плоту посреди Немана и заключили не столь уж приятный для России Тильзитский мир.

Румянцев, как руководитель внешней политики России и образованнейший человек своего времени, не хуже графа Потоцкого знал, что Франция думает о России. И безусловно, не эта часть донесения привлекла его внимание. Министр иностранных дел как будто даже не заметил письма Потоцкого, но зато его внимание

сосредоточилось на прошении Николая Белкова и Степана Протодяконова, которое привез из Сибири Михаил Адамс.

Степан Протодяконов и Николай Белков просят августейшего монарха разрешить им отправиться на ту самую землю, которую считают континентом. Просители обещают обойти берега этой земли. Они осмотрят ее глубинные районы и сделают всевозможные замечания. Они надеются встретить там неизвестное европейцам племя северных жителей, исследуют водные коммуникации между островами и сообщат начальству о том, что будет достойного открыто, найдено, усмотрено и замечено. Белков обещает постараться открыть еще неизвестные острова и останется верным своему слову.

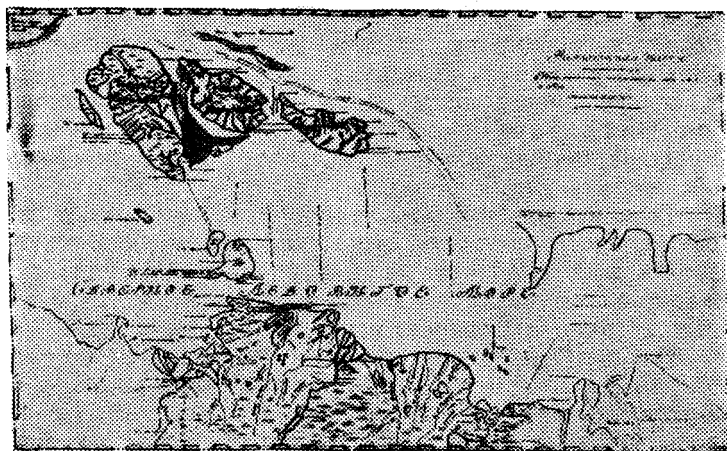
Румянцев охотникам верит не меньше, чем ученому Адамсу. Они не гоняются за журавлями в небе. Если они просят разрешить им собирать кости мамонтов, то они точно знают, что земля, на которую собираются ехать, не плод фантазии, а реальность.

Прежде чем граф Румянцев принял решение, до него дошли сведения о том, что сын мещанина Сыроватского обошел весь третий остров и еще далее, открыл «большое протяжение матерой земли». Сыроватский просил отдать остров Котельный и новооткрытую землю (остров Фаддеевский) в его владение.

Сообщение о том, что на Северном Ледовитом океане обретенны «острова и матерая земля», было включено Н. П. Румянцевым в число важнейших событий в жизни Русского государства за 1807 год, доклад о которых ежегодно представлялся Александру I. Как наиболее значительному событию в жизни России в двух отчетах Министерства иностранных дел и коммерции за 1808 год отведены специальные разделы «Об экспедиции для описания земель, открытых на Ледовитом океане».

Особенный интерес представляло для Румянцева новое известие о том, что работниками купца Сыроватского к востоку от острова Фаддеевского открыта большая земля на протяжении 300 верст. Используя свое положение министра иностранных дел и коммерции, Румянцев желал как можно скорее обследовать открытые «острова и матерую землю». Руководитель внешней политики России имел все основания заботиться о том, чтобы его страна первой описала «матерую землю» и заявила о ее принадлежности Русскому государству.

Румянцеву была очевидна неизбежность дальнейшего столкновения интересов России и Англии в полярных

Итоговая карта
М. М. Геденштрома (1811)

районах Северо-Востока и Северной Америки, где недавно была создана Российско-Американская компания. По его указанию или при его содействии было осуществлено большое число крупных, порой эпохальных мероприятий по укреплению позиций России в этом районе земного шара.

Снаряжение экспедиции на матерую землю было обусловлено той политикой, которую настойчиво проводила Россия на Севере и Востоке. Образование Российско-Американской компании, создание Беломорской компании и посылка экспедиций были частью государственной политики России. Поэтому Румянцев, занятый решением многих крупных внешнеполитических проблем, считал нужным уделять внимание проектируемой экспедиции.

Уверенный в том, что экспедиция доставит новый источник знаний просвещенному свету, он решил не стеснять ее в средствах и подчинил сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю с разрешением тратить денег столько, сколько потребуется ему по обстоятельствам.

Начальником экспедиции Н. П. Румянцев определял чиновника Рижской таможни Матвея Матвеевича Геденштрома, предки которого переселились из Швеции в Ригу в XVIII веке. То был образованный, добрый душой, щедрый сердцем молодой человек. Геденштром не имел ни родовых поместий, ни светских связей и зарабатывал на хлеб насущный своим трудом.

Задуманное путешествие рассматривалось как своего рода рекогносцировка, которая должна предшествовать большой ученой экспедиции. Используя свое положение министра иностранных дел и коммерции, Румянцев, имевший в то время исключительно большое влияние на государственные дела России, желал как можно скорее обследовать новый материк.

Геденштруму предстояло приложить все силы и старание, чтобы объехать открытую «Большую Землю», узнать, населена ли она людьми, описать образ их жизни и составить замечания о горах, долинах, вулканах, соляных источниках, зверях, птицах и рыбах.

Вскоре Геденштром прибыл в Якутск, где и занялся сбором сведений о землях, которые лежали к северу от Ляховских островов. Новости были приятные. Оказалось, что несколько месяцев назад тот самый промышленник Белков, который провел Михаила Адамса на Быковский мыс к туше мамонта, открыл к западу от острова Котельный новый остров, отделенный от первого узким проливом и протянувшийся с юга на север на 100 верст. От открытой им земли Белков перешел на берег Котельного острова и прошел еще 50 верст, что дало повод Геденштруму сделать предположение о том, что остров, вероятно, очень обширен. Из открытий промышленников купца Сыроватского Геденштром не узнал ничего нового по сравнению с тем, что было уже известно в Петербурге и Тобольске. Зато весьма любопытными оказались рассказы о поездке промышленников купца Попова, которые, выйдя из устья Индигирки на промыслы, «нечаянно увидели вдали землю и высокие хребты», однако не могли к ним приблизиться из-за сильной метели. В 1807 году тем же Поповым был послан приказчик Хабаров «для открытия сей земли, но за сильными пургами принужден был возвратиться».

Геденштром делает заключение, что «ежели Сыроватского земля имеет главное свое протяжение к востоку, то, по всей вероятности, она та же самая, которую видели работники купца Попова». Более того, она, вероятно, простирается до Колымы и далее к востоку. При этом Геденштром ссылается на мнение известного полярного исследователя Гавриила Андреевича Сарычева, который «полагает, что Ледовитое море в сем месте есть не что иное, как пролив между двумя материками».

«Сверх того, — продолжает Геденштром, — чукчи рассказывают, что зимою переезжают они от Шелагского мыса в одни сутки через землю, обитаемую народом,

с которым производят торг, умалчивая еще о многих в сем краю преданиях, подтверждающих существование на Ледовитом море большой обитаемой земли. Сосбравшая все сие, не должно ли с вероятностью предположить, что к северу от Сибири существует обширная земля, простирающаяся, может быть, за Берингов пролив и соединяющаяся с Америкой в том месте, где капитан Кук в дальнейшем преследовании остановлен был льдом».

Таким образом, еще в 1808 году Геденштром высказывает ту же самую мысль, какую преподнесет ученому миру спустя 10 лет англичанин Джеймс Бурней, сопровождавший Джеймсу Куку во время плавания в антарктические воды и в Берингов пролив.

25 октября 1808 года Геденштром шлет новое донесение, в котором сообщает со слов крестьянина Егора Ширяева, что купец Сыроватский «нималого участия в открытии Большой Земли не имеет. Открыли оную мещане Портнягин и Санников, живущие в Усть-Янском селении».

В этом же донесении содержатся новые «обстоятельства», точнее, рассказы сибирских жителей, подтверждающие «существование обширной в севере от устья Колымы земли». Рассказы эти, как правило, получены от чукчей, которые, между прочим, поведали о том, что на земле, расположенной к северу от Шелагского Носа, живут люди, которые «сходствуют с русскими» и, «сверх того, бородаты». С подобной же легендой спустя 10—11 лет встретятся на Американском континенте русские исследователи, которые будут тщетно искать потомков товарищей Попова и Дежнева в Русской Америке. С рассказами чукчей о Большой Земле, населенной многочисленными народами, еще не раз предстоит встретиться исследователям северо-востока России. В этих рассказах больше правды, чем вымысла. Но беда в том, что они относятся к Русской Америке, с эскимосами которой чукчи поддерживали торговые отношения и в то же время нередко враждовали. Однако это стало очевидным значительно позже... А сейчас Матвей Геденштром буквально радовался каждому рассказу, который мог служить подтверждением того, что «в севере от Колымы обитает особенный народ, который по сие время остается неописанным». Он, безусловно, верил в существование Большой Земли и считал, что ее исследование обойдется примерно в 7 тысяч рублей.

Себе в спутники кроме землемера Кожевина Ге-

денштром избирает десятника Ивана Безносова и унтер-офицера Ивана Решетникова, искусного стрелка, сведущего не только в ружейном, но и в кузнечном деле. Затем по собственному желанию с ним вызвались отправиться плотник Федор Обухов и промышленник Иван Ширяев, знающий юкагирский язык. Других нужных людей он надеется набрать в Верхоянском остроге или Усть-Янском селении.

Инструкция для Геденштрома была составлена иркутским гражданским губернатором Николаем Ивановичем Трескиным. «По содержанию отношения господина министра иностранных дел и коммерции его сиятельства графа Николая Петровича Румянцева и предложения сибирского генерал-губернатора Ивана Пестеля он предписал путешественнику из Якутска через Верхоянск отправиться в Усть-Янское селение и зимним путем направиться к Святому Носу, с которого должен начаться «действительный предмет» его поручения.

Он должен был не только осмотреть те 300 верст Большой Земли, которые уже были известны промышленникам, и «описать и снять положение ее», а прежде всего проникнуть во внутренние области и попытаться достигнуть большого каменного утеса, виденного охотниками за мамонтовой костью. Если окажется, что земля простирается далее к северу и востоку, то ему поручалось исследовать ее, пока будет возможность. На обратном пути ему предстояло осмотреть третий, или Котельный, остров и затем «переехать на виденную к полудню землю, описать оную и снять положение». И в заключение экспедиции он должен был ознакомиться со вторым и первым Ляховскими островами. От него ожидалось сведения о народах, промыслах и различных предметах натуральной истории.

18 ноября 1808 года Геденштром покинул Якутск и устремился навстречу своему будущему.

Ехали верхом на лошадях.

Геденштром не отличался крепким здоровьем. Хрупкий, болезненный, он с тревогой думал о предстоявшем путешествии через почти безлюдные пространства тайги и тундры, когда можно проехать сотни верст, не встретив ни человека, ни жилья. Это опасение еще больше усилилось, когда он прочитал несколько книг о странствиях прежних путешественников на север Сибири. Ему казалось, что он, никогда не ездивший верхом на лошадях, не перенесет трудностей путешествия при жестоких морозах, какие бывают в этих краях ранней зимой.

Езда верхом на лошади в лютую стужу оказалась изнурительной, но Геденштром скоро привык к ней, как привык ко многим трудностям в эти первые месяцы пребывания в сибирской ссылке.

Дорога шла сначала лесами. Тихо и задумчиво шумел бор по сторонам дороги. Только изредка однообразный ропот деревьев нарушался криком птицы или зверя, но это продолжалось мгновение. Иногда дорога поднималась в гору. Лес редел, а на перевалах исчезал совсем, уступая место голым скалам и каменным останцам. Но как только дорога спускалась в долину, дикий бор снова окружал Геденштрома и его спутников.

Иногда встречались якутские юрты. У гостеприимных якутов путешественники находили приют. Правда, сначала Геденштрому, городскому жителю, привыкшему к уюту, было неприятно ночевать под одной кровлей с домашними животными, находившимися тут же, в юрте, но прошло несколько дней, и он перестал замечать животных. Он уже был счастлив при одной только мысли, что над ним и его спутниками не открытое небо, а крыша теплого человеческого жилья.

Еще труднее было привыкнуть ночевать под открытым небом при сильном морозе. Но, проведя одну, другую, третью ночь под защитой лиственниц и кедров, Матвей Матвеевич убедился, что спать под открытым небом не так уж страшно, как рисовало воображение. На привале разводили два костра, а несколько кружек горячего чая да свежий, только что снятый с огня котелок супа согревали путешественников. Засыпали под звездами, закутавшись в теплые одеяла.

После того как пересекли реку Алдан, на протяжении почти 350 верст не встретилось ни одного человеческого жилища. Дорога превратилась в тропинку. Вскоре она пошла в гору, и продвигаться вперед стало труднее и опаснее. Наконец, перевалив через Верхоянский хребет, добрались до истоков Яны. Теперь дорога шла вдоль реки. Исчезли ели и сосны. Их приятная зелень больше не оживляла бесконечно белую равнину. Кое-где встречались только лиственницы да тальник. Изредка попадались тополь или береза.

В конце декабря 1808 года Геденштром прибыл в Верхоянск. Здесь он встретился с купцом Гороховым, который сообщил ему, что хотя Большая Земля, открытая промышленниками, достойна большого внимания, но исследователя ждут великие затруднения, тем более что в Усть-Янске минувшим летом скверно ловилась рыба.

Собаки остались без корма, и вряд ли экспедиции удастся доставить на остров Котельный запасы продовольствия и снаряжение как для весенних, так и для летних исследований.

О предстоящих затруднениях Геденштром поставил в известность графа Румянцева, которому он 25 декабря 1808 года отправил подробный рапорт.

Выписки из этого и предыдущих донесений Геденштрома вместе с собранными им в Якутске сведениями о новооткрытых землях были 11 июня 1809 года доложены Румянцевым Александру I. В этом докладе министр иностранных дел и коммерции подчеркнул, что собранные Геденштромом материалы «утверждают на опыте, что в параллельном почти положении с Северной Сибирью» существует неизвестная исследователям «Новая Земля». Он был уверен, что посланная экспедиция «доставит новый источник познаний просвещенному свету».

Румянцева ходатайствует «высочайшего соизволения поставить экспедицию сию в полный ход, не стесняя оной бережливостью в неважных издержках, и подчинить оную сибирскому генерал-губернатору».

Александр I одобрил представление Румянцева, и экспедиции действительно был дан полный ход.

Сообщая Пестелю об отношении правительственных кругов к экспедиции, которая уже вела свои исследования к северу от Сибири, Румянцева писал 16 июня 1809 года:

«Мне остается теперь питать себя приятною надеждою, что Ваше превосходительство благоразумными Вашими распоряжениями приведете к желаемому концу сие важное дело, которое должно составить в кругу познаний и польз государственных знаменитую эпоху».

Столь откровенное и настойчивое подчеркивание большой важности научных и политических задач путешествия Геденштрома характерно для всей переписки Румянцева с Пестелем. И не случайно ответственность за успешное его осуществление государственный канцлер возлагает на сибирского генерал-губернатора, а не на ссыльного чиновника.

Между тем Геденштром во второй половине января 1809 года выехал из Верхоянска дальше на север. «Стужа была прежестокая, — писал он. — Пар, исходящий изо рта, замерзал и превращался в ледяные пылинки, которые от прикосновения друг к другу издавали треск наподобие шума, происходящего от сена, когда его воро-

чают... Солнце было тогда очень низко и дни короткие, но зато ночи составляли великолепное зрелище. Темная лазурь небесного свода и яркий, трепещущий блеск звезд, отсвечивающая синевою белизна снега и покрытый снежными бородками лес — все сие пленяло воображение и представляло для чувств очаровательную картину».

Не доезжая Усть-Янска, Матвей Матвеевич узнал, что удалось добыть только 18 тысяч сельдей для корма собакам и всего лишь 10 нарт с упряжками собак. Все планы рушились. С такими запасами и с таким количеством собак нельзя было добраться не только до Большой Земли, но даже до острова Котельного.

4 февраля 1809 года Геденштром прибыл в Усть-Янск. Здесь он встретился с зазимовавшими промышленниками, среди которых был Яков Санников. Он служил начальником артели у купцов Сыроватских. Это был удивительно смелый и любознательный человек, вся жизнь которого прошла в странствиях по бескрайним просторам Сибирского Севера.

В 1800 году он открыл остров Столбовой, а спустя лет пять первым ступил на неизвестную землю, которая впоследствии получила название острова Фаддеевского, по имени промышленника, построившего на нем зимовье. Затем Санников принял участие в поездке промышленника Сыроватского к востоку от открытой им земли, во время которой была обнаружена так называемая Большая Земля, названная Геденштромом Новой Сибирью.

Встреча с Санниковым, одним из первооткрывателей Новосибирских островов, была большой удачей для Матвея Матвеевича. От этого самобытного исследователя-энтузиаста он узнал много ценных сведений о землях, где предстояло работать экспедиции.

Встретив в лице Якова Санникова надежного помощника, Геденштром решил расширить район работ своей экспедиции. Если первоначально он предполагал силы экспедиции весной 1809 года сосредоточить на исследовании «матерой земли», то теперь решил разделить экспедицию на три небольших отряда.

Санникову Геденштром поручил изведать пролив между островами Котельным и Фаддеевским, землемеру Кожевину — положить на карту остров Фаддеевский, а сам решил выполнить по возможности тщательно опись Новой Сибири.

Геденштром имел в своем распоряжении очень не-

много инструментов: октант, старую астролябию и компас. Их было недостаточно для точных работ, зато у Матвея Матвеевича и Якова Санникова было много усердия и желания сделать все возможное для успеха исследований.

Геденштром скоро привык к необычным условиям жизни в маленьком Усть-Янске. Теперь ничто не страшило его, и он с нетерпением ждал светлых дней весны 1809 года. Путешественник лелеял в душе надежду открыть «матерую землю», думая, что это изменит его судьбу и вернет ему право на свободу.

8 марта Геденштром, Яков Санников и их спутники покинули Усть-Янск. Берегом моря они добрались до Святого Носа, а затем повернули на север, к Большому Ляховскому острову. Лед в проливе Дмитрия Лаптева был ровный, торосы встречались только у берегов. Они были занесены снегом, и езда через них с опытными проводниками не представляла особого труда. Едва ступили на остров, как на западе появилось темное облако. Ветер усилился. Снежные струйки закурились на застругах, и вскоре разыгралась метель.

Промышленники отыскиали полуземлянку и в ней укрылись от непогоды. Собаки остались под открытым небом. В жилище охотников нашлись сухие дрова, и скоро в очаге весело запылал огонь. За стеной бушевал ветер, бешено кружились снежинки, от тридцатиградусного мороза гулко трескались льды.

Вьюга продолжалась день, другой. Вынужденная остановка надоела всем участникам экспедиции. Как только метель несколько утихла, Геденштром со своими спутниками отправился к Новой Сибири.

Лед в Благовещенском проливе был сильно восторшен. Собакам приходилось трудно, нарты часто опрокидывались вместе с грузом и незадачливыми седоками. Иногда начинали зловеще шелестеть струйки сухого снега, но настоящей метели больше не было.

Исследователи благополучно добрались до Новой Сибири, отсюда отправились на восток, описывая по пути южный берег. День за днем двигался вперед небольшой отряд, старательно нанося на карту линию побережья.

Пройдя 65 верст, встретили знак, поставленный охотниками. Следовательно, их сообщение о том, что они прошли берегом 300 верст, было «весьма увеличено». Через 30 верст от этого знака Геденштром достиг «каменного утеса», который был замечен издали охотника-

ми. То был не утес, а знаменитые Деревянные горы. Они состояли из окаменелого дерева и угля.

Осмотрев Деревянные горы, Геденштром продолжал следовать на восток. Вскоре он открыл три речки. Ширина устьев двух первых составляла около 20 сажен, а третьей — около 30. Путешественник предполагал, что в них, возможно, водится рыба. Сделали лунку глубиной около двух метров, но воды так и не достигли.

Геденштром отдавал себе отчет в том, что ему недостает умения, необходимой подготовки, а еще больше — надежных инструментов, которые к его отъезду на Новую Сибирь так и не прибыли из Петербурга. Несмотря на это, надо было выполнять важное поручение, и Геденштром старался изо всех сил. К тому времени, когда было обследовано 220 верст южного берега, запасов корма для собак осталось только на обратный путь, а берег недавно открытой Большой Земли уходил вдаль, и конца ему не было видно.

Собаки устали до изнеможения. Ехать дальше на восток было опасно, тем более что сильные ветры сдули с земли снег. Почва была прикрыта тонким льдом, образовавшимся из осенних дождей. Он был очень непрочен. Собаки проваливались и ранили лапы.

Геденштром повернул обратно. По морскому льду он направился на материк, к Посадному стану, а затем поехал на запад.

В Усть-Янске он застал Кожевина. Землемер положил на карту южный берег острова Фаддеевского и объехал Большой и Малый Ляховские острова.

Яков Санников, выполняя поручение Геденштрома, в нескольких местах пересек пролив между островами Котельным и Фаддеевским и определил, что ширина его колеблется от 7 до 30 верст.

«На всех сих землях,—писал Пестель Румянцеву, дословно повторяя донесения Геденштрома,— леса стоячего не имеется; из зверей водятся белые медведи, серые и белые волки; оленей и песцов великое множество, также мышей бурых и белых; из птиц зимою находятся только белые куропатки, летом же, по описанию мещанина Санникова, очень много линяет там гусей, также уток, тупанов, куликов и прочей мелкой птицы бывает довольно. Земля сия, которую Геденштром объехал, названа им Новой Сибирью, а берег, где поставлен крест, Николаевским».

Геденштром решил расположить базу своих исследований дальше к востоку, на реке Хроме, к северу от

которой находились недавно открытые земли. Здесь он решил построить зимовье и поручил местному голове заготовить гусей для корма собакам.

В Усть-Янске Геденштрома ждали инструменты, которые прибыли из Петербурга. Однако большая часть из них от неудобства дальней и трудной дороги получила повреждения и не годилась для работы. Исправными остались только пантограф, компас, карманные часы, астролябия и термометр.

Местные жители — тунгусы и якуты — пожертвовали для экспедиции несколько десятков голов оленей. Между тем промышленники доказывали Геденштрому, что олени не годятся для таких дальних переходов и что было бы лучше использовать лошадей. Они уверяли, что на Ляховских островах имеется достаточно травы. Оставалось выяснить, имеется ли она на Новой Сибири, исследование которой оставалось по-прежнему основной задачей экспедиции. Одновременно Геденштрому хотелось построить зимовье и узнать, заходит ли рыба в речки Новой Сибири. Он решил послать туда артель промышленников под начальством Якова Санникова.

К артели промышленников Матвей Матвеевич присоединил всех членов своей экспедиции.

Проводив Санникова с его товарищами на Новую Сибирь, Геденштром занялся подготовкой к работам будущего года. Он приобрел лошадей, оленей и позаботился о заготовке сена летом. Вскоре основные приготовления были закончены. Геденштрому казалось, что он со спокойной совестью может отправиться в Иркутск с докладом о результатах весенних работ.

25 мая он двинулся в путь. Знакомыми местами он возвращался на юг Сибири. Геденштром надеялся, что, посетив Баргузинские источники, поправит свое расстроенное здоровье. Странствовать весной было тяжелее, чем в зимние морозы. То и дело встречались болота. Тучи комаров впивались в лицо, шею, руки. Ни днем, ни ночью от них не было спасения. Все это было крайне тяжело. К тому же речки и ручьи были переполнены водой. Весенний разлив вынуждал неделями оставаться на месте.

Подъезжая к Верхоянску, Геденштром встретил нарочного, которого он посылал к губернатору с просьбой разрешить посещение Иркутска. Вести были дурные. Губернатор не только не разрешил прибыть в Иркутск, но и сделал ссыльному строгий выговор за то, что «от путешествия успеха еще не видно».

Геденштром остановился в Верхоянске. Составив обстоятельный отчет и присоединив черновой набросок карты открытых островов, он отправил эти документы в Иркутск, чтобы их затем переслали в Петербург.

На составленной путешественником меркаторской карте части новооткрытых на Северном океане земель, кроме Большого (первого) и Малого (второго) Ляховских островов, впервые показаны острова Столбовой и Белковский и часть западного, южный и часть восточного берегов островов Котельного и Фаддеевского, который означен в качестве «Земли, открытой мещанином Санниковым». Правда, в своем донесении Геденштром остров Фаддеевский назвал Землей Графа Румянцева, однако это предположение не было принято, вероятно, по указанию министра иностранных дел. На той же карте впервые обозначены залив, который ныне носит имя Геденштрома, пролив Благовещенский и значительная часть южного берега Новой Сибири. Небезынтересно, что от последней точки, достигнутой Геденштромом, он показан в виде линии, параллельной берегу Сибири и сбрывающейся в море где-то посередине между Индигиркой и Колымой. Путешественник еще не знал, что собой представляет Новая Сибирь — материк или остров.

Планы Геденштрома на весну и лето 1810 года были грандиозными. Прежде всего он намерен искать обширную землю, которая, по мнению адмирала Сарычева, лежала против Колымы. Геденштрому представлялось, что она является продолжением Новой Сибири. Он будет заниматься ее исследованием, пока хватит сил и корма для собак. Одновременно охотники Белков и Санников займутся обследованием Котельного острова, чтобы выяснить, как далеко он простирается к северу и не имеет ли связи с другой неизвестной землей.

Геденштром ставит грандиозные задачи перед собой и своими товарищами, в основных чертах предваряя план исследований так называемой Северной экспедиции Врангеля и Анжу. Безусловно, при тех скромных транспортных средствах, состоявших из собачьих упряжек, охватить исследованиями многие сотни верст неведомых земель и неведомых пространств льда океана было задачей трудноисполнимой и малореальной. Нужно было обладать исключительной волей, недюжинным талантом организатора, незаурядной смелостью, чтобы претворить задуманное в действительность.

Между тем наступило лето. Дорога в Усть-Янск

сделалась совершенно непроходимой. Геденштром построил лодку и при первом паводке отправился вниз по Яне. Течение ее было стремительным, и путешественник через шесть дней, 26 июля 1809 года, был в Усть-Янске. Здесь он никого не застал. Промышленники ушли на острова.

Летом 1809 года Матвей Матвеевич занимался обследованием окрестностей Усть-Янска и заготовкой рыбы для предстоящего путешествия. Всего было выловлено 21 тысяча сельдей.

Свои впечатления о крае, в котором Геденштром провел лето, он изложил в статье «Ледовитое море и его берега»:

«С грустью взирает странник на умяляющийся рост деревьев с приближением к Ледовитому морю. Толще самого пня становится моховая одежда самого дерева. Только березовый ерник противоборствует страшному холоду. Одно дитя Севера — цветущий мох — покрывает землю».

Геденштром одним из первых исследователей обратил внимание на то, что 70° северной широты являются «порубежной линией» древесной растительности. Он дал описание прианской тундры, ее животного и растительного мира...

Когда наконец Яна замерзла, он описал ее устье и 22 сентября 1809 года направился на восток, к Посадному зимовью, расположенному в 150 верстах на запад от реки Индигирки. По пути он исследовал морские губы, речные отмели и наносил на карту берега.

Сначала Геденштром ехал морем, затем тундрой, потом на подходах к Посадному стану снова вышел на морской лед, где на каждом шагу встречались большие торосы.

Описав по пути берег Северного Ледовитого океана, Геденштром сделал остановку в Посадном зимовье, из которого он намерен был будущей весной предпринять поездку на Новую Сибирь, чтобы окончательно выяснить ее очертания. Здесь для экспедиции были построены юрта и два амбара. В юрте были сделаны две печки и большие нары. Было заготовлено 5 тысяч гусей.

Затем Геденштром продолжил опись морского берега до Русского Устья на Индигирке. В пути он был застигнут сильной метелью. Ветер налетал столь неистовыми порывами, что едва можно было держаться на ногах. Снег не позволял ничего видеть, и никакой крик не был слышен.

Известия, принесенные Санниковым, были одновременно неутешительные и приятные. Лето на Новой Сибири стояло холодное, во многих местах остался лежать прошлогодний снег, и нигде из земли не пробился кустик зеленой травы. Следовательно, отправляться на Новую Сибирь с лошадьми было немыслимо. Способ передвижения оставался один — собаки, запряженные в нарты. Однако надежды Геденштрома на то, что в речках Новой Сибири водится много рыбы, которую можно было бы использовать для корма собакам, не оправдались. В речках промышленники обнаружили лишь маленькую рыбку рогатку. Зато встретились в изобилии линные гуси. Много попадалось песцов, которых мешали промыслять рыскающие стаи волков.

Санниковым была открыта река, которая текла на северо-восток от Деревянных гор. Он рассказывал, что члены его артели ходили по ее берегу «вглубь на 60 верст и видели спорную с моря воду». В показании Санникова Геденштром увидел доказательство того, что Новая Сибирь в этом месте, вероятно, не очень широка. Он жалеет, что прошлой весной у него не хватило корма для собак, чтобы выяснить, Новая Сибирь — материк или остров.

Разъезжая по острову, Санников в 20 верстах от берега нашел кусок кости, который, кажется, был обделан для употребления вместо топора, ибо несколько походил на прежние каменные топоры чукчей. Других примет, которые свидетельствовали бы о том, что на Новой Сибири раньше жили люди, промышленнику обнаружить не удалось.

Санников со своими товарищами побывал также на острове, «им прежде открытом» (Фаддеевском), где встретился с артелью охотника Чиркова. Чирков нашел следы «не столь давней обитаемости». Среди них были «жерди юкагирской юрты, под ними саночные полозья, еще свежие, и копылья; несколько костяных скобелей для делания кож и камни, которые в них вкладываются».

На основе этих находок Геденштром пришел к заключению, что в этот край «приходили юкагиры, которые, вероятно, на восток удалились».

Особенно заинтересовал Геденштрома рассказ одного из участников экспедиции, Ивана Портнягина, дед которого Спиридон был знаменит в здешнем крае и перед своей смертью сообщил внуку, «что есть за морем Ледовитым люди» и что его родственники (его мать была

юкагирка) около 100 лет назад ушли по льду на северо-запад из Посадного стана. Возможно, что найденные Санниковым и его товарищами юртовища принадлежали этим людям. «Из всего хотя недостоверно, но вероятно, что юкагиры убежали от оспы через море», — заключает Геденштром это показание.

За оказанные Санниковым и его товарищами услуги Геденштром разрешил плоды их промысла доставить за счет казны для продажи в Якутск, где мамонтова кость стоила 20—25 рублей за пуд, а шкурка песка — 2 рубля, то есть в 5—6 раз дороже, чем в Усть-Янске. Расчет его оправдался. Местные жители стали относиться к нему с почтением и доверием. Они старались оказать помощь в успехе экспедиции, которая приносила им больше выгоды, чем тягот.

Геденштром решает несколько изменить планы на предстоящий год. Он осмотрит Новую Сибирь, а затем достигнет мыса Шелагского за Чаунской губой и попытается найти обитаемую Землю в Ледовитом океане.

Геденштрому становилось очевидно, что Новая Сибирь не материк, не исполинская земля, а остров не столь уж большой величины. В следующем рапорте, посланном иркутскому гражданскому губернатору Николаю Трескину 16 января 1810 года, он предпринимает попытку обосновать необходимость переноса основного внимания не столько на Новую Сибирь, сколько к востоку от нее. Он намерен воспользоваться предоставленным ему правом действовать в зависимости от местных обстоятельств и возможностей, имея единственной целью «исполнить намерение высшего правительства». Он решает «искать землю противу Колымы», сведения о которой основаны не на «рассказах людей непросвещенных, сплетающих нередко истину с нелепыми баснями, но на суждениях по резонам физическим капитана Сарычева (ныне вице-адмирала), бывшего при экспедиции Биллингса».

Геденштром в своей записке обращает внимание на известное мнение этого полярного исследователя о том, что, судя по переменчивости «прилива и отлива и морских течений», море к северу от Колымы «не может быть обширно и что не в дальнем расстоянии на севере должно быть твердой земле».

По словам путешественника, такое заключение столь известного в науке мужа по себе уже достаточно для того, чтобы предпринять поиски земли в районах к северу от Колымы и мыса Шелагского. Геденштром предпо-

лагает, что если гипотеза Сарычева справедлива, то эта неведомая земля либо является продолжением Новой Сибири, либо соединяется с нею непрерывной сетью островов. В доказательство своего заключения Геденштром приводит следующие доводы. Во-первых, в Северном Ледовитом океане, как во всяком ином океане, наблюдаются явления прилива и отлива, но поскольку такое явление от устья Яны до Колымы, по достоверным расспросам, не замечено, то имеются основания думать, что где-то на севере имеется земля, которая препятствует океанскому приливу доходить до здешних берегов.

Во-вторых, полагает Геденштром, если («как сказано выше») Новая Сибирь не столь обширна, а может быть, является островом, то через пролив между ее берегами и берегами земли, лежащей против Колымы, должны проходить океанские массы воды и вызывать на сибирском побережье явления прилива и отлива. Следовательно, такого пролива либо не существует, либо через него проходит цепь островов, гасящая прилив. Правда, этот вывод не сделан Геденштромом, но он читается между строк.

Особенно интересен третий пункт доказательств путешественника. «Невероятно также, — пишет Геденштром, — что Ледовитый океан против сей части Сибири соделался неизмеримой льдиной, и потому неприступен тем действием, который прилив и отлив производит». При этом он ссылается на исторический пример, а именно на плавание Виллема Баренца, когда судно, назначенное для открытия северного пути в Восточный океан, даже под 80° северной широты плыло по открытому морю. Это важный вывод, который нельзя упустить из виду, принимая во внимание необычайную противоречивость представлений о Северном Ледовитом океане в начале XIX века. Норденшельд впоследствии писал, что Врангель и Анжу сослужили важную службу географии, установив, что Ледовитое море не сковано вечным льдом. Это справедливо, бесспорно, но начало этому доказательству сначала в области теории, а затем на опыте своей поездки положил Геденштром.

Между прочим, в той же записке он считает, что Кук в своем плавании к северу от Берингова пролива был остановлен не вечным ледяным полем, а льдом, который сплотился у неизвестной преграды. «Вероятно, что берег Америки, уклоняясь от севера к западу, сим огибом преградил льду дальнейший путь».

По мысли Геденштрома, если бы к северу от точки на

параллели 70 ° северной широты, достигнутой Куком, не было земли, то сильное течение, которое существует в области соединения двух океанов, должно было бы разрушить ледяную преграду или относить ее в ту или иную сторону в зависимости от направления водного потока. Если в море против Новой Сибири, которую от материка до острова отделяют всего 320 верст, лед не только взламывается, но нередко «глазу видятся» необъятные пространства чистой воды, то тем более Кук к северу от Берингова пролива должен был найти свободное море, если бы на его пути не лежала неведомая земля. То, что Кук встретил лед под 70 ° северной широты, еще не доказывает, что «льды сии простираются до полюса». Геденштром самолично наблюдал у берегов Новой Сибири и «Земли Санникова открытой» (остров Фаддеевский) «застоявшийся лед», который простирался в море на 70—100 верст. Именно такой лед и удержал Кука в его плавании на Север. Итак, он, Геденштром, хотел бы открыть землю, которой не удалось достигнуть Куку и о которой писал Гавриил Сарычев.

Геденштром пишет иркутскому гражданскому губернатору Трескину как ближайшему своему начальнику, что осмелился развить мысли Сарычева на основе собранных им самим сведений о Ледовитом море, в которых видит новые доказательства существования неведомой земли к северу от Колымы и которые являются оправданием его намерения искать ее предстоящей весной.

«Я нimalo, — продолжает он, — не упоминаю о всех преданиях и рассказах приморских жителей о существовании той земли. Все сии показания займут целую книгу и не заслуживают быть основанием и побудительной причиной к столь дальней и трудной поездке, каковую предприиму сею весной. Иные вовсе невероятны; большая часть ясно показывает, что выдуманы незнающими ничего более, как своей избы...»

Геденштром намерен весной 1810 года отправиться вместе с Санниковым на Новую Сибирь изведать ее северное и восточное пространство, а затем отправиться на восток до Шелагского Носа, лелея надежду, что он на этом пространстве откроет Северный континент и будет заниматься его трудным и небезопасным исследованием.

А пока, ожидая наступления светлого времени, он занимался осмотром собак для предстоящей поездки. Отобрав семь упряжек, он отправился в Посадное зимовье, где пробыл с 10 декабря 1809 по 19 января

1810 года. Все это время Геденштром изучал книги и географические карты севера Сибири. Занятие это было так увлекательно, что он мало бывал на воздухе. В разгар полярной ночи у него обнаружили признаки цинги.

Геденштром не хотел сдаваться. Он должен быть здоровым. Приняв несколько раз селитру и отвар кедрового стланика, больной стал поправляться. В конце января он отправился в Усть-Янск. Чтобы сократить путь, ехал он не по берегу, а напрямик по тундре. Полярная ночь только что минула. День еще был очень непродолжительным. Солнце, если оно пробивалось сквозь облака, светило не больше двух часов в сутки. Иногда все закрывал туман, делая опасной и без того трудную дорогу.

Глаза утомлялись от монотонной белизны снега. Собаки вместе с нартами вдруг срывались под откосы ручьев и оврагов, и седоки летели в снег. Упряжки приходили в беспорядок, рвались постромки, собаки старались разбежаться. При одном из таких падений Геденштром разбил компас. Теперь он мог выбирать путь только по звездам да по луне. В дороге кончился корм для собак и дрова.

Два дня закочневшие от холода путешественники тащились по снежной равнине. Наконец они добрались до Селляхской губы и в промысловом становище застали двух якутов. Те уступили Геденштрому и его товарищам часть своего запаса рыбы.

Отдохнув и отогревшись у охотников, путешественники отправились дальше, в Усть-Янск. Здесь Геденштром узнал, что вместо заболевшего землемера Кожевина в экспедицию назначен геодезист Пшеницын, которого он в случае нужды должен был потребовать у якутского областного начальника.

Сделав необходимые распоряжения о подготовке собачьих упряжек и запасов корма, Геденштром приказал переправлять оленей на Новую Сибирь только в том случае, если окажется, что это не остров, а материк. Через несколько дней путешественник выехал в обратный путь. 2 марта 1810 года экспедиция покинула Посадное зимовье и направилась на север. В числе участников экспедиции находился и Яков Санников. Геденштром был доволен, что этот опытный промышленник будет делить с ним трудности далекого похода.

Лед в море не в пример прошлому году оказался сильно восторощенным. Торосы иногда были непроходи-

мы, и тогда дорогу прокладывали пешнями. По такой дороге собаки быстро выбивались из сил и отказывались везти груз... Вместо шести дней путь до Новой Сибири занял около двух недель. Еще за 120 верст до острова путешественники заметили Деревянные горы на южном берегу этого острова. Геденштром видел их еще в прошлогоднюю поездку, и теперь они служили путеводным маяком.

После двенадцати дней скитаний по льдам исследователи ступили на твердую землю. Отдохнув два дня, продолжили опись Новой Сибири, которую начали еще в прошлом году. Геденштрому не давал покоя вопрос о том, как далеко к полюсу простирается эта земля, и он поручил Санникову пересечь ее с юга на север.

Прошло всего лишь два дня, и Геденштром убедился, что Новая Сибирь не так уж велика, как он предполагал. Вскоре берег повернул на северо-восток, затем на север и, наконец, на запад.

Мечты об открытии Большой Земли рушились. Сомнения не оставалось: Новая Сибирь была островом, а не отдельным континентом или землей, соединяющейся с Америкой. Внимательно всматривался Геденштром в даль, но никаких новых островов не замечал. И вдруг с высокой скалы Каменного мыса на северо-востоке он увидел «синеву, подобную отдаленной земле».

Был уже поздний вечер, и Геденштром решил следующим утром на отдохнувших собаках двинуться на северо-восток, где, возможно, его ожидало великое открытие.

Утром приехал Санников. Отважный промышленник пересек Новую Сибирь и, выйдя на ее северный берег, тоже увидел далеко на северо-востоке синеву. То была не синева неба; во время своих многолетних блужданий он видел ее не раз. Именно такой синевой казался 10 лет назад остров Столбовой, а затем остров Фаддеевский. Ему казалось, что стоит проехать вперед 10—20 верст, как из синевы выступят либо горы, либо берега неведомой земли. И в этот счастливый час его жизни Яков Санников не мог поехать на северо-восток: он был один, с одной упряжкой собак. Корма мало, а путешествовать по льду с голодными, изнуренными собаками бесполезно и рискованно...

Встретившись с Санниковым, Геденштром отправил его навстречу сыновьям, которые должны были приехать за мамонтовой костью. 250 пудов ее собрали в прошлом году на Новосибирских островах.

Взяв несколько нарт с лучшими собачьими упряжками, Геденштром отправился на северо-восток, к таинственной синеве. Санников полагал, что это земля. Так думал и руководитель экспедиции.

Счастье, кажется, улыбнулось ему. Если он первым ступит на неизвестную землю, тогда, возможно, очень многое изменится в судьбе ссыльного чиновника. Забыты все лишения, ночевки под открытым небом в морозную ночь, многодневные путешествия по тундре. Он готов был еще сотни дней колесить по заснеженным равнинам, срываться с нартами с обрывов, ручьев и оврагов, питаться сухарями, лишь бы открыть Северный материк.

«Дорога была из труднейших, — вспоминал об этой поездке Геденштром, — но все труды были забыты, когда прежде виденная синева представилась через зрительную трубу белым яром, изрытым, как казалось, множеством ручьев. Вскоре яр сей показался простирающимся полукружием и почти соединяющимся с Новой Сибирью. Но к крайнему прискорбию всех, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля претворилась в гряду высочайших ледяных громад 15 и более саженей высоты, отстоящих одна от другой в 2 и 3 верстах. Они в отдаленности, как обыкновенно, казались нам сплошным берегом. Удивительная сила потребна, чтобы поднять на такую высоту столь огромные льдины, из каких сии громады были составлены, и зрелище сие было одно из величественнейших в природе, но вместе с тем оно для меня было печальнейшим, и я видел бы охотнее мрачную картину, которую представляет обыкновенный берег на Ледовитом море, нежели все великолепие сих льдов».

Огорченный Геденштром повернул назад, к берегу Новой Сибири. Ночью к палатке, стоявшей на льду, подкрался медведь, и его едва успели уложить меткой пулей. Запасы корма для собак увеличились еще на несколько дней. Следовательно, можно было дальше вести исследование.

Прежде чем продолжать повествование, снова обратимся к документам. Слова о том, что мнимая земля превратилась в гряду исполинских торосов, в первом донесении Геденштрома о своем втором путешествии отсутствуют. В нем говорится следующее: «Увидев на северо-востоке синеву, подобную отдаленной земле, пустился туда, пробиваясь сквозь ледяные завалы, но в следующий день встретил торосы, подобные горам, что

заставило возвратиться назад, дабы запастись дровами на дальнейший чрез море путь». Эти слова взяты не из собственного рапорта Геденштрома, а из донесения сибирского генерал-губернатора Пестеля от 9 октября 1810 года. Спустя три месяца, а именно в январе 1811 года, он посылает записку об открытиях экспедиции, основанную на подлинном журнале Геденштрома, где уже имеются строки, близкие к тем, что были приведены из «Путешествия...» Геденштрома, опубликованного в «Сибирском вестнике».

«Видя, таким образом, — говорится в записке Пестеля, — что Новая Сибирь не простирается далее к востоку, и приметив на северо-востоке синеву, которая издали казалась материком, решились 18-го числа отправиться к нему. Но чрезвычайно частый торос столь затруднял их переезд, что они с утра до вечера не более 17 верст смогли отъехать и ни одной нарты не осталось у них целой. Пробившись потом до 25 верст, увидели, что казавшийся им берег, к крайнему удивлению, составляли высочайшие ледяные горы, в нескольких верстах одна от другой лежащие, а вдали представляющиеся сплошными». И дальше фраза о том, что они вернулись на Новую Сибирь, чтобы запастись дровами на путешествие по морю.

Противоречивость этих двух донесений усугубляется еще одним неожиданным обстоятельством. Основываясь на копиях карт, исследователи считали, что Геденштром не нанес на карту эту землю. Это справедливо и несправедливо. На подлинной карте, составленной Геденштромом, действительно нет этой земли, но на предполагаемом месте ее нахождения поставлен знак, каким принято обозначать приблизительную величину. Вероятно, Геденштром не был окончательно убежден, что они достигли того места, где надлежало быть «синеве», подобной материковой земле, и считал необходимым обратить внимание исследователей на этот район, где, возможно, их ждут открытия. И действительно, там спустя столетие были открыты острова Жохова и Вилькицкого...

Итак, 19 марта Геденштром вернулся на Новую Сибирь. Он решил дать отдых собакам, а спутникам приказал починить нарты, заготовить запасные полозья, копылья и вязки и собрать дров на двухнедельный путь. Эту дневку он употребил для обследования Лесной реки, на берегах которой встретились мелкие обломки каменного угля и остатки смолистых деревьев. На

следующий день назначенный отъезд не состоялся. С утра поднялся сильный и порывистый ветер. Повалил густой снег. Нельзя ничего было рассмотреть даже в двух метрах. Во время метели Геденштром подсчитал, что корма для собак осталось всего на 11 дней. Его охватила тревога. Это было очень мало, точнее, то был всего лишь запас на обратный путь к берегам Сибири. Но он не мог прервать поездку, не добившись какого-либо ясного результата с вопросом о Северном континенте. Слава богу, его спутники безраздельно верили ему. Как всегда, они были спокойны и веселы. И никто из них не думал о том, какие их ждут испытания или лишения.

Чем больше трудностей встречала экспедиция, тем сильнее захватывала Геденштрома полярная лихорадка.

24 марта он наконец смог тронуться в путь к той «матерой земле», которая, по его мнению и по мнению адмирала Сарычева, должна находиться где-то к северу от Колымы, а между этим материком и Новой Сибирью, по-видимому, простиралась цепь неведомых островов.

14 верст проехали почти без хлопот и приключений. Затем начались востороженные льды. Громадные, вздыбленные, хаотически нагроможденные льдины трудно было обойти, а еще труднее объехать на изнуренных непосильной работой собаках. За остаток дня смогли пройти только шесть верст в ледяных завалах. Дорога на восток по морскому льду оказалась очень трудной. Во второй день прошли 28 верст, а за третий и четвертый — всего лишь 30. Затем море стало гладким, но «покрытым мокрой солью». «И собаки едва могли тащить нарту, у которой полоз прилипал, почему и принуждены были сами идти пешком». Лед наконец сделался весьма ненадежным, толщина его достигала 6 вершков, и везде «виднелись отверстия», а впереди стоял «черный туман», который был на самом деле признаком огромного пространства открытой воды. Геденштром еще не знал о водяном небе и надеялся, что, быть может, этот черный туман окутывает неведомую землю. Он взял трех человек и пошел вперед. Пройдя 4 версты, они обнаружили, что лед стал еще тоньше. Путешественник поднялся на высокой торос и вдруг в разрывах тумана вместо гор, разлогов или пологих берегов увидел темно-серую полосу воды. Удивлению Геденштрома не было предела. Перед ним лежала или полынья, или открытое море.

Обессиленные трудной дорогой, путешественники остались на ночлег в версте от открытой воды, по которой плавали белые льдины.

На следующий день экспедиция направилась на юг и, пройдя 40 верст, повернула на восток, но вместо загадочной земли снова встретила открытое море. Опять пришлось остаться на ночлег невдалеке от открытой воды. Это было рискованно, но все были спокойны, видя, как хладнокровен руководитель экспедиции.

30 марта решили идти на юг. Возвращение на материк было нелегким. На всем пути встречались крупные торосы. Почти каждый час приходилось останавливаться для починки нарт. Где-то рядом было открытое море: на востоке все время виднелся «черный туман». Дрова были на исходе. С кормом для собак обстояло не лучше. Запасы его были взяты на 28 дней пути, а странствование тянулось уже шестую неделю.

Если бы не частые встречи с медведями, экспедицию, по признанию Геденштрома, ждала бы печальная участь. «Мы неминуемо бы погибли», — писал он впоследствии.

Выйдя на сибирский берег у речки Курдыгиной, путешественник направился к Лаптевскому маяку в устье Колымы, где его должны были ждать несколько новых упряжек собак и запасы рыбы. Но здесь никого не было. Людей, запасы рыбы и упряжки нашел он в Шеларовом зимовье. Собаки оказались плохими, а запасов хватило бы всего на 100 верст пути. Геденштром отправился в Нижнеколымск. Ему с трудом удалось достать пять нарт и корма на 20 дней. 18 апреля он выехал в новое путешествие. На этот раз он держал курс на северо-восток от Баранова Камня, надеясь открыть материк, который ему не удалось достигнуть со стороны Новой Сибири.

Снова начались блуждания по морским льдам с их торосами. Часто Геденштром осматривал горизонт, но ничего не видел, кроме льдов. Позади осталось 250 верст, но ничто не напоминало о близости земли. И вдруг на льдинах стали встречаться земляные глыбы. Они не были похожи на почву сибирских берегов, зато имели много общего с землей Новой Сибири. Однако этот остров был очень далеко от тех мест, где находились путешественники. Геденштром считал земляные глыбы доказательством близости неведомой земли. На нее, по-видимому, летели стаи гусей, направлявшиеся на северо-северо-запад. В ту же сторону промчалась белая сова. Эти наблюдения еще больше утвердили путешественников в их догадке, что впереди должна быть земля.

На севере виднелись облака. Быть может, они окуты-

вали искомую землю? И снова думалось Геденштрому, что вот-вот необыкновенная удача выпадет на его долю. Это подтверждала и глубина моря: она уменьшалась с каждой верстой. Где-то недалеко должна быть земля. Он был уверен в ее существовании. Еще несколько усилий, и она откроется взору измученных путешественников...

Однако на пути их снова ожидали трудности. Поля льда пересекались трещинами. Сначала они были небольшие, но дальше на север всё увеличивались. Вскоре Геденштром встретил разводье шириной 30 метров. Преодолеть это препятствие не было никакой возможности.

Путешественники, горько переживая тщетность своих усилий открыть «матерую землю», повернули назад. Геденштрому не хотелось возвращаться в Усть-Янск с пустыми руками. Он решил идти к мысу Шелагскому, который интересовал многих исследователей, и осмотреть его окрестности. Однако исследователю снова не повезло. Лед вскоре сделался очень тонким. Его часто пересекали трещины, и, как ни пытались путешественники объехать их с разных направлений, всякий раз терпели неудачу. Путешественники повернули на юг, но, пройдя 14 верст, встретили неодолимую трещину. Затем уклонились на запад и опять через 13 верст увидели огромное разводье.

Полыньи и разводья, вероятно, только что образовались, потому что «лед около них был претолстый и соли нимало не находилось». В полыньях было замечено сильное течение на восток, глубина в измеренных местах колебалась от 11 до 12 сажен, а грунт был всюду одинаковый — «вязкая синяя глина». Причину образования разводий и полыней («сих расселин») Геденштром видел в продолжительном восточном ветре, который нагнал воду со стороны Берингова пролива и создал спорное «течение в открытом море».

Эти замечания характеризуют Геденштрома как вдумчивого исследователя, пытавшегося объяснить причины наблюдаемых им природных явлений. Своими поездками по льду на восток от Новой Сибири он раньше Врангеля и Анжу установил, что Студеное море не сковано вечным льдом даже в проливе между северо-восточными берегами Азии и южными берегами Америки, вероятно простиравшимися на запад до Новой Сибири, в существование которых он твердо верил.

13 мая 1810 года Геденштром прибыл в Нижнеколымск. Наступила весна. Снег пропитался водой. Ехать

на нартах в Усть-Янск было невозможно. Матвей Матвеевич решил остаться на Колыме и собрать сведения о земле, лежащей на север от устья этой реки и от Баранова Камня.

Отсюда он отправил донесение иркутскому гражданскому губернатору, который переслал его в Петербург Пестелю, а последний уже в свою очередь представил доклад Н. П. Румянцеву. Рапорт Геденштрома содержал не только отчет о его втором путешествии по льдам Студеного моря, но и планы на предстоящий 1811 год. Он предполагал весной заняться со своими помощниками описью еще не осмотренных северных берегов острова Котельного и острова, открытого Санниковым (Фаддеевского), а затем летом выполнить исследование внутренних их районов. В особенности его интересовал остров Котельный, который любопытен был потому, что «многие находятся на нем окаменелости черепакожных и проч.», но в то же время он считал желательным обозреть «внутренности острова Фаддеевского и Новой Сибири в рассуждении найденных признаков настоящей или бывшей их обитаемости».

Для выполнения весенних и зимних работ, по расчетам Геденштрома, требовалось 100 тысяч рыб («сельдей») и 15 нарт.

Осенью 1810 года, когда установился санный путь, Геденштром приехал из Нижнеколымска в Усть-Янск. Здесь его поджидал Яков Санников, недавно вернувшийся вместе с промышленником Белковым с острова Котельного, где они собирали кости мамонта и ловили песцов. У него были интересные вести. На северо-западном берегу острова Котельного, в тех местах, куда не доходил ни один промышленник, Яков Санников нашел могилу. Рядом с ней находилась узкая высокая нарта. Устройство ее говорило о том, что «тащили ее люди лямками». На могиле был поставлен небольшой деревянный крест. На одной стороне его была обыкновенная церковная надпись, вырезанная очень неразборчиво. Возле креста лежали копы и две железные стрелы.

Невдалеке от этого печального места Яков Санников обнаружил четырехугольное зимовье. Характер постройки говорил о том, что она срублена русскими людьми. Внимательно осмотрев зимовье, промышленник нашел несколько вещей, выполненных, вероятно, топором из оленьего рога.

В той же «Записке о найденных мещанином Санниковым на Котельном острове вещах» идет речь и о дру-

гом, пожалуй, самом интересном факте, который, безусловно, не остался незамеченным. Оказывается, Санников, находясь на острове Котельном, видел на северо-западе, примерно в 70 верстах, «высокие каменные горы».

На основании этого рассказа Санникова Геденштром обозначил в верхнем правом углу своей итоговой карты берег неведомой суши, на которой написал: «Земля, виденная Санниковым». На ее побережье нарисованы горы. Геденштром придавал сообщению Санникова важное значение, предполагая, что виденный им берег соединяется с Америкой. Это была по счету вторая Земля Санникова — земля, которая на самом деле не существовала...

Вскоре было решено отозвать Геденштрома в распоряжение иркутского гражданского губернатора, но отзывался он как для поправления «расстроенного здоровья от изнурительных вояжей», так и для того, «дабы в случае, если угодно будет правительству далее продолжить экспедицию, принять для исполнения лучшие и надежные меры». Прежде чем покинуть Усть-Янск, Геденштром «сделал все нужные приготовления к предполагаемому описанию островов».

Геодезист Пшеницын вместе с казаком Татариновым должен был отправиться сначала на остров Фаддеевский и описать «неизвестный северный берег», затем пересечь Новую Сибирь, исследовать ее северный берег, опись которого не была выполнена Геденштромом, и доставить сведение, «не простирается ли она на восток и не соединяется ли или приближается к протянувшемуся, как предполагают, в Ледовитое море берегу северо-западной Америки».

Одновременно Санникову с унтер-офицером Решетниковым поручалось объехать весной северную часть Фаддеевского острова, а затем остаться на летовку на Котельном острове, чтобы «неотменно пройти те Каменные горы, которые он прошедшего лета с западной стороны Котельного острова видел... и, ежели земля сия простирается за оными на северо-запад и запад, в сем удостовериться, то пересечь оную, чтоб выйти на восточную сторону...».

Описью острова Фаддеевского должен был заниматься либо Санников, либо Пшеницын, с тем чтобы, если какие-либо препятствия помешают одному, это дело мог исполнить другой. Обращает на себя внимание тот факт, что «мещанину Санникову предписано по возвращении

с Котельного острова отправиться в Иркутск на коште экспедиции для личного донесения о своем успехе».

В марте 1811 года путешественники были у цели. Пшеницын с Татариновым объехали Новую Сибирь и положили на карту всю береговую линию протяженностью 470 верст. Татаринов пытался проехать по морю на север от мыса Каменного, надеясь добраться до земли, виденной Санниковым и Геденштромом, но был остановлен полыньей в 25 верстах от Новой Сибири.

Между тем Яков Санников вместе с сыном Андреем трудились на открытом им в 1805 году острове Фаддеевском. «Он, — писал Геденштром, — начал путь свой с западной стороны от залива, почитаемого прежде проливом. Восточный конец всего залива простирается к морю низменным песком, посредством которого Фаддеевский остров соединяется с Котельным». Открытый Санниковым песок впоследствии получил название Земли Бунге в честь выдающегося русского географа, обследовавшего Новосибирские острова спустя три четверти века.

Много дней странствовал Яков Санников по пустынным, еще не осмотренным ни одним путешественником северо-западным и северным берегам острова Фаддеевского. Он обследовал заливы, мысы, бухты. Продвигаясь вперед на нартах, запряженных собаками, он мужественно терпел лишения и невзгоды. И при слепящем солнце, и при тридцатиградусном морозе с шуршащей струйками снега поземкой путешественник добывал для науки первые бесценные сведения об очертаниях и природе земель Севера. Кровом ему служила палатка, в которую во время метелей проникал снег и в которой в любую погоду было ненамного теплее, чем под открытым небом. Пища состояла только из оленины, сухарей и черствого, промерзшего хлеба. Не всегда были дрова, и не всегда удавалось вскипятить воду, чтобы кружкой чая согреть заочеченвшее тело. Постелью служил снег или промерзлая земля, на которую стлали шкуры. Шкурами и укрывались. Ближайшее человеческое жилье находилось в 700 верстах. В случае беды они никому не могли об этом сообщить, никого не могли призвать на помощь.

Санников заканчивал обследование острова Фаддеевского, когда вдруг увидел на севере контуры неизвестной земли.

Не теряя ни минуты, он на своих сильных собаках помчался вперед. Верста за верстой. Торос за торосом.

Упряжка летела стремительно. Нетерпение хозяина передалось собакам, и они мчались на север изо всех сил. Еще двадцать — тридцать верст, и они ступят на незнакомый гористый берег.

С вершины высокого тороса Яков Санников увидел темную полосу. Она ширилась, и вскоре он явственно различил широкую полынью, протянувшуюся по всему горизонту. Объехать ее не было возможности. А за нею неведомая, по-видимому еще не хоженная человеком земля с высокими горами манила к себе. Геденштром писал, что проехал Санников «не более 25 верст, как был удержан полыньей, простиравшейся во все стороны. Земля же ясно была видима, и он полагает, что она тогда 20 верст от него отстояла».

Сообщение Санникова об «открытом море» свидетельствовало, по мнению Геденштрота, о том, что Северный Ледовитый океан, лежащий за Новосибирскими островами, не замерзает и удобен для судоходства «и что берег Америки действительно пролегает в Ледовитом море и оканчивается Котельным островом».

В середине апреля Санников прибыл в Усть-Янск и занялся отправкой запасов продовольствия и корма для собак на острова Котельный и Фаддеевский, где путешественники намерены были провести лето.

2 мая экспедиция выехала на север и через 15 дней была на острове Котельном. После небольшого отдыха, в котором нуждались собаки, Санников вместе с унтер-офицером Решетниковым отправился обследовать его берега.

Весна еще не наступила, но в воздухе уже чувствовалось ее приближение. На южной стороне торосов в солнечные дни таял снег. Капли воды под вечер превращались в причудливые сосульки. Еще держались морозы, но уже не такие сильные, как в марте. Часто наплывал туман. В белесой дымке было трудно различить, где кончается берег и начинается морской лед.

9 июня на остров Котельный прибыли пятидесятник Тарабукин и юкагир Черепов. Они привели 23 оленя, на которых Санников собирался предпринять путешествие летом. Путь до острова в это теплое время был очень труден. Во льду появились многочисленные трещины. Всякий раз приходилось из больших льдин делать мосты, по которым и люди и животные перебирались с риском для жизни.

Санникову не сиделось на месте. 27 июня он оставил становище и 54 дня блуждал со своими спутниками по

острову Котельному, то обследуя береговую линию, то уходя в глубинные районы, чтобы достать корм для оленей. Возвращаясь на побережье, он с надеждой искал Землю, которую прошлым летом видел в океане, но ничего не мог различить, кроме серо-зеленых волн да белых льдин, носившихся по морю.

Между тем тундра сбросила зимнее покрывало. На земле, еще недавно покрытой глубоким слоем снега, появились цветы. Распустились во всей красе полярные маки, голубые незабудки, светло-розовые и желтые камнеломки. Над островом стоял гомон и пересвист птиц. С унылым писком проносились кулики; кричали, кружась в воздухе, чайки. Из травы вылетали стайки краснозобиков. Иногда встречались огромные стада гусей, у которых была в разгаре линька. Они не могли подняться в воздух, и добыть их можно было палкой, не тратя ни драгоценный порох, ни пули. Реже встречались олени. Величественно подняв головы, они издали недоверчиво смотрели на людей. Один из путешественников направился к ним, прячась за домашнего оленя. Ничего не подозревая, животные подпускали охотника совсем близко. Благодаря этой хитрости у исследователей всегда был запас мяса и они могли продолжать обследование острова, не теряя времени на езду к становищу за продовольствием.

Труд Санникова и его товарищей не был напрасным. Они полностью обследовали берега острова Котельного. В глубинных его районах путешественники нашли «в великом множестве» головы и кости быков, лошадей, буйволов и овец. Значит, в древние времена на Новосибирских островах был более мягкий климат. По мнению Геденштрома, буйволы, лошади, быки и овцы водились на них в одно время с мамонтом, когда на острове «произрастал лес, окаменелые остатки которого встречаются целыми слоями в Новой Сибири».

Санников вновь посетил зимовье на Котельном острове. Он со своими спутниками открыл могилу. В ней был деревянный сруб, в котором находились: топор, пила, 17 железных стрел, колыб для литья пуль, обитый кремнь, огниво, костяной гребень и истлевшие остатки шкур песка, оленя, куски овчины и другие вещи. Вблизи зимовья обнаружили топор, медную кастрюлю и перерубленную лыжу.

Во время этой поездки Санников обнаружил «многие признаки» жилищ юкагиров, которые, согласно преданию, удалились на острова от свирепствовавшей оспы

лет 150 назад. В устье реки Царевой он нашел ветхое днище судна, сделанное из соснового и кедрового дерева. Швы его были проконопачены смоленой мочалой. На западном берегу путешественникам встретились китовые кости. Это, по мнению Геденштрёма, доказывало, что «от Котельного острова к северу простирается беспрепятственно обширный Ледовитый океан, не покрывающийся льдом, как Ледовитое море при матерой земле Сибири, где никогда китов или костей их не видывано». О всех этих находках поведано в обнаруженном нами «Журнале личных обсказаний мещанина Санникова, унтер-офицера Решетникова и записках, веденных ими во время обозрения и летования на острове Котельном...».

Каменных гор Земли, которая прошлым летом предстала перед Санниковым к северо-западу от острова Котельного, путешественник не увидел ни весной, ни летом. Словно призрак, она растворилась в океане.

4 октября неутомимый путешественник отправился на остров Фаддеевский, где вел исследования Пшеницын. Якову Санникову было известно, что олени весной не были доставлены на этот остров и геодезист был лишен возможности объехать остров летом, когда более отчетливо, чем зимой, видна линия берега. Пшеницын пытался обойти его пешком, но вскоре убедился, что это непосильная задача. Он и его спутники оказались в тяжелом, почти безвыходном положении. Корма для собак оставалось только на обратный путь. Надежда, что собаки летом добудут себе пропитание, ловя леммингов, не оправдалась. Мышей не было. Собаки гибли одна за другой. К приезду Санникова осталась в живых только половина собак, и те были так худы, что не годились для езды по самой хорошей дороге. Запасы продовольствия оказались недостаточными. Длительный голод изнурил всех.

Приезд Санникова был спасением для Пшеницына и его товарищей от надвигавшейся смерти. Санников доставил их на остров Котельный в свое становище. Обильная свежая пища скоро восстановила силы странников. Пшеницын по описаниям и рассказам Санникова составил карту Котельного острова.

27 октября экспедиция двинулась в путь, и через 15 дней среди бесконечных снежных просторов тундры путешественники увидели белые столбы дыма, державшиеся над гостеприимным Усть-Янском.

15 января 1812 года Яков Санников и унтер-офицер

Решетников прибыли в Иркутск. На этом завершились первые поиски Северного континента, предпринятые Россией в начале XIX века. Они не были напрасными.

Впервые на географической карте появились все известные в то время острова Новосибирского архипелага: Большой и Малый Ляховские, Столбовой, Бельковский, Новая Сибирь, Котельный, Фаддеевский, а также песок, соединяющий два последних острова. Карта этих островов еще далека от совершенства, очертания островов Котельного, Большого и Малого Ляховских немного искажены. Значительная часть берегов была описана Санниковым, которого Геденштром обучил только обращению с компасом. К тому же сам Геденштром до экспедиции на Север никогда не занимался съемкой берегов. Этому искусству он учился самостоятельно по книгам, без опытных наставников. Вызывает восхищение поистине самоотверженный труд небольшой экспедиции, участники которой, располагая столь малыми средствами, совершили научный подвиг.

Геденштром рисковал жизнью, не щадил своих сил. Но он думал и жил только одной мечтой — открыть Северный континент. Геденштром писал Румянцеву, подводя итоги своих двухлетних странствий: «Я сделал более, нежели мне было предписано».

Геденштром и Санников не только составили первую карту Новосибирских островов, но и собрали первые сведения об их природе: о строении берегов, о полезных ископаемых, о растительности, о животном мире, о древних юкагирских жилищах, о зимовьях безвестных русских и, по-видимому, якутских охотников.

Земли, еще недавно отданные во власть самых фантастических слухов и легенд, обрели свой настоящий облик. Четыре из них открыл Яков Санников: это острова Столбовой, Фаддеевский, Новая Сибирь и Земля Бунге. Но как ни странно, имя его получило большую известность благодаря землям, которые он видел издали в Северном Ледовитом океане. Решая географическую загадку, исследователи упускали из виду подвижническую деятельность этого охотника во имя науки. Не получая ничего за свои труды, кроме права на сбор мамонтовой кости, Санников исколесил на собаках и на оленях все крупные Новосибирские острова. Он не боялся ни одиночества, ни пурги, ни морозов. Порой среди снежной пустыни гибли от голода одна за другой его собаки. Бывали дни, когда путешественник не имел ничего, кроме случайно подстреленной дичи, но он шел

к неведомым берегам, речкам, заливам, гонимый жаждой открытий.

Две из трех земель, виденных Санниковым в различных местах Северного Ледовитого океана, появились на карте. Одна, в виде части огромной суши с гористыми берегами, была нанесена к северо-западу от острова Котельного; другая была показана в виде гористых островов, протянувшихся от меридиана восточного берега острова Фаддеевского до меридиана мыса Высокого на Новой Сибири, и названа его именем. Что касается земли к северо-востоку от Новой Сибири, то на месте предполагаемого ее местонахождения он поставил знак, которым обозначают приблизительную величину. Впоследствии здесь были открыты острова Жохова и Вилькицкого.

Таким образом, Яков Санников видел в трех различных местах Северного Ледовитого океана неведомые земли, которым затем на протяжении десятилетий предстояло занимать умы географов всего мира. Всем было известно, что Яковом Санниковым еще раньше были сделаны крупные географические открытия, и это придавало большую убедительность его сообщениям. Он сам был убежден в их существовании. Как видно из письма И. Б. Пестеля Н. П. Румянцеву, он был намерен «продолжить открытие новых островов, и прежде всего той земли, которую видел он на север от Котельного и Фаддеевского островов» и просил отдать ему на два-три года каждый из этих островов.

И. Б. Пестель находил предложение Санникова «весьма выгодным для правительства». Той же точки зрения придерживался и Н. П. Румянцев, по указанию которого был подготовлен доклад об утверждении этой просьбы. В архивном деле нет записей, было ли принято предложение Якова Санникова.

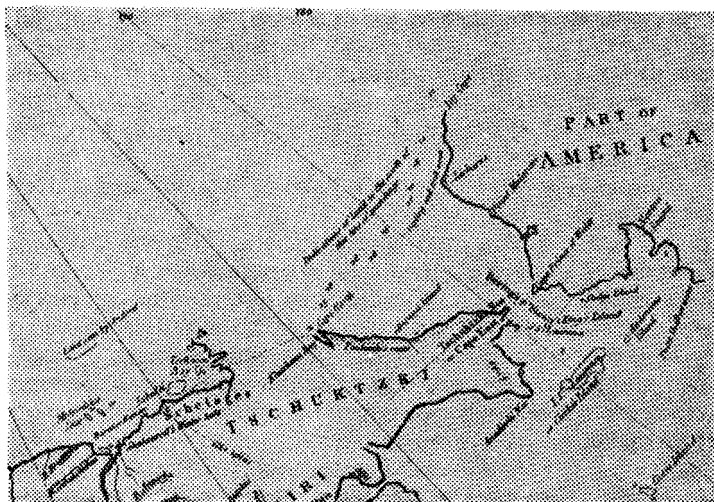
Экспедиция Геденштрома — Санникова — самое крупное и самое выдающееся полярное путешествие начала XIX века. Она представляет собой яркое звено в сложной цепи поисков «матерой земли» к северу от берегов Сибири, положившее начало первым сомнениям в существовании так называемого Северного континента. Экспедиция Геденштрома — Санникова не только явилась блестящей прелюдией к выдающимся путешествиям П. Ф. Анжу и Ф. П. Врангеля, для которых были скопированы все ее карты, документы и описание путешествия, но и оказала большое влияние на дальнейшее развитие русских полярных исследований к северу от Чукотки, Берингова пролива и Русской Америки.

Поиски продолжаются...

В 1815 году Н. П. Румянцев на собственные средства снарядил экспедицию на бриге «Рюрик» под командой О. Е. Коцебу. Она доставила новые доказательства существования Северо-западного прохода. Вместе с тем это плавание возбудило интерес к землям, которые якобы простирались к северу от Берингова пролива и к северу от Яны и Колымы.

Еще в то время, когда «Рюрик» находился на пути из Берингова пролива в Кронштадт, в Англии разгорелся спор между Джоном Барроу, по инициативе которого английское правительство снаряжало две экспедиции для поисков Северо-западного прохода, и Джеймсом Бурнеем, спутником Кука и автором многотомного труда по истории исследования Тихого океана. В августе 1817 года Бурней представил Королевскому географическому обществу статью, в которой писал, что море севернее Берингова пролива ограничено близкими землями и, вероятнее всего, Америка соединяется с Азией перешейком. Он не находил в литературе достаточно удовлетворительного доказательства, подтверждающего разделение Азии от Америки, и не считал достоверными сведения о плавлении проливом между этими материками.

Деталь карты Джеймса Бурнея (1817)

Бурней не оспаривал, что Дежнев вышел из Колымы в море, но вместе с тем сомневался, что он прошел до Восточного мыса. «Единственным неоспоримым доказательством раздела континентов можно считать утверждение, что все азиатское побережье от Колымы до Берингова пролива окружено морем. А это еще не доказано».

По мнению Бурнея, предположение, что Новый и Старый Свет соединяются, так же старо, как и само открытие Америки. Он ссылаясь при этом на «Гидрографическое описание мира» английского полярного исследователя Джона Дейвиса, который в 1595 году утверждал, что Северо-западный проход так долго стараются открыть и так неизменно терпят неудачу за неудачей, что, вероятно, такого прохода нет и Америка соединена с Азией.

Но кроме мнения заслуженных исследователей Бурней для доказательства своей гипотезы привлекает и наблюдения над природой полярных морей, собранные прежними путешественниками. Известно, что многие из них, встретив сплоченный лед на севере, уходили искать путь в другие места и когда через несколько дней возвращались в прежнюю точку, то находили лед уже разрезанным. Это, по мнению Бурнея, доказывало, что лед недавно отделился от земли. И полет птиц с севера на юг,

и установленная Куком «одинаковость» глубин между американскими и азиатскими берегами, и медленные течения в Беринговом проливе, и быстрые в Колымском море — вот, по мысли Бурнея, доказательства существования неведомой земли, протянувшейся между берегами двух континентов.

По поводу этой догадки Джон Барроу писал Крузенштерну:

«Я не уверен, что знакомы ли Вы с капитаном Бурнеем, который плавал вместе с капитаном Куком; он вбил себе в голову, что Берингова пролива не существует, а есть какой-то залив, оканчивающийся к северу суши, которая и соединяет два континента: Азию и Америку. Он говорит, что Миллер неправильно понял Дежнева и что этот офицер не проходил через пролив. Я не знаю, на каком основании он все это вообразил или сделал за такой короткий срок новое открытие».

В другом письме Барроу просил Крузенштерна прислать материалы первого плавания Коцебу в Беринговом проливе и к северу от него и сообщить, насколько вероятно предположение, что Новая Сибирь соединяется с Америкой. Все эти сведения должны были помочь Барроу оспаривать доводы Бурнея о некоем средиземном море к северу от Берингова пролива и об отсутствии сообщения между Тихим и Атлантическим океанами.

Крузенштерн со свойственной ему мягкостью назвал идею Бурнея сомнительной и опроверг все его доказательства. Во-первых, Семен Дежнев из Колымы не только проплыл морем до Восточного мыса, но и прошел Беринговым проливом до реки Анадырь (Иван Федорович послал Барроу копии с отписок Дежнева, которые хранились в бумагах Миллера в делах Коллегии иностранных дел). Во-вторых, Бурней заблуждается, предполагая, что течения в Беринговом проливе незначительны. Наоборот, как установил Коцебу, скорость течения достигала очень больших величин — трех миль в час — и свидетельствовала о существовании сообщения между двумя океанами. В-третьих, Новая Сибирь отнюдь не огромная суша, соединяющаяся с Америкой, а остров, 8 лет назад обстоятельно осмотренный экспедицией Геденштрома, и к северо-востоку от него вряд ли находится «матерая земля», а есть море, которое даже зимой не полностью сковано льдом.

Материалы о плавании «Рюрика» Крузенштерн направил также и Бурнею (по его просьбе). Бурней стал

менее категорично высказываться о перешейке между Азией и Америкой, но по-прежнему не верил в существование Северо-западного морского пути и полагал ошибочными убеждения тех ученых и мореходов, которые рассматривали Берингов пролив как единственный проход на западной стороне Америки, ведущий из Европы в Тихий океан.

И Крузенштерну, и Джону Барроу была очевидна необоснованность утверждений Бурнея. Однако государственный канцлер Н. П. Румянцев хотел во что бы то ни стало доискаться истины. Менее знакомый с историей и результатами полярных исследований, чем Крузенштерн и Барроу, он допускал, что, быть может, Бурней прав. Но более всего его интересовала «матерая земля» к северу от Чукотки.

Об этом свидетельствует тот факт, что Н. П. Румянцев, по указанию которого были снаряжены экспедиции М. М. Геденштрёма и О. Е. Коцебу, 13 февраля 1817 года обратился с письмом к П. И. Рикорду, управлявшему в то время Камчатской областью. В письме шла речь о том, что он желает послать небольшую экспедицию из местных жителей, которая отправилась бы на Север из района Чаунской губы или Шелагского Носа, чтобы убедиться, «нет ли вблизи за Ледовитым океаном матерого берега, который бы имел протяжение свое против Сибири, или не существует ли там островов».

Он просил П. И. Рикорда подготовить возможно скорее такую экспедицию и снабдить ее необходимыми инструкциями. В этом же письме он сообщил, что вышлет 3 тысячи рублей с капитаном В. М. Головниным, который готовится в это время к кругосветному плаванью на шлюпе «Камчатка».

Через В. М. Головнина, который был посвящен Н. П. Румянцевым в его планы, были отправлены П. И. Рикорду деньги и товары для участников будущих поисков. 7 февраля 1818 года Н. П. Румянцев снова напомнил П. И. Рикорду о своей просьбе послать людей, которые проверили бы, на каком расстоянии к северу от берегов Сибири и острова Св. Лаврентия находится берег Америки, и выяснили бы, «точно ли Азия от Америки Беринговым проливом отделена... Для пояснения сего вопроса и должен Вам, милостивый государь мой, довести, что некто Бурней, который, коли не ошибаюсь, сопровождал Кука, утверждает, что Азия с Америкой одну составляют матерую землю, а то, что почитается

Беринговым проливом, он считает за пространный залив, коего берега льдом обложены».

Он просил П. И. Рикорда попытаться «точные сведения отыскать» о плавании С. И. Дежнева, так как они помогут либо подтвердить предположения Д. Бурнея, либо их отвергнуть. Свое письмо он закончил словами о том, что будет благодарен за всякие сведения, которые могут пролить свет на действительные очертания Северо-Восточной Сибири и внести ясность в вопрос о Северной «матерой земле». Своим просьбам Н. П. Румянцев придавал столь важное значение, что это письмо П. И. Рикорду послал двумя оказиями, один экземпляр через Российско-Американскую компанию, а другой — через сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля.

25 июня 1818 года Н. П. Румянцев поблагодарил П. И. Рикорда за то, что он не забыл о его просьбе и намерен «употребить чукчей» для поисков матерого берега Америки, якобы расположенного к северу от Чукотки.

10 ноября 1818 года государственный канцлер еще раз просит П. И. Рикорда приложить всевозможные старания, чтобы «поиски сии там сделаны были, чтоб из них существенная вышла польза для расширения всеобщих географических сведений». «Вам, как виновнику, — добавляет он, — принадлежать будет истинная слава».

Планы Н. П. Румянцева относительно поисков «матерой земли» или острова к северу от Чаунской губы или Шелагского мыса были исполнены П. И. Рикордом. В 1819 году он организовал экспедицию во главе с русским моряком, имени которого установить не удалось. Экспедиция вышла по льду на север от Берингова пролива. Транспортом ей служили собаки и олени. «По подсчетам, они прошли на север около 200 верст, — писал И. Ф. Крузенштерн, — что, безусловно, не так уже мало». «Матерой земли» или каких-либо островов путешественникам не удалось открыть.

Итак, вопрос о поисках Северной «матерой земли» после экспедиции М. М. Геденштрома не снимался с повестки дня и привлекал к себе внимание русских (и не только русских) мореплавателей и государственных деятелей.

В конце декабря 1818 года руководитель Адмиралтейского департамента Г. А. Сарычев, представляя морскому министру И. И. де Траверсе программу исследований Русского флота, обратил внимание на то, что к востоку от Новой Сибири, против мыса Шелагского,

«по уверению чукчей, находится земля, обитаемая дикими людьми, и что эту землю можно описать в весеннее время на собаках по льду таким же образом, как описана была Новая Сибирь».

Этим вопросом интересовался и замечательный мореплаватель В. М. Головнин. Он внимательно следил за спорами о Северном материке, Северном проходе и о перешейке, якобы соединяющем Азию и Америку.

Именно Головнин предложил осенью 1819 года послать сухопутную экспедицию на собаках для поисков земель в Ледовитом море.

Известно, что в тот самый день 10 ноября 1819 года, когда И. И. де Траверсе давал указание Адмиралтейств-коллегии об отправке двух отрядов для поисков северных земель, М. В. Головнин дал прочесть Ф. П. Врангелю «Проект об отправлении двух экспедиций с устьев Яны и Колымы» и предложил ему возглавить одну из них, прибавив при этом, что «он сам будет дирижировать» их действиями.

Действительно, в ноябре 1819 года русским правительством было принято решение о том, чтобы «для поисков и описания земель», лежащих к северу от Яны и Колымы, «употреблены были все возможные средства, которые могли бы обещать успех».

Для научных наблюдений отряды предполагалось снабдить хронометрами, секстантами, телескопами, барометрами, термометрами, микроскопами, компасами, инклинаторами и другими приборами.

Копия с «Записки» Головнина 12 ноября 1819 года была выслана сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому вместе с письмом, проект которого составил Головнин. Министр извещал Сперанского о решении русского правительства и просил «сделать некоторые предварительные распоряжения для обеспечения успеха экспедиции».

«Многие опыты, — писал Траверсе, — в том числе плавание по Ледовитому морю капитана Биллингса и другие, свидетельствуют, что покушения сии на судах не могут быть успешными, а потому поиски земель в том краю должны производиться по льду на собаках и начать их с устьев рек Колымы и Яны; следовательно, нужно знать, в каком расстоянии от них находятся ближние селения и как близко к устьям тех рек можно сделать временные жилища; избы или юрты для отрядов, кои употреблены будут для открытий; какое число собак можно приготовить и съестные припасы доставить».

14 ноября Адмиралтейств-коллегия утвердила представленный вице-адмиралом Г. А. Сарычевым «План, как производить опись земель, лежащих на Ледовитом море к северу против устьев рек Яны и Колымы» и определила, что для осуществления этого предприятия потребуется до 30 тысяч рублей.

План Сарычева вслед за «Запиской» Головнина был выслан Сперанскому. 20 января 1820 года Сперанский ответил, что им собраны нужные сведения относительно северных земель, и направил морскому министру рукописное «Путешествие...» Геденштрома с двумя приложениями, «Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова Камня» и карту Новосибирских островов, составленные Геденштромом, замечания Геденштрома по плану Сарычева и, наконец, смету на содержание Колымского и Янского отрядов экспедиции.

Сперанский, как видно из его пространного ответа морскому министру, считал бесполезным отправлять Янский отряд, ибо Новосибирские острова достаточно обследованы Геденштромом: «Прежние предположения о существовании в сем месте материка или гряды островов с основательностью исследованы и отвергнуты».

Генерал-губернатор думал ограничить задачи экспедиции деятельностью Колымского отряда, которому следовало заняться поисками земель к северу и востоку от Медвежьих островов. Предположения об их существовании, «возбужденные повествованиями сержанта Андреева и другими, впрочем, весьма смешными рассказами, остаются в своей силе и по крайней мере достоверностью не отвергнуты».

Этот отряд должен был состоять из семи человек и предпринять первые поиски. Если удастся открыть землю, то в следующем году можно будет увеличить состав экспедиции.

Путешествие в том обширном объеме, в каком оно мыслилось Морским министерством, по мнению М. М. Сперанского, легло бы непосильным бременем на бедных и малочисленных жителей Сибирского Севера. В заключение письма Сперанский сообщал, что якутскому областному начальнику Миницкому дано указание о подготовке «нарт, собак и корму».

«Его величество, делая меня участником в предполагаемой экспедиции,— писал генерал-губернатор Сибири,— отдает справедливость моему решению. Я приложу всевозможные старания. Препятствия значительны, но добрая воля и решимость все преодолевают».

Поиски северных земель были поставлены на уровень высшей государственной политики. Указание о снаряжении экспедиции и о ее прекращении было дано Александром I. Царь неоднократно интересовался деталями снаряжения экспедиции и даже одернул М. М. Сперанского, когда тот попытался поставить под сомнение главную ее цель. Сперанскому было вменено в обязанность лично докладывать о ходе экспедиций не морскому министру или начальнику Морского штаба, а непосредственно царю.

Морское министерство не согласилось с доводами Сперанского относительно ненужности Янской экспедиции. Траверсе уведомил генерал-губернатора Сибири, «что государю императору угодно, чтоб землям, против сей реки лежащим, было сделано точнейшее описание».

Скептическое отношение Сперанского к Северной земле не встретило сочувствия в Морском министерстве. Траверсе напомнил еще раз губернатору Сибири о том, что правительством именно на него возлагается ответственность за обеспечение деятельности экспедиции и что «план продолжения открытий, когда будет действительно найдена земля противу устья Колымы, может измениться» в зависимости от того, миролюбивым ли окажется населяющий ее народ.

Министерство иностранных дел предоставило в распоряжение Морского ведомства все материалы экспедиции Геденштрёма. Ознакомившись с ними, морской министр приказал снять копии со всех записок и бумаг, за исключением счетов. При этом писцы должны были трудиться посменно с раннего утра до позднего вечера.

Исключительная роль в подготовке Колымской и Янской экспедиций для поисков и описи северных земель принадлежала Головнину. В Колымскую экспедицию он определил Врангеля, Матюшкина и Козьмина, в Янскую — В. С. Табулевича и И. П. Ильина. По предложению Головнина на должность натуралиста Колымской экспедиции был назначен выпускник Дерптского университета Кибер. Головнин добился успешного решения вопроса о значительном повышении денежного содержания всем участникам экспедиции.

Как только последовало решение о назначении Врангеля начальником Колымского отряда, Головнин без промедления вызвал его в Петербург. Врангель всецело отдался подготовке к путешествию. «В начале марта, — писал он 16 февраля 1820 года Литке, — сухопутное путешествие возьмет свое начало. Другая экспедиция

была поручена Табулевичу, который и принял ее, но после оказался больным, и теперь Анжу начальник оной, Матюшкин... принят на место штурмана ко мне. Энгельгардт выхлопотал ему Анну 3-й степени. Другой штурман со мной Козьмин, который будет пожалован в 12-й класс, а с Петром Федоровичем идет Ильин, которому дадут 14-й класс, а нас обоих до отправления представят в лейтенанты. Мы представлялись уже министру, который что-то такое пробормотал, кажется по секрету, ибо никто его не понимает».

Перед Янским отрядом под начальством Анжу была поставлена задача — описать Новосибирские острова и выяснить, не продолжается ли Новая Сибирь «далее и нет ли еще близь ее других земель». Колымскому отряду предстояло заниматься поисками земли, о которой рассказывали чукчи прежним путешественникам. «Если рассказы чукчей окажутся справедливыми, — писал Сарычев в своем «Плане», — то, открыв землю, путешественники должны обласкать коренных жителей и описать их страну...» Но если она окажется обширной, Врангелю разрешалось для ее исследования оставить несколько человек до зимы. Если одного года будет недостаточно на опись, то «закончить оную на другой год».

Опись известных земель имела второстепенное значение. Этими задачами должен был заниматься штурманский помощник, а самому Врангелю от мыса Шелагского следовало ехать по льдам моря к северу до неизвестной земли, находящейся на расстоянии однодневной поездки от этого места. При этом делалась ссылка на путешествие Сарычева, в котором шла речь об этой стране. При содействии Головнина Колымской экспедиции было поручено выполнение широких научных наблюдений.

«Всем астрономическим и физическим наблюдениям вести особенный журнал... а по барометру и термометру перемены записывать: по утру и вечеру в 6 часов, а также в полдень и в полночь. Во время северных сияний, а особливо так называемых сполохов, которые сначала показываются в северной стороне сверкающими светлыми полосами, которые, умножаясь время от времени, распространяются по всей атмосфере, тогда она кажется объятою пламенем, в разных местах мгновенно вспыхивающим и исчезающим, и слышан бывает в сие время слабый треск наподобие происходящего от действия электрической машины. Из оного заключить должно, что

явление сие происходит в самой нижней части атмосферы и, по замечанию некоторых, имеет влияние на магнитную стрелку, почему нужно вам в сие время делать примечание над компасом и инклинатором, записывая происходящие с ними перемены».

Под командованием Врангеля находились мичман Ф. Ф. Матюшкин, штурман П. Т. Козьмин, доктор медицины А. Э. Кибер, слесарь С. Иванников и матрос М. Нехорошков. У Анжу было два штурманских помощника — И. А. Бережных и П. П. Ильин, лекарь А. Е. Фигурин, матрос Игнашев и слесарь А. Воронков.

Руководить действиями экспедиции было приказано сибирскому генерал-губернатору Сперанскому, через которого начальники отрядов должны были сноситься с Морским ведомством.

20 марта отряды покинули Петербург и в начале лета достигли Иркутска, где Врангеля и Анжу ждал Геденштром. Встреча с этим полярным исследователем и сведения, полученные от него, были очень полезны для руководителей отрядов. Геденштром предупредил моряков, что на берегах и льдах Ледовитого океана их ждут серьезные трудности, включая нехватку съестных припасов и корма для собак. По словам Врангеля, картина была малопривлекательной, но она, «впрочем, не имела никакого особенного влияния на веселую бодрость нашу». Путешественники отметили серьезное внимание Сперанского к делам экспедиции и дружеское отношение его помощника Г. С. Батенькова, впоследствии видного деятеля движения декабристов.

Сперанский, познакомившись с руководителями отрядов и задачами экспедиции, несколько изменил свое скептическое отношение к предполагаемой Северной Земле.

«Может быть, мы откроем в Сибири новую Исландию, — писал он дочери. — Ко мне прислали две партии молодых морских офицеров для открытий по Ледовитому морю. На сих днях отправляю их в путь к белым медведям. Есть действительно признаки большого острова, а может быть, и земли, соединяющей Сибирь с Америкой».

25 июня отряды экспедиции покинули Иркутск. 27 июня путешественники прибыли в Качуг, где их ожидало большое плоскодонное судно. На следующий день Врангель и Анжу отправились вниз по Лене и 25 июля достигли Якутска.

В начале августа Петр Федорович простился с Вран-

гелем и покинул Якутск с его деревянными домами и деревянной крепостью-острогом, выстроенным пришедшими сюда казаками в первой половине XVII века. Отряд Анжу снова отправился вниз по Лене. Через несколько недель путешественники благополучно добрались до Усть-Янска, маленького поселка, расположенного почти у берегов Северного Ледовитого океана, у начала дельты реки, от которой он получил свое название.

После сотен верст безлюдных северных просторов три рубленые избы и две якутские юрты ласкают взгляд путешественников. Их встречают как желанных гостей. И русские промышленники, добывающие мамонтову кость, и седой дряхлый старик, все еще числившийся в лекарских учениках, и гостеприимные якуты — все предлагают им кров и стараются всячески помочь.

В жизни путешественников почти всегда много неожиданностей. И в первые же дни пребывания на далеком Севере они выпадают на долю Петра Федоровича Анжу. Внезапно распространяется «поветрие на собак». Они гибнут сотнями на великом пространстве Севера. Лишь один район дельты Лены миновал этой участи, и туда мореплаватели упрятали своих четвероногих друзей.

Незаметно подкралась зима. Моряки познакомились с полярной ночью, когда в течение нескольких недель стояла кромешная тьма, увидели полярные сияния, изведали пургу и стужу. В избе, в которой жил Анжу, дню и ночью топилась печка, но все равно было холодно. Приходилось работать в шубе и в валенках, а чернильницу держать в горячей воде, иначе чернила превращались в лед. Зябли пальцы, ныли суставы рук, а Петр Федорович сидел целыми часами над заветным дневником, описывая каждый шаг своей экспедиции. Мог ли он подозревать, что эти драгоценные для географической науки записи в один из дней вспыхнут вместе с его домом и превратятся в пепел, навсегда унеся многие интереснейшие подробности жизни и труда горсточки наших моряков!

Ни холод, ни темнота не помешали путешественникам весело отпраздновать Новый год и подготовить все необходимое для предстоящих работ: и запасы провианта, и корм для собак, и нарты, и оленей для поездки по тундре к дельте реки Лены.

В марте 1821 года экспедиция двинулась в путь. Ехали на оленях. Каждый моряк, как умел, правил своей нартой. При резких поворотах и при спусках с возвышенностей сани нередко опрокидывались и олени убега-

ли от незадачливых ездоков. Моряки иногда подолгу гонялись за животными по тундре, прежде чем удавалось снова завладеть упряжками.

4 марта Петр Федорович прибыл в губу Буорхая. Едва он приехал, как началась метель, продолжавшаяся четыре дня. Все это время Анжу жил в тревоге за судьбу обоза с запасами экспедиции, который еще находился в пути. К счастью, почти все обошлось благополучно. Лишь штурман Ильин простудился в пути, и его пришлось отправить обратно в Усть-Янск.

Спустя неделю экспедиция направилась на север на 34 нартах, из которых каждая была запряжена 12 собаками.

Рукава Лены потерялись, влились в Ледовитый океан, скованный льдом. По нему идти путешественникам сотни, тысячи километров. Многие дни не встретится ни один человек. Вокруг царство льда и снега. Мороз днем и ночью. Холод ужасный. Ртуть замерзает в астрономических приборах, и ее режут ножом, словно масло. И несмотря на ветер и стужу, наблюдения производятся регулярно и с точностью, которой будут восхищаться многие поколения исследователей.

Из устья Лены Анжу и его спутники идут на северо-восток, к острову Столбовому. До него несколько суток езды на собаках, и путешественники проводят три дня и три ночи под открытым небом. Кругом ничего не видно, кроме бесконечной снежной равнины, над которой равнодушно плывет холодное северное солнце... Ослепительная белизна снега и яркий блеск солнечных лучей утомляют глаза, и все радуются, когда над торосами из зеленоватого льда начинают обозначаться не то очертания далекой земли, не то причудливые облака. Но это не мираж. Впереди чернеют каменные горы острова Столбового. Проходит несколько часов, и вот уже можно различить на его берегах множество деревянных крестов, поставленных около двухсот лет назад казаками и служилыми людьми, искавшими для своего государства новых земель и пересекавшими на своих кочах студеные моря. С чувством глубокого восхищения останавливаются моряки перед этими немymi свидетелями великих географических подвигов русских людей, открывших огромные пространства суши между Уралом и Тихим океаном, по своим размерам превышающие в несколько раз такой континент, как Австралия. И все это менее чем за полвека...

Не находят надежного пристанища путешественники

и на берегах острова Столбового. Укрытием им служит по-прежнему коническая палатка из оленьих кож, плохо защищающая от тридцатиградусных морозов.

После небольшого отдыха снова в путь дальше на северо-восток, по направлению к южному берегу острова Котельного. Лишь встреча с белым медведем нарушает установившийся ритм похода. Завидя зверя, собаки бросаются к нему и поднимают суматошный лай. Наиболее ретивым удается вырваться из упряжки, и они вплотную насаждают на зверя, который небрежно отмахивается от своих преследователей.

Экспедиция, не задерживаясь, спешит к месту своих основных работ.

Достигнув южного берега острова Котельного, путешественники разделились на две партии. Одну из них возглавил Илья Автономович Бережных. Ему предстояло заниматься описными работами на острове Фаддеевском. Второй партией руководил Анжу, взявший на себя часть работ по описи острова Котельного и поиски земли, виденной, но не открытой его предшественниками.

Двигаясь на север, путешественники производили опись западного берега острова Котельного. По-прежнему держались крепкие морозы. Иногда при температуре около 30 ° разыгрывался крепкий ветер. Холод становился невыносимым, как ни укрывались моряки меховыми одеялами. Время от времени они выходили на улицу и бегали вокруг своего жалкого жилища, чтобы согреться. Порой, сняв сапоги, моряки обнаруживали, что шерстяные чулки покрылись ледяным слоем и примерзли к телу. Приходилось осторожно снимать их и натирать ноги водкой. К счастью, серьезных обморожений не было. Убедившись, что сырость может привести к тяжелым последствиям, участники экспедиции старались всегда держать обувь сухой.

Во время метелей палатку почти доверху заносило снегом. Сугробы защищали от холода, и ненастные дни путешественники проводили в тепле, если можно назвать теплом температуру около нуля градусов.

Трудно было работать с приборами. Стоило прикоснуться обнаженной рукой или лицом к секстанту, как кожа мгновенно примерзала к металлическим частям. Хронометры останавливались от холода, и, чтобы не портились эти инструменты, путешественники носили их днем на себе под верхним платьем, а ночью заворачивали в оленьи шкуры и складывали в отдельный ящик.

Чтобы от сильных морозов и резкого ветра не постра-

дали собаки, от выносливости которых во многом зависел успех экспедиции, проводники-якуты и русские казаки надели животным на лапы что-то вроде сапог. От этого бег собак значительно уменьшился, но рисковать животными было бы безрассудно.

После каждого дневного перехода разбивали коническую палатку с небольшим отверстием для дыма в ее верхней части. В палатке на небольшом железном листе разводили огонь. Дрова либо везли с собой, либо собирали на берегу острова. Иззябшие моряки и их проводники усаживались в кружок около костра и, страдая от густого едкого дыма, кипятили чай. Этот ароматный горячий напиток был одним из приятных утешений полярных исследователей. Одна-две кружки чаю возвращали людям жизнерадостность и юмор, а когда пили по десятой или двенадцатой, веселье становилось всеобщим, смеялись над комическими и печальными приключениями членов экспедиции.

За чаем следовал ужин, состоявший из рыбного или мясного супа. Затем все укладывались спать, не сняв меховой одежды и предварительно переменяв сапоги и развесив сушиться шапки, рукавицы, носки. Постелью служили медвежьи шкуры, расстилавшиеся прямо на снегу. Ночью в костер дров не подкладывали, и он постепенно затухал. Температура к утру в палатке была очень низкой. Но люди, утомленные тяжелыми дневными переходами, спали богатырским сном под оленьими одеялами.

Утром разводили костер, умывались снегом и, позавтракав неизменным супом из общего братского котла, отправлялись в дальнейший путь к северу вдоль берегов острова. И так изо дня в день продвигался отряд Анжу по снежной равнине, унылую однообразность которой нарушали лишь кучи выкинутого морем леса и нагромождения торосов.

5 апреля 1821 года Анжу достиг 75°36' северной широты и, прекратив опись острова Котельного, решил отправиться на поиски земли, виденной Яковом Санниковым 10 лет назад.

Путь экспедиции лежал на северо-запад по льду океана и был более труден, чем дорога вдоль берегов острова. К морозам, ветрам и метелям прибавились новые препятствия — торосы, трещины, полыньи. Хаотические нагромождения мощных серых, голубоватых, белых, зеленоватых и прозрачных льдин встречались на каждой версте.

Моряков, оторванных на месяцы и годы от обжитых человеком мест, окружала суровая полярная природа, но трудности не пугали их. Каждый самоотверженно выполнял свой долг. Ни в бумагах Анжу, ни в записках его спутников — доктора Фигурина и штурмана Ильи Бережных — нет ни одной жалобы, ни тени уныния... Между тем трудности встают каждый час перед небольшим отрядом, пробирающимся по льду на северо-запад. Еще в виду острова Котельного путешественники пускали в дело пешни, чтобы проложить путь через торосы. Ломаются нарты. Рвутся упряжки, собаки разбегаются по окрестностям, и проводникам с большим трудом удается поймать их...

Проходит час, два, день. Впереди ничего не видно, кроме льдов. Но вот с вершины высокого тороса у самой черты горизонта путешественники различают контуры неведомого острова. Еще несколько часов пути, и экспедиция вступит на землю, виденную Санниковым.

Чем дальше на северо-запад продвигалась экспедиция, тем яснее вырисовываются контуры неведомой суши. Ошибки не может быть. Уже различаются не только горы, но даже отдельные скалы, причудливо окрашенные лучами солнца. Никто не сомневается, что на долю экспедиции выпало выдающееся открытие, и все дружно поздравляют друг друга с успехом.

Но вот прошел еще час, другой. Солнце переместилось по горизонту. И вместе с изменением освещения лежащий впереди остров стал увеличиваться, раздвигаться в стороны. Прошло еще немного времени, и экспедиция оказалась как бы в ложбине, зажатой со всех сторон горами. Но не было ни гор, ни неведомой земли. Путешественники оказались жертвой полярного миража. Впереди ничего не видно, кроме причудливых нагромождений ледяных гор.

7 апреля 1821 года Анжу достиг $76^{\circ}36'$ северной широты. Дальше ехать было опасно. Впереди виднелось облако тумана, по-видимому державшееся над открытой водой. Через некоторое время туман развеялся и «горизонт очистился, но предполагаемой земли не было видно».

В это время Петр Федорович находился в 70 верстах к северо-западу от острова Котельного, т. е. в том самом районе, где видел загадочную землю Яков Санников. Отряд повернул назад. Обратный путь был менее трудным, и на следующий день Анжу и его спутники ступили на твердую землю. Описав северный и часть

восточного берега острова Котельного, они переправились на собачьих упряжках на Фаддеевский остров.

12 апреля Петр Федорович встретился с отрядом Ильи Автономовича Бережных. У помощника начальника экспедиции дела шли хорошо. Успешно была проведена опись части берегов островов Фаддеевского и Котельного. Как только позволяла погода, он наблюдал за горизонтом, стараясь различить признаки земли на северо-востоке от острова Фаддеевского, которые видел Яков Санников и землемер Кожевин.

После непродолжительного отдыха экспедиция в полном составе отправилась на север для поисков неизвестных островов. Пройдя 12 верст, моряки встретили тонкий, недавно образовавшийся лед. Оставив нарты, Анжу пошел пешком, но, убедившись, что «лед не переставал быть тонким, возвратился» к основной части своей экспедиции. Эта неудача не смутила путешественника. Он решил отправиться на остров Новая Сибирь и оттуда предпринять поиски другой таинственной Земли Санникова. Пройдя по льду через пролив Благовещенский, Анжу и его спутники вышли к мысу Высокому. Но и здесь их ждала неудача. неподвижный, припаянный к берегу лед держался лишь на небольшом расстоянии, дальше виднелось открытое море с плавающими ледяными полями. Предпринимать поездки для поисков земли не имело смысла.

Чтобы не тратить времени даром, приступили к описи берегов Новой Сибири. Достигнув мыса Рябого на северо-восточной стороне острова и видя, что море в этом районе покрыто сплошным льдом, экспедиция предприняла еще одну попытку разыскать и открыть Землю Санникова.

Снова гряды торосов, морская соль на обнаженном ветрами льду. Нарты тащатся с трудом, словно по не покрытой снегом земле. Люди и собаки выбились из сил. Наплыл мокрый густой туман. Платье покрылось слоем льда. Издали доносился треск льдов, напоминавший пальбу из пушек... Дрова все израсходованы. Чтобы согреть чай, употребляют жерди для палатки. В эту ночь всем было не до сна. И моряки, и их проводники-якуты охвачены беспокойством. Лед колеблется под ногами и каждую минуту может расколоться на мелкие куски.

Пройдя к северо-востоку от Новой Сибири около 25 верст, Анжу отдает приказ повернуть обратно. «Близость талого моря, — писал он, — усталость собак, малое количество оставшегося у нас корма, позднее время для

езды на собаках и препятствие от впереди стоящих густых торосов — все сие заставило пуститься с сего места через Новую Сибирь в Усть-Янск».

Производя по пути опись части берегов Новой Сибири, Петр Федорович направился по льду к берегам Азии.

«Во время сего пути, — писал Анжу, — часть собак была в такой усталости, что принуждены были их возить на нартах».

8 мая 1821 года экспедиция вернулась в Усть-Янск. Здесь Анжу встретился с Санниковым, который «словесно изъяснял, что виденные им Земли видны бывают только летом и в расстоянии 90 верст, а зимой и осенью не видать». Анжу известил об этом Сперанского, о чем последний поставил в известность Траверсе, который через несколько дней, ссылаясь на мнение Адмиралтейств-коллегии, отметил, что дальнейшие поиски Земли Санникова бесполезны, так как этот промышленник «видел не землю, но туман, на землю похожий». Морской министр предлагал задачи экспедиции на 1822 год ограничить описью известных островов.

Однако другого мнения был сибирский губернатор М. М. Сперанский.

Экспедиция Анжу, как и экспедиция Врангеля, находилась в его подчинении и многим была ему обязана. Местные власти имели предписание Сперанского всячески содействовать путешественникам, и моряки действительно не имели недостатка ни в провизии, ни в транспортных средствах, ни в запасах корма для собак.

Губернатор, не отменяя приказа Адмиралтейского департамента о завершении описи Новосибирских островов, считал первейшей задачей работ 1822 года поиски таинственной суши в Ледовитом океане. Сперанский писал:

«Несмотря на предположение, что виденная мещанином Санниковым с северной стороны Котельного острова масса не есть земля, а густой туман, весьма желательно разрешить сей предмет с точностью: в том только и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а потому и надлежит не оставлять сего предприятия без крайних и непреодолимых препятствий... Я не могу определить, каким образом возможно будет достигнуть сей цели, то есть следованием ли на собаках весною по льду или, оставшись на лето на Котельном острове, пуститься туда в удобное время на байдаре...»

Осень и зиму Петр Федорович употребил на подготовку к предстоящим работам. Моряки хорошо перенесли полярную ночь и вторую зимовку в Арктике. Все были здоровы и жизнерадостны. С наступлением светлого времени Анжу поручил штурманскому помощнику Ильину произвести опись побережья Северного Ледовитого океана между реками Яной и Оленёк. Основная часть экспедиции отправлялась на Новосибирские острова и дальше, к северу от них, на поиски неведомых земель.

28 февраля Анжу, Бережных и Фигурин покинули Усть-Янск. У экспедиции на этот раз было 156 собак, запряженных в 12 нарт. Запасы продовольствия и корма были взяты на два месяца.

Снова начались странствования по льду с торосами и трещинами. 10 марта достигли острова Большого (Ближнего) Ляховского и, разделившись на две группы, приступили к описи его берегов. Несколько дней трудились путешественники, нанося на карту бухты, заливы, мысы, возвышенности и астрономически определяя их местоположение. Они посещали зимовья промышленников, которые ежегодно охотились в этих местах на песца и собирали кости мамонта. Затем оба отряда перебрались на Малый Ляховский остров и тщательно исследовали его.

17 марта Анжу отправил своего неутомимого помощника Илью Бережных обратно в Усть-Янск, поручив ему произвести опись Быковской протоки и устья реки Лены. Сам Петр Федорович в сопровождении нескольких моряков и якутов отправился к острову Фаддеевскому. По пути он пересек низменную песчаную равнину, где заметил возвышавшийся островок. Это была центральная часть нынешней Земли Бунге, которую Анжу очень близко к действительности нанес пунктиром на карту...

Находясь вблизи мыса Бережных на острове Фаддеевском, Петр Федорович заметил к северо-западу от него «синеву, совершенно подобную виденной отдаленной земле; туда же был виден и олений след».

И моряки, и сопровождавшие их якуты обрадовались: быть может, через несколько дней им удастся ступить на загадочную землю...

Был уже поздний вечер. Спускались сумерки. Ехать вперед по льду было уже рискованно и бессмысленно. Рано утром, выйдя из палатки, Анжу и его спутники убедились, что синева держалась на прежнем месте...

Вскоре собачьи упряжки весело полетели на север, придерживаясь цепочки оленьих следов. Лед был гладкий, без торосов и застругов. Ни вынужденных остановок, ни задержек. Все шло прекрасно. Заманчивая синева приближалась. Обозначились ее контуры, напоминавшие собой очертания острова. Собаки дружно неслись вперед, словно предчувствуя, что впереди их спутников ждет важное открытие. Вот уже 15 верст осталось позади. Анжу поднялся на вершину старого, сглаженного временем тороса — и на месте таинственной синевы ясно различил в зрительную трубу огромное нагромождение льдов. Исчезли и оленьи следы. Олени, по-видимому полакомившись рассолом морской воды из проходившей поблизости трещины, повернули назад, к острову Фаддеевскому. Проехав еще несколько километров, Петр Федорович убедился, что он опять ошибся. Земля Санникова — Геденштрота продолжала оставаться загадкой.

Путешественники измерили глубину моря, оказавшуюся равной 21 метру, взяли пробу грунта и повернули на запад. Вскоре они снова увидели остров. Но он лежал не к северу, где надлежало быть, по утверждениям Санникова, виденной им суше, а прямо по курсу. Это был не мираж. Можно было различить его восточный берег, метров на двадцать возвышающийся над ледяной равниной. Не прошло и часа, как Анжу со своими спутниками ступил на землю, еще не нанесенную ни на одну карту. Островок имел вид трапеции. Длина его по самой большой, северной стороне составляла около четырех верст. На его берегах, исхоженных белыми медведями, испещренными цветами куропаточьих следов, то там, то здесь возвышались выброшенные морем груды плавничного леса.

Вскоре запылал огромный костер. Путешественники в честь открытия выпили по порции рома и, согревшись чаем, приступили к описи открытой ими суши, которой было присвоено имя врача экспедиции, неутомимого пытливого исследователя-натуралиста Алексея Евдокимовича Фигурина.

Едва закончили обследование острова, как налетел ветер. Началась метель при морозе свыше 20°. Пришлось укрыться в палатке, но и она плохо защищала. Снег проникал внутрь через дымовое отверстие, через дверь, которой служила оленья шкура, через швы и малейшие щели между льдом и палаткой. Костер горел плохо. Ветер задувал дым назад, в палатку. Саднило

глаза. Закоченели ноги и руки. Утешением был только немного согревавший горячий чай. Но не проходило и получаса, как холод снова проникал под меховую одежду, леденил спину, начинали ныть суставы...

Наконец в ночь на 25 марта ветер стих, и путешественники увидели синее небо, звезды и луну, свет которой придавал что-то сказочное и берегам острова, и видневшимся вдали нагромождениям льдов. Прозрачная даль, искрившаяся мириадами снежинок, звала дальше на север, к еще не открытым землям. И, словно подчиняясь этому зову пустыни ледяного безмолвия, Анжу рано утром поднял своих спутников. Снова собачьи упряжки помчались на северо-запад, где видел землю Яков Санников. Несколько дней исследователи странствовали по припайному льду. Достигнув его северного края, они направились на запад. С высоты торосов справа виднелось открытое море, под ногами был тонкий, всего лишь в несколько сантиметров лед, иногда на целые километры покрытый рассолом. Езда по такому льду очень тяжела для собак: рассол съедает лед на полозьях нарт, которые обычно обливают водой перед поездкой, чтобы они лучше скользили. Моряки и сопровождавшие их нартовики-якуты шли пешком.

Ночью громовой треск разламывающихся полей мешал отдыхать. Было заметно, как колебался лед под ногами; иногда совсем рядом проходили опасные трещины.

Положение становилось все серьезнее. Ветер всякую минуту мог взломать покрытый сетью трещин лед. Как тщательно ни осматривал Анжу горизонт на севере и северо-западе, признаков Северной Земли не открывалось. Продолжать поиски у границы неподвижного припайного льда было опасно, и Петр Федорович, с горечью убедившись в безрезультатности своих усилий, решил повернуть к острову Котельному.

В конце марта экспедиция перебралась на остров Фаддеевский и занялась обследованием западного и южного берегов, которые в прошлом году остались неописанными.

Однажды, когда Петр Федорович производил астрономические вычисления, отдохавшие собаки подняли лай. Выбежав из палатки, он увидел большую белую медведицу с двумя маленькими медвежатами. Пока медведица отбивалась от наседавших на нее собак, подоспели охотники. Вскоре путешественники жарили на костре свежую медвежатину, показавшуюся им лаком-

ством после долгой однообразной пищи, состоявшей в основном из сухарей и рыбного супа...

С 4 по 8 апреля Анжу со своими спутниками работал на острове Новая Сибирь, описывая его берега между мысами Песцовым и Рожиным. Стояли солнечные дни. Температура днем была около 5° мороза. В местах, защищенных от ветра, на солнце таял снег, из-под которого местами уже выглядывала глина. Когда подошли к Деревянным горам на южном берегу острова, то оказалось, что они почти совсем свободны от снега. Исследователи хорошо могли рассмотреть холмы со слоями многочисленных потемневших от времени стволов деревьев.

Закончив работы на Новой Сибири, Петр Федорович решил предпринять еще одну поездку по льду, на этот раз для поисков земли, которую Яков Санников и Геденштром видели на северо-востоке от этого острова.

Чувствовалось приближение весны. Ехать днем было трудно: снег был влажный, глубокий и рыхлый. Продвигались вперед ночами, скорее похожими на сумерки. Держал наст. Лед был очень восторошен, и через его нагромождения прорубались с помощью пешен и топоров. Среди осеннего двухметрового льда встречались полосы недавно образовавшихся ледяных полей, говоривших о том, что море в этих местах недавно замерзло...

Открытая вода была где-то недалеко. Ветер приносил с ее стороны сырой туман, пронизывавший одежду влагой и ухудшавший видимость. Часто раздавался треск ломающихся где-то в стороне льдов; по пути встречались трещины. Погода испортилась. Облака закрыли небо, и определить не было никакой возможности. Видимый горизонт сузился до нескольких километров. Торосы возникали одни за другими. Люди и собаки выбивались из сил. Продовольствие и корм приходили к концу, а Северной Земли, усмотренной Санниковым и Геденштромом, не было видно. Чтобы не ставить экспедицию в трудное положение, Анжу решил повернуть на юг. В конце апреля путешественники ступили на сибирский берег, а через несколько дней судьба свела их с Врангелем, который писал об этом в своем дневнике:

«4 мая приехали мы в Походск, где нас встретил друг и сослуживец лейтенант Анжу. Он прибыл сюда со своей экспедицией с Новой Сибири, чтобы через Нижнеколымск возвратиться на Яну берегом. Неожиданное свидание в отдаленных ледяных пустынях доставило нам великую радость. Она была, однако ж, омрачена видом

бедствий и недостатков, нас окружавших. Шесть тунгусских семейств, умирая с голода, оставили свои места и, напрягая последние силы, пришли в Походск в надежде найти здесь какую-нибудь помощь... Мы разделили весь остаток нашей провизии между несчастными и утешались мыслью, что спасли хоть немногих от голодной смерти».

Вместе с Врангелем Анжу выехал в Нижнеколымск. Полярная весна света сменялась весной воды. Добраться до Усть-Янска в распутицу было почти невозможно. Петр Федорович остался в Нижнеколымске и прожил в обществе своего друга до установления летнего пути. Как только установился путь, село опустело. Все жители отправились на промыслы. Остался лишь казак-инвалид да старуха-мещанка, встретившая путешественников великолепным угощением, которое изгладило из памяти «воспоминания о понесенных трудах и лишениях».

Вскоре на Колыме начался ледоход, и внешняя вода вышла из берегов. Морякам, не успевшим еще прийти в себя от тягот недавнего путешествия, пришлось выбраться из уютной просторной избы и расположиться со всеми собаками, вещами и припасами на ее плоской кровле. «Здесь, — вспоминал Врангель, — как будто на уединенной скале среди океана, ожидали мы, единственные живые существа в местечке, окончания наводнения, приблизив к себе карбас и ялик, с тем чтобы в случае большой опасности спастись на Пантелеевскую сопку, и при самой высокой воде составляющую безопасное убежище. Жители перед отъездом на летние промыслы обыкновенно выставляют все свое движимое имущество на крыши, и теперь все они были завалены ящиками, бочонками...»

22 июля 1822 года, сердечно простившись со своим другом, Анжу выехал на лошадях из Нижнеколымска в Усть-Янск. Вскоре туда прибыли Илья Бережных и штурманский помощник Петр Ильин, производившие опись побережья Северного Ледовитого океана от Яны до реки Оленёк, обследовавшие бухту Тикси и устье Лены. Осенью они продолжили опись Лены до селения Жиганск и нанесли на карту устье Индигирки.

Между тем Петр Федорович готовился к новому путешествию в Северный Ледовитый океан. Еще по приезде в Нижнеколымск он отправил донесение генерал-губернатору М. М. Сперанскому о результатах своих работ в 1822 году. Одновременно он писал, что отыскать

Северную Землю, пытаясь достичь ее по льду на нартах, невозможно, поскольку на расстоянии 20—40 километров от Новосибирских островов он и его предшественники, как правило, встречали битый лед и открытую воду. Анжу предлагал использовать для поисков таинственной суши большую шлюпку. Однако генерал-губернатор нашел такое предложение рискованным. В своем письме морскому министру он убеждал ограничить задачи экспедиции на 1823 год описью острова Белкова и осмотром прилегающего к нему района моря, а поисков новых земель к северу от островов Котельного и Фаддеевского больше не производить. Предложение Сперанского было принято и сообщено Петру Федоровичу.

10 февраля 1823 года Анжу в сопровождении доктора Фигурина на четырех нартах выехал из Усть-Янска к Быковскому мысу в устье Лены, где был заготовлен корм для собак экспедиции (на Яне в том году рыба очень плохо ловилась). Захватив с собой около 1750 вяленых и сырых муксунов и стерлядей и 10 пудов дров, экспедиция вышла на морской лед и направилась на Север. Встретив в 100 верстах от берега свежую трещину во льду, измерили глубину, оказавшуюся равной пяти метрам. То по гладкому льду, то через гряды торосов экспедиция прошла еще на 40 верст по прежнему курсу. Дальше лед был очень тонкий, и путешественники повернули на восток. По пути попадались многочисленные следы белых медведей. По-видимому, они бродили у границы тонкого льда, рассчитывая подкараулить нерп у их лунок. Изредка можно было видеть следы медвежьего пира. Выудив лапой нерпу из лунки, они отбрасывали ее в сторону и немедленно съедали. Рядом обычно виднелись следы песцов, которые, несмотря на проворство белых медведей, ухитрялись красть у них мясо.

Вскоре на горизонте ясно обозначились острова Васильевский и Семеновский, незадолго перед тем открытые якутом Максимом Ляховым, но еще не нанесенные на карту. В течение 2—4 марта Анжу занимался их описью¹. Потом он снова направился к северу по морскому льду, тщательно осматривая окрестности, но никаких признаков новых, еще не известных земель обнаружено не было. Подойдя к границе неподвижных

¹ Острова Семеновский и Васильевский, состоявшие из ископаемого льда, прикрытого сверху слоем почвы, постепенно разрушались и недавно были совсем поглощены океаном. На их месте остались мелководные банки.

припайных льдов, экспедиция повернула на юг, к острову Бельковскому. 13 марта путешественники переночевали под защитой его утесистых берегов, а затем занялись их исследованием.

Три года жизни и работ в тяжелых условиях Арктики, далекие поездки по тундре и морскому льду, когда Петр Федорович месяцами не мог обогреться, обсушиться и выспаться, тяжело сказались на здоровье... У Анжу развивался ревматизм. Суставы рук и ног непрестанно ныли, порой боль становилась невыносимо острой. Трудно было идти по снегу вслед за нартами. Неприятные ощущения появились в левой части груди. По-видимому, было что-то неладно и с сердцем. Петр Федорович старался не придавать этому значения, однако болезнь заявляла о себе все более настойчиво. Но ни на одно мгновение у него не появилось мысли о прекращении работ. Только в тот день, когда был полностью положен на карту остров Бельковский и обследован район моря к западу от Новосибирского архипелага, Анжу отдал приказ направиться в становище Дурнова на острове Котельном. Сюда должны были якутские промышленники привезти корм для собак. Но никого не было в условленном месте. Обоз с грузами почему-то не прибыл.

«И это, — писал Анжу, — привело нас в весьма неприятное положение, ибо мы должны были скормить сегодня собакам последние крохи, так что на завтра ничего не осталось».

На следующий день путешественники продолжали идти на юг. Но обоза якутов не было видно. Положение становилось серьезным. Экспедиция осталась без корма для собак, с жалкими запасами продовольствия за сотни верст до мест, где можно встретить людей и получить помощь.

И еще один день, 17 марта, экспедиция шла на юг. Головные собаки еще тащили почти пустые нарты, а исследователи с трудом брели вслед за ними по снегу... Вдруг острые глаза Петра Федоровича заметили какое-то темное пятнышко среди бесконечной белой равнины. Быть может, навстречу шел обоз. Затеплилась надежда. Но прошло еще немного времени, и моряки убедились, что темное пятно не движется.

Это было становище Егорова.

В оставленном на зиму жилище промышленников экспедиция могла найти десяток фунтов муки и несколько рыб. А что дальше?

Собаки, по-видимому почувствовав близость челове-

ческого жилья, приободрились и веселее побежали вперед. Чтобы не отстать от них, Петр Федорович присел на нарты. Собаки продолжали набирать скорость. Впереди донесся новый звук, похожий на лай. Что это? Но прежде чем Анжу успел ответить на этот вопрос, из избы появились темные силуэты и в воздухе громко прозвучал выстрел. Это были якуты, которые везли продовольственные запасы для экспедиции.

Встреча была трогательной и радостной. И якуты и моряки были счастливы, что нашли друг друга в безбрежной ледяной пустыне. Оказалось, что обоз был задержан на целую неделю выюгой на острове Столбовом.

После непродолжительного отдыха Анжу и его спутники направились к берегам Азии. Через 10 дней они были в знакомом Усть-Янске, который, несмотря на убогость изб и юрт, казался им милым и уютным селеньцем.

Работы по экспедиции были закончены. Расчеты по делам экспедиции задержали Петра Федоровича в Усть-Янске до осени. Как только установился зимний путь, он выехал на лошадях в Якутск, где предстояло закончить все финансовые дела экспедиции. Благодаря неустанным трудам Анжу и его самоотверженных спутников — Ильи Автономовича Бережных, Петра Ивановича Ильина, Алексея Евдокимовича Фигурина, матроса Игнашева, слесаря Воронкова и нескольких якутов, имена которых остались нам неизвестными, на карту России было достоверно положено северное побережье Азии от реки Оленёк до Индигирки, обследована Лена на значительном протяжении, произведена опиравшаяся на многочисленные астрономические пункты опись Семеновского, Васильевского, Бельковского, Котельного, Фаддеевского, Большого и Малого Ляховских островов, а также островов Новой Сибири и Земли Бунге, которая на карте Анжу показана по своим очертаниям близкой к современным и называется просто песком. Моряки обследовали десятки заливов, бухт, мысов, устьев рек, мелких островов, исправили многие неточности прежних карт и предприняли изумительные по своей смелости и трудности санные поездки по льду для поисков новых земель к северу от Новосибирских островов.

Во время этих поездок Анжу выяснил границу наибольшего распространения неподвижных припайных льдов, установил, что за ней находится полынья, и «выявил переменное течение моря, которое признал за

прилив и отлив». Это был новый и чрезвычайно важный вывод, свидетельствовавший о том, что море к северу от Новосибирских островов не ограничено исполинской землей, так как именно в отсутствии приливов и отливов вблизи Колымы Сарычев видел одно из доказательств существования на Севере «матерой земли».

Фигурин дал описание берега Северного Ледовитого океана на пространстве между устьями Оленёка и Индигирки. Он отмечал, что «горы, лежащие по западную сторону Лены, изобилуют железняком, каменным углем, кварцем и частью гипсом», что нашло впоследствии подтверждение в открытии крупных месторождений полезных ископаемых. Один из разделов «Замечаний» был посвящен «климату и погоде», к нему были приложены материалы метеорологических наблюдений, выполненных экспедицией в Усть-Янске. Эти наблюдения сохраняют до сих пор большую научную ценность. Они чрезвычайно необходимы современным климатологам для познания изменений климата за минувшие 150 лет.

В 1825 году Адмиралтейским департаментом была опубликована карта северных полярных стран — от полюса до 60° северной широты — «с положением вновь описанных земель российскими морскими офицерами Литке, Врангелем, Анжу, Васильевым, Коцебу, Хромченко, Ивановым»; земли Санникова на них отсутствовали. Это отнюдь не означало, что Анжу категорически отверг существование загадочных островов. Он не видел ни Северной «матерой земли», ни одной из земель Санникова, не нашел и их признаков, хотя дважды ему казалось, что он обнаружил эти острова. Однако потом выяснилось, что он принимал за них исполинские нагромождения льдов.

Исследования Анжу, как и исследования Ф. П. Врангеля, не получили справедливой оценки со стороны Морского министерства. По мнению Адмиралтейского департамента, Янская экспедиция не выполнила главной задачи, а именно не имела успеха в поисках северных земель. Однако выдающиеся ученые, и в их числе Гумбольдт, видели в «знаменитых работах капитанов Врангеля и Анжу» выдающиеся достижения в изучении земного магнетизма, климата, полярных сияний, льдов, вод, растительного и животного мира, составляющие одно из блестящих событий в истории науки.

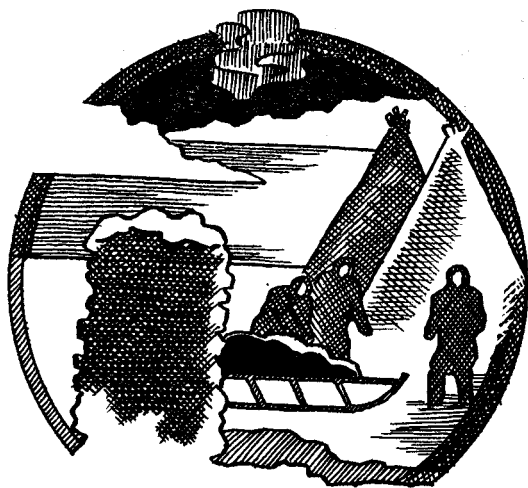
«Анжу и Врангель сослужили важную службу исследованию полярных стран, — отмечает выдающийся путешественник и мореплаватель А. Э. Норденшельд, —

выяснив, что море даже вблизи полюса холода не покрыто крепким и сплошным ледяным покровом даже в то время года, когда холод достигает максимума».

Астрономические наблюдения Петра Федоровича, как и его друга Врангеля, отличались большой точностью. Материалы их геодезических и астрономических работ были переданы на «мнение» академику Ф. И. Шуберту, высоко оценившему их. Он писал: «...наблюдения сих двух путешественников столь верны, сколько можно сделать оные таковыми с помощью подобных инструментов. Они не упускали ни одной предосторожности, ни одной поправки... Я сделал строгие вычисления многих наблюдений и не открыл никакой важной погрешности, почти всегда находя секунда в секунду широту и долготу.

Вообще я думаю, что нельзя довольно приписать похвал и удивляться ревности, деятельности, старанию, искусству и познаниям сих двух офицеров; и тем охотнее отдадут им сию справедливость, что путешествие их есть самое трудное и с которым, относительно трудов и опасностей, никакое путешествие сравнено быть не может».

«Большой материк утрачен»

Как же развивались поиски Колымской экспедиции? Как известно, в начале августа 1820 года Врангель остался в Якутске вместе с Козьминым. Матюшкина он отправил в Нижнеколымск, поручив ему подготовить астрономическую обсерваторию и по мере сил заняться закупкой собак и корма для них, сам же взялся за изучение истории Якутска. Мыслями его владела земля к северу от мыса Шелагского.

«Ты, — писал Врангель своему другу Федору Петровичу Литке, — примечаешь, любезнейший, что я не в спокойном расположении духа. Точно так! Мне бы хотелось теперь полететь в Колымск, собрать всех живущих казаков, мещан, купцов и уговорить их ласковыми угрозами доставить мне 41 тысячу сельдей, 34 нарты и 408 собак. Потом хотел, чтобы содеялся март месяц и, предводительствуя 33 нартами, пустился бы к Баранову Камню, закопал бы часть собачьего корму и, отпустив бы порожние нарты, ушел бы на Песчаный мыс и потом до берега, который осмотрел, правил бы оттоле по курсу или вдоль берега до севернейшего его конца и т. д. Таковы мои желания».

12 сентября Врангель покинул Якутск. Путешествовать приходилось на вьючных лошадях и ночевать на «почтовых станциях», где вместе с людьми находились домашние животные. Чаще всего Врангель спал в лесу

у костра на медвежьей шкуре под толстым меховым одеялом. Он скоро привык к неудобствам, и 20-градусные морозы казались ему «мягкою температурою».

17 сентября при переправе через реку Алдан плоскодонное деревянное судно, на котором вместе с путешественниками находились инструменты, вещи и лошади, начало наполняться водой. Течь увеличивалась, судно погружалось все глубже. Врангелю казалось, что здесь, в шести днях езды от Якутска, бесславно закончится его участие в поисках Северной «матерой земли». Еще минута-другая — и утонут приборы, книги, припасы и лошади. О собственном спасении он не помышлял, как не думали об этом и его спутники. Вдруг они заметили небольшой остров и благополучно добрались до него. Пазы судна проконопачили мхом, замазали их глиной и откачали воду. Остальную половину Алдана пересекли довольно успешно.

Дальнейший путь Врангеля лежал через болота и леса, сквозь заросли ив и осин, через завалы бурелома и стремительные реки.

2 ноября 1820 года Врангель прибыл в Нижнеколымск, который почти два века назад основал Михаил Стадухин.

«По приезде моем в Нижнеколымск, — писал Врангель, — отвели мне квартиру в самом большом доме, стоявшем уже несколько лет пустым и слывшим убежищем нечистых духов. Изба была выстроена по общему образцу здешних строений и состояла из двух комнат, каждая в две квадратные сажени и в 4 арш. вышины от пола до крыши, совершенно плоской и покрытой землею. Первая комната, с русскою печью, служила кухней; в ней поместил я людей моих; в задней, с чувалом, расположился сам. В обеих комнатах находилось по одному маленькому окну, заделанному слоем льда в 6 или 8 дюймов толщины, сквозь который проникал тусклый свет, подобный тому, какой дают стекла на судах, вделанные в палубу над каютами. Скамья, служившая кроватью, шаткий стол и стул, связанный ремнями, составляли всю мою мебель».

Спустя полчаса после приезда Врангеля вернулся Матюшкин, который ездил к устью Колымы закупать у местных жителей рыбу на корм собакам. Нижнеколымские власти, которым из Якутска было предписано построить зимовье у Баранова Камня и запасти несколько сот пудов рыбы, ничего не сделали, поставив тем самым экспедицию в весьма трудное, почти безвыходное

положение. Еще хуже обстояло дело с постройкой импровизированной обсерватории, ибо, по словам Врангеля, «ни готового леса, ни плотников не было», и только благодаря стараниям Матюшкина приступили к постройке обсерватории. Несмотря на сильные морозы, доходившие до 35°, ее постройка вскоре была завершена, и «полезное употребление астрономических инструментов экспедиции сделалось возможным».

Для того чтобы выполнить опись северных берегов Сибири от Колымы до мыса Шелагского и предпринять к северу от него поиски «матерой земли», по подсчетам Врангеля, требовалось около 50 нарт, 600 собак и 30 тысяч рыб. Врангелю и Матюшкину удалось запастись почти всем необходимым для обеспечения деятельности экспедиции. Особенно большую помощь оказал сотник Антон Татаринев. Он участвовал в экспедиции Геденштрома, слыл отличным знатоком собак, великолепно знал сибирские берега и полярные льды и был незаменим для Врангеля, с которым участвовал во всех санных поездках. Большую поддержку путешественникам оказал купец Ф. В. Бережной. Он отдал экспедиции 2500 рыб, отказавшись от платы и объявив, что доставит собачий корм из Среднеколымска на своих лошадях.

В начале февраля 1821 года Врангелю стало известно, что большая часть закупленных собак и нарт может быть доставлена в Нижнеколымск лишь в середине марта. Инструкцией ему предписывалось исследовать берег Ледовитого моря от Колымы до Шелагского мыса. Здесь он должен был отрядить Козьмина для продолжения описи к востоку, а сам отправиться по льду к северу, к пространной обитаемой земле, и обследовать ее в течение весны, а если потребуется, то и лета. Не располагая средствами, необходимыми для выполнения этой грандиозной задачи, Врангель изменил план действий. Не дожидаясь доставки нарт из Средне- и Верхнеколымска, он решил составить небольшой отряд и предпринять путешествие до мыса Шелагского, «коего положение было весьма мрачно».

Врангель сообщил М. М. Сперанскому, что находится «в состоянии приступить сего же года к определению Шелагского мыса и к отысканию Северной Земли». Отправляясь с небольшим отрядом на Чукотку, Врангель считал, что малое число доброжелательных путешественников встретит гораздо лучший прием и будет в большей безопасности, чем значительная военная сила.

19 февраля 1821 года Врангель выехал из Нижнеко-

лымска на трех путевых и пяти завозных («провиантских») нартах. Он имел намерение осмотреть берег океана от Большого Баранова Камня до мыса Шелагского, к северу от которого, по утверждению Сарычева, находилась обитаемая «матерая земля», а по мнению Бурнея, располагался перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

На третий день Врангель в сумерках добрался до местечка Сухарного, лежавшего в устье восточного рукава Колымы и состоявшего из двух сараев, или балаганов. В одном из них путешественников ждали промышленники, ранее высланные Врангелем. В сарае, напоминавшем снежную пещеру, горел огонь и был готов ужин. Хотя жилище было заполнено густым дымом, путешественники считали, что эту ночь провели хорошо. Дальше им кровом должна была служить палатка из оленьих шкур. Первоначально путь лежал через места, где путешествовали Биллингс и Сарычев. Врангель сравнил собственные географические определения с наблюдениями своих предшественников и был очень доволен, что они «совершенно согласовались», убеждая путешественников «в достаточности и надежности принятых ими правил измерения» (имелась небольшая разница лишь в определении широт).

24 февраля экспедиция оставила позади Большой Баранов Камень. Дальше лежали места, которые были известны только по сообщениям Никиты Шалаурова. Каждый мыс, каждый утес, каждый изгиб берега надо было исследовать с особенной тщательностью.

В ночь с 26 на 27 марта при 30-градусном морозе разыгралась сильная метель. Холод в палатке сделался невыносимым. Особенно страдал от холода штурман Козьмин. Сняв сапоги, он обнаружил, что шерстяные чулки покрылись ледяным слоем и примерзли к коже. Пришлось осторожно снять их и оттереть ноги водкой. От холодов и ветра страдали не только люди, но и собаки, выносливость которых во многом способствовала успеху экспедиции. Проводники натянули животным на лапы меховые чулки — торбаса.

На следующий день прошли всего лишь 26 верст и остановились на привал вблизи устья реки Большой Баранихи. К северу простиралось скованное льдом море. У самого горизонта параллельно берегу виднелась непрерывная гряда возвышенностей. То были хаотические нагромождения льдин, иногда достигавшие высоты современного десятиэтажного дома. Ночью Врангель зани-

мался астрономическими наблюдениями, надеясь определить истинное время, но его ждала неудача — искусственный ртутный горизонт оказался в полузамерзшем состоянии. Поверхность его покрылась кристаллами, и Врангелю пришлось прекратить наблюдения.

«Несмотря на то, — писал Врангель, — мало-помалу достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюдения при 30° мороза и ночью при тусклом свете маленького ручного фонаря с достаточной точностью сосчитывали на дуге секстанта градусы, минуты и секунды. На хронометры также простерлось влияние холода: они сами собой остановились. Опасаясь этого, носил я их днем при себе, а на ночь прятал в обернутый несколькими шкурами ящик, который с собою клал под одеяло. Несмотря на все мои предосторожности, вероятно, ночью, когда огонь потух в нашей палатке, холод, проникнув через все обертки, заморозил масло, между колесами находившееся, и остановил их движение».

1 марта путешественники достигли острова Сабадей (Айон) в Чаунской губе. Здесь они обнаружили следы недавней стоянки чукчей. Проводники советовали Врангелю вернуться в Нижнеколымск. Но он лишь отослал завозные нарты, провизию с которых сгрузили в продовольственное депо (четвертое по счету). На следующий день Козьмин объявил, что видит землю. Путешественники поднялись на береговой утес и с его высоты в телескоп различили огромную полыню, а за ней гряды торосов. Ночью Врангель наблюдал изумительной красоты полярное сияние, которое переливалось исполинскими огненными полосами над застывшим морем. Как и предписывалось инструкцией, он наблюдал за колебаниями магнитной стрелки компаса, но не заметил каких-либо изменений в ее положении.

3 марта путешественники провели на льду Чаунской губы, дав возможность отдохнуть измученным дальней и трудной дорогой собакам. Дрова кончались. Их хватило лишь согреть чай и сварить суп. Врангель, Козьмин и три казака едва не замерзли. Кругом были льды, торосы, и никто не мог сказать, сколько верст отделяет их от цели. И вдруг вечером путешественники увидели на востоке очертания невысоких куполообразных гор, которые отражались в зеркальной поверхности огромной полыни. То был мыс Шелагский. Казалось, он находился от места стоянки на расстоянии одного дневного перехода.

«На другое утро при солнечном свете, — писал Вран-

гель в «Дневнике», — превратилась вода в гладкий лед; когда подъехали к сей полосе, то, к великому удивлению нашему, не нашли ни воды, ни ровного льда, а одни ужасные торосы, из крупных и мелких льдин синеватого цвета составленные, образовали почти непроходимый вал от 15 до 20 сажен вышиною и обледали вокруг всего мыса. Странное преломление лучей в густой атмосфере причинил сей феномен, так нас обманувший, что мы немало заботились о переправе чрез предполагаемую полынью. Вероятно, что усмотренная нами широкая полынья марта 2-го была также полоса высоких бес-снежных торосов.

На примкнувших к мысу кругообразных горах и в ложбинах усмотрели некоторые из нас высокий стоячий лес, а боязливое воображение других превращало мнимые деревья в чукоцкие юрты; в самом же деле было это множество кекуров, подобных стоящим на Барановом Камне и описанных в путешествии капитана Сарычева».

5 марта крепкий юго-восточный ветер принес теплую погоду. Термометр поднялся с -40° до -3° . Зато путь до Шелагского мыса превзошел все ранее испытанные трудности и опасности.

«В 3 часа проехали не более 9 верст, — писал Врангель, — каждый шаг вперед угрожал нам опасностью изломать нарты и переломать ноги у собак, кои спотыкались и проваливались между острыми льдинами; не могу представить вернее положение наше, как сравнивая нарту, огибающую по торосам Шелагской мыс, со шлюпкою, бросаемою волнением мыса Горн. Переехав торосы на другую их сторону, спустились на довольно ровный лед, покрытый морскою солью в таком множестве, что мы должны были пособлять собакам тащить нарту по оной, и ежели торосы сравнить с большим волнением, то сия соль для нарты то, что противный шторм мореходцу. Мы и наши собаки измучились так, что решились было остаться здесь и провести другую ночь без дров, ибо наносного лесу по подошвам гор не находили, заметив, однако, вдавшийся губою низменный берег позади близ нас находившегося отруба, попытались стащить до того места, где, к великой радости, нашли несколько бревен».

Итак, Врангель достиг цели своего первого путешествия и определил координаты мыса Шелагского. Несмотря на скудные запасы продовольствия и корма для собак, он предпринял попытку определить направление берега на восток от мыса Шелагского. Врангель прошел

до скалистого мыса, который назвал именем своего спутника — штурмана Козьмина. Убедившись в том, что берег принимает юго-восточное направление, путешественники из-за недостатка корма прекратили опись.

7 марта экспедиция отправилась в обратный путь, производя по пути опись восточных берегов Чаунской губы. Путешественники открыли мыс, который назвали именем Матюшкина, и небольшой остров Роутан (Араутан). На обратном пути они пережили тяжелый голод: три из четырех продовольственных складов были разорены песцами и росомахами. Несколько дней путешественники ничего не ели. Едва живыми Врангель, Козьмин и три сопровождавших их казака добрались до Нижнеколымска, пройдя за 23 дня 1122 версты.

«Не могу тебя,— писал Врангель Литке,— занять описанием любопытных происшествий, красот природы и подобными предметами, придающими обыкновенно столь много занимательности путешествиям по неизвестным странам, не столь единообразным, не столь суровым и диким, как сибирские берега Ледовитого моря: отрубистые скалы чередуются здесь с низменным, во льдах моря теряющимся берегом; глубокий снег покрывает всю землю, ледяные горы ограничивают северный горизонт; мохнатый житель льдистого Севера, белый медведь, выходит угрюмо из своей норы и не находит добычи, укрывается паки в оную — и северным сиянием освещаются ночью хладные сии предметы, путешественника окружающие. Но, следуя со мной по тем местам, может быть, объяснятся тебе некоторые темные рассказы о плаваниях сибирских казаков, по сему морю еще в 17-м столетии ходивших, и, как любитель географии, порадуешься со мною, что некоторые важные погрешности в прежних картах исправятся и что гипотеза английского капитана Бурнея о соединении Америки с Азией отчасти опровергнута».

В Нижнеколымске Врангель застал доктора Кибера, которому предстояло заниматься естественнонаучными исследованиями.

20 марта возвратился Матюшкин, ездивший в село Островное, где во время ярмарки встретился с чукотскими старейшинами. Однако все они, приняв подарки, молчали. Лишь один Валетка нарисовал на снегу к северо-востоку от мыса Шелагского остров и сообщил, что он «горист, обитаем и должен быть весьма велик и куда ежегодно они отправляются на кожаных байдарах для торгу». Матюшкин думал, что Валетка имеет в виду

берега Америки. Но после ярмарки, расспрашивая толмача Мордовского, «узнал, что последнее обстоятельство он сам от себя прибавил» (вероятно, о торговле чукчей с жителями гористой земли). Матюшкин остался «в недоумении, какая это земля, и токмо уже впоследствии объявилось, что чукча этим островом означал не противоположный берег Америки, а землю, видимую на север от Якана».

Старейшины пригласили путешественников посетить их родину.

25 марта Врангель направился к устью Колымы, где в становище Сухарном ждал его Матюшкин. Штурмана Козьмина он оставил в Нижнеколымске, поручив составление карт путешествия к Шелагскому мысу. Нарушая инструкцию, полученную от Морского ведомства, Врангель начал поиски Северного материка не в районе Шелагского мыса, а севернее устья Колымы. Выйдя 27 марта в путь, через день достигли Четырехстолбового острова. 31 марта экспедиция направилась дальше на север. Выйдя из района торосов на ровный лед, путешественники обнаружили, что он покрыт слоем твердых и острых кристаллов соли, по которому нарты тащились, как по песку. Моряки и проводники шли пешком, щадя уставших собак. Затем окрестности окутал туман, и на льду появилась вода. Врангель увидел в этом признаки близости «открытого моря».

1 апреля экспедиция пересекла 71-ю параллель и не обнаружила Северной Земли. Лишь на северо-западе виднелось синее облако тумана, который, как утверждали проводники, свидетельствовал о близости открытой воды.

На следующий день, едва оставив место ночлега, путешественники попали в гряды больших торосов, через которые с трудом удавалось перетаскать тяжело нагруженные нарты. На ровном льду по-прежнему попадались в огромном количестве кристаллы соли. Порой путь был настолько тяжел, что приходилось перетаскивать упряжки. Встретив тюленью лунку, Врангель измерил толщину льда. Она составляла около 40 сантиметров. Надежность льда вызывала опасения, но путешественники продолжали идти на Север, то карабкаясь через торосы, то увязая в рыхлом глубоком снегу. Вечером экспедиция находилась на 71°1' северной широты.

Ночи были похожи на день. Между сумерками и рассветом, по словам Врангеля, почти не было разницы. Он решил двигаться дальше ночами, когда снег

лучше держал нарты и солнце не столь сильно слепило глаза.

3 апреля Врангель отправил три нарты в Нижнеколымск, а как только солнце опустилось за горизонт, он продолжил путь на Север. Вдали виднелась полоса тумана. «Сначала собаки бежали довольно скоро по гладкому снегу, хотя и был он покрыт иногда соляными кристаллами, но, проехав 15 верст, очутились мы, так сказать, в рассольном болоте и уже никак не могли подвигаться вперед. Исследовав лежащий под соляным слоем лед, я нашел, что он был не толще 5 дюймов и так мягок, что можно было резать его ножом. Мы поспешили удалиться с такого опасного места и, проехав на четыре версты, встретили довольно гладкую, твердым снегом покрытую долину. В двух верстах отсюда снова исследовали мы лед и нашли его толщиной в пол-аршина. Глубина моря была 12 сажен, дно его состояло из илистой зеленоватой глины. Проехав еще полторы версты, остановились мы отдыхать у небольших торосов. Толщина льда и глубина моря были прежние. Через отверстия, сделанные во льду для исследования, вода выступила на лед и разлилась на большое пространство во все стороны. Она была отвратительного солоноватого вкуса, который тотчас сообщился подмоченному ею снегу. Когда водяные частицы испаряются от действия лучей, на снегу остается толстый слой морской соли и отчасти кристаллизуется, а отчасти проникает в лед и способствует его разрушению. Северный ветер скрепчал и, вероятно, сильно взволновал открытые места моря, потому что вода из сделанного нами отверстия более и более выступала, а лед, на котором мы находились, пришел в волнообразное движение. Вдали раздавались плески волн и треск льдов. Положение наше сделалось довольно затруднительно, даже сопровождавшие нас туземцы весьма беспокоились, и только собаки, не чувствуя опасности, им угрожавшей при разломке льда, спокойно спали».

Врангель считал неблагоприятным и даже опасным ехать дальше всей экспедицией. Поручив Матюшкину попечение об обозе, он с двумя проводниками и двумя нартами, на которые погрузили лодку, весла, доски, провизию, отправился прямо на север. Лед покрывал глубокий слой рассола, по которому с трудом тащились собаки. Затем начались трещины. Через них переправлялись по шестам и доскам. Вскоре путь преградила полынья. Ее обогнули с левой стороны, чтобы через

версту встретить более широкое разводье. Лед становился все тоньше и ненадежнее. Местами на нем виднелась земля. Из трещин выступала мутная вода, «уподобляя сию часть моря обширному болоту». Врангель пришел к выводу, что «море начало ломаться с недавнего времени».

«Несмотря на то, — писал Врангель, — мы подвинулись еще на две версты к северу, перескакивая или переправляясь на досках через небольшие щели и обходя полыньи, но вскоре, однако ж, полыньи так умножились, что трудно было определить, чем покрыто море: сплошным ли растрескавшимся льдом или плавающими льдинами. Во всяком случае, каждый несколько сильный шквал мог совершенно раздробить или разогнать подерживавшие нас глыбы и превратить место, где мы стояли, в открытое море. Лежавший на поверхности свежий снег явно доказывал, что лед был разломан только в предшествовавшую ночь северным ветром. Судьба наша зависела от дуновения ветра».

Открытая вода была совсем рядом. Сравнивая характер торосов в прибрежном районе около Баранова Камня с только что образовавшимися торосами в 224 верстах от сибирского побережья, Врангель обратил внимание на различие, составляющих их льдов как по толщине и прочности, так и по степени солености. Здесь, у границы открытого моря, он был в несколько раз тоньше, чем в недалеком расстоянии от сибирского берега, и толщина его колебалась от 12 до 4 см, что совершенно, по словам Врангеля, противоречило действию жестоких сибирских морозов. Он высказал предположение, «что в продолжение целой зимы сия часть моря то замерзает, то следующим свежим ветром опять разламывается так, что мороз никогда не может действовать долгое время на тот же лед, а должен образовать свежий и уже не столь твердый по причине остающейся всегда в большом количестве соли в воде, ибо известно, что при образовании льда переходит в него сначала только малая часть соли.

Различие между торосами сей части моря и находящихся близ материка, равно и тонкость льда, подает повод к заключению, что море здесь не сужено какою-либо обширною землею, не в дальнем на севере расстоянии находящейся. Но, с другой стороны, трудно объяснить малую глубину моря.

Поворотив с сего места обратно, поспешил к оставшимся позади нартам, дабы сего же дня переехать со всем отрядом на другое надежнейшее место».

Таким образом, своей поездкой на север от Баранова Камня Врангель поставил под сомнение выводы Сарычева, что море в этом районе невелико и недалеко на севере должна находиться «матерая земля».

Экспедиция направилась на юго-восток и вскоре встретила гористый остров высотой более 20 метров, который оказался ледяным. «Сопки сего ледяного острова, — писал Врангель, — показались нам издали за действительные каменные горы, даже находясь на оных, прорубали мы глубокие ямы, чтобы увериться в их составах». Именно такие ледяные острова с высокими сопками, которые даже вблизи трудно отличить от настоящих, могли быть приняты за неизвестные земли, поисками которых потом десятилетиями занимались исследователи. Остров был достаточно внушителен по размерам, так как путешественники ехали по нему в течение почти двух дней. Он был окружен свежими труднопроходимыми торосами. Врангель решил основать на ледяном острове продовольственный склад и, отослав в Нижнеколымск еще восемь завозных нарт, продолжать поиски небольшим отрядом. У него осталось шесть путевых нарт, на которые нагрузили 15-дневный запас продовольствия.

6 апреля поиски Северной «матерой земли» продолжались. Едва пробившись через гряды торосов, как оказались на льду, который пересекали трещины. Ночевать пришлось в полукилометре от полыньи. Нередко слышался треск ломающихся льдин.

На следующий день переправились по плавающим льдинам через обширное разводье. Когда, преследуя белых медведей, пробирались среди лабиринта торосов, лед неожиданно пришел в движение. Раздался треск, от сильного толчка некоторые из спутников Врангеля не удержались на ногах. Пришлось немедленно отступить назад и возвращаться к месту прежнего ночлега, правда тоже весьма ненадежного.

9 апреля почти весь день пытались выбраться из хаотических нагромождений торосов. Но им, казалось, не будет края. В конце концов измученные путешественники с изнуренными собаками и изломанными нартами повернули на юг.

На следующий день Врангель и его товарищи по путешествию отдыхали и целый день жгли костер. 11 апреля экспедиция снова оставалась на месте. Проводник Врангеля страдал такой сильной болью в пояснице, что «не мог подняться на ноги». Вынужденную остановку

использовали для починки серьезно пострадавших нартов.

Лед, на котором находились путешественники, был ненадежен. Частый треск разламывающихся льдин рождал невольные опасения. Все чаще встречались полыньи, которые приходилось обходить по восторошенным льдам. Собаки были доведены до крайнего изнеможения. Врангель понял, что дальнейшие попытки проникнуть к северу будут бесполезны, и решил возвращаться к продовольственному складу, оставленному на ледяном острове. От прежней дороги не осталось и следа. Она была смята подвижками льда. Путешественникам снова пришлось перебираться через торосы. «И на каждом шагу,— писал Врангель,— огромные полыньи и щели пересекали нам путь. При переправе через одну из трещин восемь собак из моей упряжки упали в воду, и только необыкновенная длина нарты спасла и меня и собак от гибели».

15 апреля экспедиция добралась до продовольственного склада, который оказался в сохранности. 17 апреля Врангель выехал на запад от ледяного острова и в тот же день достиг района моря, обследованного Геденштромом 11 лет назад. Отсюда он повернул на юг, к острову Четырехстолбовому. В пути экспедицию застигла метель, во время которой даже в нескольких шагах невозможно было видеть друг друга.

20—23 апреля путешественники занимались описью Медвежьих островов. Они положили на карту шесть островов, в том числе и тот, который «скрывался по сие время от прежних описателей». «На всех,— отмечал Врангель в «Дневнике»,— находили признаки бывших здесь прежде людей и в доказательство, что не только на зиму были посещаемы сии острова, но что были и по летам на оных, видели на севернейшем острове весло, точно такое употребляют по рекам Северной Сибири, и разоренные сорта, нарточные полозья, лыжи и прочие вещи были находимы на каждом из сих островов.

На двух больших нашли в земляном яре мамонтовую кость, но земля, будучи замерзша и покрыта большою частью снегом, препятствовала войти в обстоятельное разыскание по сей части, сколько ни трудился находящийся с нами купец Бережной».

24 апреля Врангель направился на юг, держа путь к Крестовому мысу. Здесь, судя по преданиям, существовал еще один остров. Но вместо острова путешественники оказались на сибирском берегу, где один из

проводников нашел ловушку, поставленную им на песча. Он привел своих товарищей в сарай вблизи реки Агафоновой, в котором они провели ночь. В этот день у путешественников кончилась провизия, а корма для собак осталось только на два дня. И хотя на следующий день бушевала метель, Врангель продолжал путь к Колыме. По дороге они нашли приют у жителей Ненаселенной деревни, где сбросили с себя промерзшие шубы и согрелись у пылающего очага.

28 апреля экспедиция возвратилась в Нижнеколымск, даже не увидев в телескоп, который она возила с собой, очертаний Северной «матерой земли». «Единственные предметы были торосы, туман и облака», — писал Врангель, который был недоволен «неблестящим успехом экспедиции». Его помощник Матюшкин был потрясен неудачей. Чтобы добиться успеха, они «рисковали очень многим», и только трезвость и решимость Врангеля привели вторую поездку к счастливому окончанию. Матюшкин не исключал трагического исхода их путешествия. Ознакомившись с отчетом Врангеля, Крузенштерн опасался, что поиски Северной «матерой земли» могут стоить жизни этому талантливому офицеру.

Врангеля больше всего интересовало, как отнесется к результатам двух его поездок вдохновитель экспедиции Головин. «Надеюсь, — писал он Литке 15 июня 1821 года, — что не скроешь от меня мыслей Василия Михайловича и вообще тех, коих интересуют известия об экспедиции нашей. Конечно, то, что мы сделали, не бросается в глаза, и потому опасаясь, что общественное мнение о нас весьма невыгодное».

Действительно, Морское министерство было недовольно тем, что Врангель начал поиски Северной «матерой земли» от Баранова Камня, а не от Шелагского мыса. По мнению Адмиралтейств-коллегии, если бы Врангель точно исполнил инструкцию, то всего в «один только день» решил бы вопрос, существует ли земля, о которой рассказывают чукчи.

Врангель и Матюшкин безуспешными поисками земли, которую якобы усмотрел к северу от Медвежьих островов сержант Андреев, внесли выдающийся вклад в познание природы Северного Ледовитого океана. Благодаря их поездкам был подтвержден отмеченный еще Геденштромом факт, что море далеко от берегов Сибири даже зимой не только не сковано вечным льдом, как утверждали некоторые участники третьей экспедиции

Кука и некоторые русские картографы, а даже не покрыто сплошным ледяным покровом.

Когда из письма Литке Врангелю стало известно, что руководитель Адмиралтейского департамента, генерал-гидрограф Русского флота «лично не доволен» результатами поисков Колымской экспедиции, он нисколько этому не удивился. «Да это иначе и не могло быть, если я не мог поступиться против своей совести», — отвечал он.

Врангель отдавал себе отчет в том, что открытие им не скованного льдом моря ставит под сомнение всю систему взглядов Сарычева на северо-восточные моря России, включая и вопрос о существовании на севере «матерой земли».

Летом 1821 года небольшой отряд Колымской экспедиции под начальством Козьмина описал северный берег Сибири между Колымой и Индигиркой. В продолжение этого путешествия велись метеорологические наблюдения, журнал с описанием которых сохранился в архиве Врангеля. Матюшкин и Кибер обследовали реки Большой и Малый Анжуй. По словам Врангеля, «Кибер собрал любопытные материалы для истории болезней народов того края, также для ботаники и минералогии; Матюшкин доставил нам сведения о географии внутренней части земли той».

Врангель картировал Колыму в ее нижнем течении, от Нижнеколымска до моря. В сентябре все члены экспедиции собрались в Нижнеколымске.

«О себе, — писал Врангель Литке, — могу тебе только сказать, что здоров и весьма занят; я мало имею времени для себя. Однако на это не жалею, ибо охотно исправляю сам должность писца и секретаря, начальника экспедиции и комиссара. Козьмин хорош, как прежде. Я им чрезвычайно доволен; доктор умен, осторожен, но нездорового сложения. Я с ним часто философствую, и мы живем хорошо. В начале октября имел я весьма дорогого гостя. Отгадай кого? Петра Федоровича (Анжу. — В. П.). Он приехал сюда вместе с Козьминым, с которым съехался он на устье Индигирки, описав берег от Яны к востоку до сего места, равно как Козьмин — от Колымы к западу. Он гостил до 1 ноября; время прошло скоро и весело. Нижнеколымск как будто весь преобразился, вместо императорского повеления портвейн в стаканах; утра проходили за фриштыками (?), а вечера за бостоном — веселое расположение духа прибавило мне жизни один или два года. Кто ничего не имеет, тот и ма-

лым доволен. Теперь занимаюсь приведением в готовность всего нужного к предстоящему нам весною путешествию».

Однако готовиться к новым поискам было очень трудно и сложно. Раннее наступление зимы грозило бедами не только жителям Колымского края. Заготовленное летом сено почти все погибло. Реки вышли из берегов и причинили новые несчастья. Рыба плохо ловилась. Осенняя охота, которой местные народы запасаются мясом на долгую северную зиму, была неудачна. «Олений промысел, — докладывал Врангель Сперанскому, — был так беден, что юкагиры, по Большому Анюю живущие, находятся в весьма жалком положении и полагают надежду на колымских жителей и на казенный провиант». Вскоре экспедиция начала поддерживать голодающих колымчан своим продовольствием.

Врангель рассчитывал на собственные силы и по возможности не обременял местных жителей заготовкой рыбы для предстоящего путешествия. 3 сентября он сообщил сибирскому генерал-губернатору, что уже заготовлено более половины запасов рыбного корма. Но на жителей северо-востока Сибири обрушилась еще одна беда: началось поветрие на собак. Первые его признаки обнаружили на Яне, Лене и Индигирке, а затем эта «прилипчивая болезнь» распространилась и на Колыму. Вскоре в деревнях и селениях округа «здоровая собака сделалась редкостью». Врангель попытался собрать хотя бы сотню собак и отправить их в устье Колымы, в местечко Чукочье, чтобы держать их вдалеке от колымских селений. Но ему удалось добыть только три упряжки. Почти все они избежали «заразительной болезни», в то время как жители Нижнеколымска потеряли четыре пятых своих собак. Всюду царили уныние и горе.

Наступил новый 1822 год. Из Петербурга не было вестей. Ни Сперанский, ни Траверсе, ни Сарычев не присылали каких-либо указаний. Казалось, все забыли о Колымской экспедиции. Молчал и Василий Михайлович Головнин, приславший в начале экспедиции «два ласковых письма», молчал и самый близкий друг Федор Петрович Литке. Петербург и Нижнеколымск разделяли многие тысячи верст, и почта приходила сюда несколько раз в год. Врангель первоначально надеялся в предстоящую весну осуществить двойной поиск: одним отрядом добраться по льдам до северной «матерой земли», а вторым описать северный берег от Шелагского мыса до Берингова пролива. Он послал на Индигирку казака,

которому поручил закупить возможно больше упряжек. Ему удалось собрать и привести в Чукотку всего лишь 45 собак. На помощь экспедиции пришли жители Нижнеколымска. Они предоставили в ее распоряжение 200 собак. Однако большинство из них были очень слабы после недавно перенесенной болезни и не годились для утомительных, трудных поездок по льдам океана. Собаки замертво падали на ходу, и ни на одну упряжку нельзя было положиться. Врангель писал Литке, что вместе с собаками гибли его надежды. Все это вынудило его внести изменения в первоначальный план. Он решил не разделять экспедицию на два отряда и предстоящую весну посвятить поискам земли на пространстве между Барановым Камнем и Шелагским мысом, отложив опись северного берега Чукотки до будущего года. Его план отличался от предписаний Морского министерства. Сомневаясь в существовании северной «матерой земли», он решил снова выйти на границу припайного льда, чтобы, придерживаясь ее, направиться на восток, до меридиана Шелагского мыса, и тем самым собрать разносторонний материал для суждений о «предполагаемом существовании земли к северу».

13 марта Врангель, Матюшкин, Козьмин, Кибер, Нехорошков в сопровождении проводников отправились из Сухарного к Баранову Камню. Они везли с собой 35-дневный запас корма для собак и 40-дневный запас провизии.

17 марта, оставив сибирский берег, экспедиция вышла на лед и с трудом преодолела гряды прибрежных торосов. Многие нарты получили повреждения. На их починку ушла почти вся первая половина следующего дня. Пройдя около 80 верст от Баранова Камня, Врангель устроил во льду продовольственный склад. Несколько дней экспедиция то прорубалась через торосы, то утопала в глубоком снегу.

23 марта Врангель отправил Матюшкина с поручением разведать состояние льдов к востоку. Вести были печальными: торосы там становились все выше и непроходимее. Только недалеко от места ночлега виднелась полоса ровного льда, которая уходила на запад. Врангель приказал нагружать нарты и двигаться в указанный Матюшкиным район. Однако надежды, что они найдут здесь лучшую дорогу, не оправдались. И на западе лед пересекали полосы высоких торосов. В этот день прошли всего лишь 6 верст. 24 марта дорога стала еще хуже. Нарты срывались по льдинам вниз и приходили в не-

годность одна за другой. Испуганные собаки рвали упряжь. И люди и животные выбились из сил. Врангель решил основать здесь еще один склад корма для собак и продовольствия для людей. Запасы сложили в две вырытые ямы, прикрыв их большими льдинами и забив щели снегом, который затем облили водой, чтобы медведи не могли проникнуть к провизии. Освободившиеся 13 нарт Врангель отослал в Нижнеколымск. В этот же день он поручил Матюшкину на двух нартах с пятидневным запасом провизии и корма отправиться по льду на северо-восток. 26 марта Врангель в сопровождении Козьмина выехал на север. Старые торосы, состоявшие из толстых, покрытых песком и илом льдин, уступили место молодым, сложенным из слоев более тонкого льда. Но перебираться через те и другие было одинаково трудно. Утром 27 марта, когда путешественники находились на $71^{\circ}13'$ северной широты, Козьмин увидел на северо-востоке возвышавшиеся над льдами два холма.

Врангель считал, что перед ними земля, которую они искали, но проводники уверяли, что то были «подымавшиеся из открытого моря пары». Однако горы, утесы и долины неведомой земли с каждой верстой обозначались все явственнее. «Поздравляя друг друга со счастливым достижением цели, — писал Врангель, — мы спешили далее, надеясь еще до наступления вечера ступить на желанный берег. Но наша радость была непродолжительна, и все прекрасные надежды наши исчезли. К вечеру, с переменною освещенностью, наша новооткрытая земля подвинулась по направлению ветра на 40° , а через несколько времени еще обхватила она весь горизонт, так что мы, казалось, находились среди огромного озера, обставленного скалами и горами».

Утром следующего дня этот оптический обман повторился. Казалось, что путешественники находятся не среди хаотических нагромождений льдов, а в тундре, над которой возвышаются пологие холмы. Впоследствии Врангель пришел к выводу, что «когда ломается лед, то из воды поднимаются темно-синие пары, кои, опускаясь иногда на вершины ледяных гор, дают сим последним вид гористой земли».

Врангель проехал к северу еще 11 верст. Здесь, на $71^{\circ}34'$ северной широты, ничто не свидетельствовало о том, что торосы на севере сменяются ровным льдом. Он решил вернуться к последнему продовольственному складу, до которого добрались 29 марта. Здесь, как было условлено, уже находился Матюшкин. Он за три дня

прошел на северо-восток 90 верст, достигнув $71^{\circ}10'$ северной широты на меридиане Песчаного мыса. Торосы встречались не так уж часто, но зато на льду лежал глубокий рыхлый снег, который «весьма затруднял путь». Он тоже усмотрел вдали синеву, которая сначала показалась ему «искомой землей».

Врангель решил идти прямо на север. В день проезжали от 12 до 20 верст.

8 апреля путешественники встретили гряды только что образовавшихся торосов. «Издали, — писал Врангель, — были они подобны огромным волнам океана. Посю сторону их извивалась узкая бесснежная полоса, как река между ледяными утесами. На юг возвышались, будто покрытые снегом горы, исполинские торосы старого образования. Дикая неровность сей части моря придавала ему вид страны, изрытой глубокими оврагами и ущельями. Противоположность южных старых торосов новым, севернее лежащим, была слишком резка и не оставляла сомнения, что мы достигли предела сибирского прибрежного твердого льда и что перед нами море, не ограниченное с севера никакою близкою землею».

Однако путешественники продолжали идти на север. Они преодолели три гряды торосов и несколько только что образовавшихся полыней. Сложив на лед часть запасов, пытались проникнуть дальше на облегченных нартах. Между тем торосы достигли невиданной высоты. 9 апреля они проехали всего три версты. Ночью было слышно, как впереди трещал ломавшийся лед. Врангель послал Матюшкина на разведку к северу. 10 апреля в сопровождении двух проводников Матюшкин отправился в дорогу, а Врангель тем временем занялся наблюдениями над склонением магнитной стрелки, изменением глубин моря и определением проб грунта. Через шесть часов возвратился Матюшкин и сообщил, что, пройдя на север через торосы и полыньи 10 верст, он достиг незамерзшего моря, по которому ветер носил разломанные льдины.

Надежд проникнуть далее к северу не оставалось. Пока не взломался лед, на котором находилась экспедиция, надо было отступить на юг и забрать оставленный во льду провиант. Когда провизия и корм были перегружены на нарты, Врангель предпринял новую попытку проникнуть к северу, но вскоре встретил тонкий лед. И к северо-западу, и к северо-востоку были видны синие пары, поднимавшиеся из полыней. Они, по словам Врангеля, «предсказывали скорую разломку и подвижность

здесь морского льда». Тотчас экспедиция уклонилась к западу и 12 апреля после разведывательной поездки Матюшкина направилась снова на север. Едва позади осталось 6 верст, как тонкий лед прорезали трещины и он стал покрываться рассолом, что предвещало его близкое разрушение.

«Мы находились под 72°2' северной широты, в 262 верстах прямо на север от Большого Баранова Камня, — писал Врангель. — Качество льда и постепенно увеличивавшаяся по мере удаления от берега глубина моря дали нам причину с вероятностью предполагать, что если действительно существует на севере неизвестная земля, то мы достигли еще не более половины расстояния ее от берегов Сибири».

Врангель решил следовать на восток и на меридиане мыса Шелагского снова попытаться проникнуть на север, к земле, о которой рассказывали чукчи. Путь на восток, несмотря на глубокий снег, был менее труден. Вскоре, правда, встретили полыню, ширина которой достигала около двух верст. За нею виднелось открытое море и редкие тонкие льдины. Экспедиция уклонилась к юго-востоку и утром 22 апреля заметила скалы мыса Шелагского. Они находились, по вычислениям Врангеля, в 87 верстах.

Экспедиция пробилась в юго-восточном направлении на 19 верст и была остановлена непроходимыми торосами. На юге, по словам Врангеля, хорошо были видны утесы мыса Шелагского. «Хотя, — писал он, — небо было чисто и ясно, но ни на востоке, ни на севере не видели мы признаков земли. Принимая в соображение, что каждый не совсем низменный берег бывает видим здесь в расстоянии 50 верст и что мы находились в 80 верстах от Шелагского мыса, можно с основанием утверждать, что к северу от сего мыса на расстоянии 130 верст нет предполагаемой земли. Выше уже достаточно доказано, что на 300 верст к северу от Большого Баранова Камня никакая земля не существует».

Придя к такому выводу, Врангель решил возвратиться в Нижнеколымск, тем более что он располагал лишь четырехдневным запасом корма для собак, а ближайший продовольственный склад находился в 200 верстах. Экспедиция повернула на запад и по торосам и рыхлому снегу направилась к сибирскому берегу. Сначала кончились дрова, а 26 апреля не осталось в запасе ни продовольствия, ни собачьего корма. Лишь на следующий день Врангель достиг места на сибирском берегу, где

были спрятаны припасы. Медведи пытались добраться до них, но безуспешно. Все было в сохранности. После непродолжительного отдыха направились на запад.

Спустя три дня Врангель в Походске встретился с Анжу. Судя по письму к Литке, встреча эта заранее была обусловлена. Перед их экспедициями, именуемыми в официальных бумагах отрядами, стояли очень близкие задачи. Попытки отыскать северные земли привели обоих руководителей к одному выводу — на севере нет обширной земли, но зато существует открытое море, по которому плавают лед даже в самые жестокие сибирские морозы. Врангель и Анжу установили границу распространения льда к северу от Котельного и Фаддеевского островов и Новой Сибири. Анжу выявил переменное течение моря, которое «признал за прилив и отлив». Таким образом, исследования Янской экспедиции являлись блестящим подтверждением вывода Врангеля о том, что в расстоянии ближайших 500 верст к северу от устья Колымы не существует не только Северного материка, но «даже нету песчаного острова». Эти взгляды были подробно развиты Врангелем в рапорте на имя Сперанского и в особой записке «Мнение о Северной земле, виденной Андреевым». И хотя ни Врангель, ни Анжу ни в одном из официальных документов не упомянули имени Сарычева, их выводы невольно опровергали его доказательства существования Северного материка.

Когда Врангель и Анжу готовили для Сперанского выписки из журналов, статьи, карты своих путешествий, карты Большого и Малого Анюев и берегов Северного Ледовитого океана, в Нижнеколымск из Петербурга было доставлено запоздавшее предписание сибирского генерал-губернатора от 24 декабря 1821 года. К предписанию были приложены мнения Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейского департамента относительно результатов путешествия Врангеля весной 1821 года. Его выдающийся успех — определение истинного положения мыса Шелагского — почти не привлек внимания в Петербурге. И сибирский генерал-губернатор, и Морское ведомство были недовольны тем, что он предпринял поиски не от Шелагского мыса, а от «Баранова Камня, т. е. на 7° западнее, нежели предполагал Адмиралтейский департамент». Отсюда делался вывод о том, что Колымская экспедиция не приступила «к разрешению главного вопроса».

Из Петербурга Врангелю напоминали, что главным поводом к отправлению экспедиции были дошедшие до

правительства сведения об обитаемой земле к северу от Шелагского мыса. Поэтому ему надлежало прежде всего обратить внимание на поиски в этом районе и непременно «проникнуть по крайней мере за 75 верст от берега к северу по означенному меридиану и, таким образом, разрешить, действительно ли находится земля в том месте; когда же откроется она, то осмотреть и описать сколь возможно более».

О том, какие мысли обуревали Врангеля после ознакомления с предписанием петербургских властей, дает представление его письмо к Литке, которое ввиду его исключительной важности приводится почти полностью. «После отплытия твоего на «Новой Земле», — сообщал Врангель Литке 11 июня 1822 года, — нет ни строчки, ни вести от тебя; когда ожидание изменилось в нетерпение, когда истощился уже в выдумках событий, могших тебя оправдать и меня успокоить, когда, по-видимому, забыл и сам Василий Михайлович, тогда-то подумал, что загадка откроется сама и что нечаянные радостные известия будут возмездием за мучительное беспокойство. Но теперь и сия надежда исчезла. Я возвратился из моря в Колымск, отправлюсь вскоре к берегам Ледовитого моря, получил почту из Петербурга от 24 декабря, и вместо радости — досада. Ежели ты в Петербурге, то, конечно, уже известно тебе все неудовольствие нашего департамента на меня. Желал бы только знать, кто именно мною недоволен. Один ли Сарычев или тоже Василий Михайлович Головнин и другие говорят, что я отступил от инструкции, искав землю 36 суток вместо того, чтобы ее найти в 1 день; назначают мне 7 дней сроку для той описи, которую и в 30 окончить нельзя; словом, не принимают в рассуждение ни местные обстоятельства, не имея понятия о затруднениях в собачьей езде самой по себе и о невозможности набрать собак и рыбу в довольном количестве, не соображая, наконец, и сущности нашего поручения, которое по сию пору считал не в чем ином состоящим, как в исследовании и разрешении вопроса о существовании Северной земли напротив сибирского берега от Колымы к востоку и в проверке старых и учинении новых описей, бранят и ругают меня.

Не утверждая, что я совершенно прав, скажу только, что и теперь не понимаю, почему так решительно не хотят, чтоб экспедиция, отправленная для отыскания земли, искала оную везде, где только неизвестная земля может существовать, и почему так настойчиво утвержда-

ют, что чукчи рассказывают о лесистой и обитаемой земле, против Шелагского Носа лежащей, тогда когда все подробности их рассказов доказывают, что они не Шелагский, но Чукотский Нос разумеют и что земля «Х» есть американский берег у Берингова пролива. Притом чукчи — мои соседи, и объявления их могли бы, кажется, доходить с большей точностью ко мне, нежели к людям, кои географию ищут в соболях; я разумею здесь промышленников, доставивших известие об обитаемой земле против Шелагского Носа. Им-то верят более, чем мне, которому, между прочим, поручено разрешить сомнение! Но как бы я глупо ни поступил, однако радуюсь тому, что нами определено несуществование земли в удободостигаемом от сибирского берега расстоянии между меридианами Медвежьих островов и Шелагского Носа и что, следовательно, остается искать эту землю к востоку от последнего меридиана. Туда-то и обратим наши попытки весною 1823 года в надежде найти не обитаемую землю, но какой-нибудь голый островок, как надобно думать по последним сведениям, собранным мною от чукоч.

О себе могу тебе сказать, что здоров и что в Колымске меня ничего не утешает и не занимает, исключая моего поручения; оно меня так связало, что не желал бы переменить нарту на корабль и тундряные берега Ледового моря на прекраснейший Перу, покуда не очистится карта от земель Тикигена и пр. или покуда не означатся они резкими чертами вместо пунктирных. Досадую только, что Сарычев не так рассуждает о сем предмете. Федор Федорович приметно мужает умом и делается осторожнее в словах и поступках. Прокопий Тарасович Козьмин тот же шутник, каковым бывал в нижнем парламенте на «Камчатке», — вчера он страшно влюбился, а сегодня за бутылкой грустит по единственной своей богине... Доктор наш Кибер медленно поправляется от болезни, ему я благодарен, что не вовсе еще забыл хохотать и что иногда вспоминаю, что, окромя Ледовитого моря, есть еще много любопытных предметов на свете».

В течение всей зимы участники экспедиции готовились к завершению поисков Северного материка и исследований на северо-востоке России. Заранее были созданы склады корма для собак в Малом Чукочье, Походске, Сухарном, у Барановых Камней и в стане вблизи устья Большой Баранихи. Самые сильные собаки были отправлены в Сухарное, где их откармливали к предстоящему дальнему путешествию. Наконец Врангель имел в своем

распоряжении такое количество собачьих упряжек, что мог разделить экспедицию на два отряда. Свои планы он подробно изложил в письме к Литке:

«С 20 февраля пушусь с Прокопием Тарасовичем Козьминым в путь; намерен следовать по берегу на 70 или 80 верст к востоку от Шелагского мыса и потом попытаться опять на север. Какой будет успех, не знаю, а полагаю, что нам придется бороться с торосами ужасно и что встретим непрерывную полынью еще ближе к берегу, чем в те годы. С 20 марта отправится Фед. Фед. Матюшкин с доктором для береговой описи до Северного мыса. Много хлопот и трудов стоило мне при нынешнем недостатке в собаках и корме привести экспедицию в состояние разбиться на два отряда; желаю и надеюсь, что сего года покончим мы все статьи поручения, исключая открытия Северного материка или земли; что ж касается до разрешения вопроса, существует ли она, то утверждаю, что нами неоспоримо будет доказано, возможно ли на нартах достигнуть до оной или нет. Более этого от собачьей экспедиции требовать нельзя».

Врангель 22 февраля выехал из Нижнеколымска, чтобы осмотреть прибывшие с берегов Индигирки, Яны и Хромы собачьи упряжки. Некоторые из них оказались непригодными для езды по льдам, и их пришлось вернуть назад.

26 февраля Врангель и Козьмин в сопровождении местных жителей отправились на восток.

2 марта экспедиция достигла созданного ею стана при впадении в море реки Большой Баранихи. Врангель к этому времени имел в своем распоряжении 19 нарт. Он смог взять с собой 7,5 пуда сухарей, 6 пудов мяса, 8200 юкол и 4000 сельдей, 224 омуля, 12 гусей, полпуда масла, полпуда соли, пуд чаю, сахару и леденцов, 5 ружей, 100 боевых патронов и все необходимые в путешествии астрономические, магнитные и метеорологические приборы.

5 марта, как только улеглась бушевавшая метель, Врангель направился к Шелагскому мысу, которого благополучно достиг спустя три дня. Здесь он впервые встретился с чукчами. Вечером 8 марта его лагерь посетил старейшина береговых чукотских племен — камакай. Он подарил кусок медвежатины и часть туши тюленя и провел около двух часов в беседе с путешественниками. На следующий день старейшина представил Врангелю своих жен, детей и племянника. Уверившись в миролюбии русских путешественников, кама-

кай не только подробно описал «границы земли своей от Большой Баранихи до Северного мыса, но даже нарисовал на доске положение Шелагского мыса, называя его Ерри». Кроме того, он верно изобразил остров Араутан в Чаунской губе, а также небольшой остров у ее восточных берегов, который Врангель действительно обнаружил, когда возвращался в Нижнеколымск.

«Разумеется, — писал Врангель об этой встрече Литке, — все мои вопросы и разговоры склонились к изведыванию о Северном материке, в существовании коего я уже 2-й год весьма сомневался. Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина — камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на севере есть гористая земля и что он сам летом видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля «Х» отдалается от Чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места».

10 марта Врангель пересек перешеек Шелагского мыса и на следующий день достиг мыса Козьмина. Правому берегу реки Веркон, представлявшему собой скалистый мыс, присвоили имя Кибера. Поблизости от мыса обнаружили небольшой остров. Врангель назвал его островом Шалаурова, который пожертвовал жизнью, «стремясь за славой разрешения вопроса о Северовосточном проходе из Атлантического в Великий океан».

13 марта, построив продовольственный склад в четырех верстах от берега, отряд направился по льду к северу. На следующий день натолкнулись на высокие торосы, через которые продвинуться смогли только 4 версты, хотя почти весь день работали пешнями. 15 марта путь был так же тяжел. Нарты пришли в самое жалкое состояние. Врангель решил построить склад более чем с трехнедельным запасом корма для собак и провизии для людей. Облегчив таким образом нарты, Врангель вместе с Козьминым и пятью проводниками надеялся пройти через нагромождение льдов и достигнуть земли, о которой говорил чукотский старейшина. Путешественники взяли с собой лишь пятидневный запас продовольствия и несколько поленьев дров. Но прежде чем они свернули свой лагерь, ветер резко усилился и вскоре перешел в бурю. С грохотом начал трескаться лед. Его пересекли трещины, которые вскоре превратились в полыньи. Семеро путешественников с четырьмя собачьими упряжками оказались на большой льдине диаметром около

100 метров. Они плавали на ней почти всю ночь. Врангель откровенно признавался, что каждую минуту ждал гибели. Утром ветер стал прижимать изломанный лед к припаю. Отряд немедленно двинулся по направлению к берегу и вечером уже находился на невзломанном ледяном покрове. На севере виднелись облака синего тумана, свидетельствовавшие о том, что там открытое море. «Несмотря на это,— писал Врангель,— мы не оставили нашего намерения и решились проложить себе дорогу среди окружающих нас торосов». Путешественники переправлялись через полыньи, уже покрытые тонким молодым льдом, объезжали трещины, перебирались через свежие торосы, в которых путь приходилось прокладывать с помощью пешен. 19 марта отряду удалось проникнуть на север всего на 10 верст. На следующий день Врангель встретил стену восторошенного льда. Он решил отклониться в северо-западном направлении, чтобы найти проход на север. Но и здесь вскоре их путь пересекла широкая полынья, переправиться через которую не было возможности. Вблизи нее путешественники остановились на ночлег, предварительно установив, что глубина моря здесь составляет 39 м, а дно океана покрыто глиной, смешанной с песком.

«На следующее утро,— писал Врангель,— первым занятием нашим было осмотреть окрестности и изыскать средства к продолжению пути. Торосы, находившиеся на северном краю щели, были, по-видимому, прежнего образования и казались нам менее круты и плотны, а потому надеялись мы проложить себе между ними дорогу далее к северу. Но проникнуть туда не было иного средства, как только переехать по тонкой ледяной коре, покрывавшей щель. Мнения моих проводников были различны. Я решился на сие предприятие, и при невероятной скорости бега собак удалось нам оно лучше, нежели мы ожидали. Под передними санями лед гнулся и проламывался, но собаки, побуждаемые проводниками и чуя опасность, бежали так скоро, что сани не успевали погружаться в воду и, быстро скользя по ломавшемуся льду, счастливо достигали до противоположного края. Остальные три нарты ехали в разных местах, где лед казался надежнее, и так же все благополучно переправились на другую сторону».

В этот день отряд Врангеля удалось пройти 24 версты. Ночевали в торосах. 22 марта снова шли на северо-восток, надеясь первыми ступить на Северную если не «матерую», то по крайней мере обширную землю. Снова

среди льдов встречались разводья. По словам Врангеля, они несколько раз могли утонуть, ибо незамерзшие трещины, как правило, были занесены снегом. Собаки очень часто проваливались в воду, и спасти собачьи упряжки и нарты удавалось с большим трудом. В этот день отряд удалился еще на 30 верст от Азиатского материка. Переночевали на небольшом ледяном острове, к утру оказавшемся окруженным разломанным льдом. Из отдельных льдин соорудили переправу и оказались на «твердом льду». Между тем корм для собак подходил к концу, и Врангель решил отправить две нарты к продовольственному складу за остатками провианта.

23 марта Врангель по-прежнему шел к северу. На успех открытия земли он почти уже не надеялся, но считал, что будет продолжать поиски, пока не исчерпает всех возможностей для продвижения к затерявшимся в океане, покрытым снегом горам. Вечером, обозревая горизонт, он всюду на севере видел только голубые испарения, получившие впоследствии в научной литературе название водяного неба. Это было «непреложное доказательство открытого моря». Пройдя еще 9 верст, путешественники встретили полынью шириной более 300 м. Она заметно увеличивалась.

«Мы, — писал Врангель, — влезли на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море. Величественно ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую. Можно было представить, что сила волнения и удары ледяных глыб скоро сокрушат сию преграду и море разольется до того места, где мы находились. Может быть, нам удалось бы по плавающим льдинам переправиться на другую сторону канала, но то была бы только бесполезная смелость, потому что там мы не нашли бы уже твердого тела. Даже на нашей стороне от ветра и силы течения в канале лед начал трескаться и вода, с шумом врываясь в щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину. Мы не могли ехать далее. С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природою препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой стремились в течение трех лет, презирая все

лишения, трудности и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силою стихий и явною невозможностью было безрассудно и еще более бесполезно. Я решился возвратиться».

Когда Врангель принимал это решение, он находился на $70^{\circ}51'$ северной широты и $175^{\circ}27'$ западной долготы, примерно в 30 милях от острова, ныне носящего его имя, и в 80 милях от Азиатского материка, на который надо было еще вернуться. Врангель считал, что он прошел по дрейфующим льдам не менее 90 верст, и не мог предвидеть, в каком состоянии находится ледяной покров на этом пространстве моря.

Отряд возвращался старой дорогой. Хотя лед часто пересекали трещины, в этот день проехали 35 верст. Врангель спешил. Прежний путь во многих местах пересекали только что образовавшиеся торосы, свидетельствовавшие о том, что путешественники находятся не на твердом, а на дрейфующем льду. «Через многие широкие трещины, неудобные для обхода,— писал Врангель,— должны мы были переправляться на льдинах. Иногда они были так малы, что не могли поместить на себе нарт со всею упряжкою; мы сталкивали собак в воду, и они переплывали на другую сторону, таща за собою льдину с нартою». В каждой полынье Врангель измерял температуру воды (около 1° по Реомюру), воздуха и определял скорость течения, которая в отдельных местах равнялась 8 верстам в час. Поздним вечером 24 марта Врангель достиг продовольственного склада, где его поджидала часть отряда, отправленная несколько дней назад.

Лед вокруг был ненадежен. Необходимо было без промедления вывозить провиант на берег. Однако болезнь одного из проводников задержала экспедицию на целый день. Обязанности нартоводчика взял на себя Козьмин. Нагрузив нарты, путешественники двинулись в путь. Они смогли взять с собой лишь меньшую часть запасов, надеясь при благоприятных условиях вернуться за собачьим кормом и провизией. Пройдя 3 версты, путешественники увязли среди только что образовавшихся высоких торосов. Чтобы выбраться из хаоса льдин, пришлось бросить часть груза. Но через 2 версты они снова были остановлены, на этот раз полыньями, которые преграждали путь на юг и на запад.

«Отрезанные от всякого сообщения с твердым льдом, со страхом ожидали мы наступления ночи,— писал Врангель.— Только спокойствию моря и ночному моро-

зу обязаны мы были здесь спасением. Слабый ветер понес льдину, где мы находились, к востоку и приблизил ее к твердому льду. Шестами притянули мы небольшие льдины, вокруг нас плавающие, и составили из них род моста до твердого тела. Мороз скрепил сии льдины до такой степени, что они не могли нас сдерживать. Работа была кончена 27 марта, до восхода солнца мы поспешили покинуть нашу льдину и счастливо переправились на твердый лед. Проехав с версту по восточному направлению, увидели мы себя снова окруженных полыньями и щелями при невозможности продолжать путь. Находясь на льдине огромнее других, нас окружавших (она была до 75 сажен в поперечнике), и видя все непреложные признаки приближающейся бури, решились мы остаться здесь на месте и предаться воле providения.

Скоро показались предвестники наступившей непогоды. Темные тучи с запада и густые пары наполнили атмосферу. Внезапно поднялся резкий западный ветер и вскоре превратился в бурю. Море сильно взволновалось. Огромные ледяные горы встречались на волнах, с шумом и грохотом сшибались и исчезали в пучине; другие с невероятною силою набегали на ледяные поля и с треском крошили их. Вид взволнованного моря был ужасен. В мучительном бездействии смотрели мы на борьбу стихий, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы в таком положении. Льдина наша носилась по волнам, но все еще была цела. Внезапно огромный вал подхватил ее и с невероятною силою бросил на твердую ледяную массу. Удар был ужасен, оглушительный треск раздался над нами, и мы чувствовали, как раздробленный лед начало разносить по волнам. Минута гибели нашей наступала. Но в это роковое мгновение спасло нас врожденное человеку чувство самосохранения. Невольно бросились мы в сани, погнали собак, сами не зная куда, быстро полетели по раздробленному льду и счастливо достигли льдины, на которую были брошены. То был неподвижный ледяной остров, обставленный большими торосами».

Рядом бушевало море. Было очевидно, что, если ветер не стихнет, волны в скором времени разрушат и это ненадежное пристанище. Врангель направился к берегу через торосы. В тот день он разыскал первый склад провизии, который был заложен в 4 верстах от берега. Нагрузив нарты припасами, вечером 27 марта путешественники достигли подножия скалы вблизи устья Веркона. Наконец Врангель, Козьмин и их проводники

смогли развести огонь, сварить обед и обсушить заледевшую за время скитаний по льдам одежду.

Весь следующий день Врангель посвятил перевозке продовольствия из ближайшего склада, не теряя надежды спасти припасы, брошенные среди дрейфующих льдов. Он надеялся, что при наступившем безветрии и усилившемся холоде полыньи замерзнут и по молодому льду можно будет проникнуть к северу. 30 марта Врангель отправил Козьмина с тремя нартами, поручив ему забрать провизию, оставленную среди дрейфующего льда. Через несколько часов езды Козьмин встретил полынью шириной более 15 верст. Проникнуть к складу не было возможности. Оставленные в нем запасы надо было считать безвозвратно потерянными. Так закончилась попытка Врангеля достичь земли, видимой к северу от мыса Якан, о чем он рассказал в письме к Литке. «Нам казалось, что нашли этот пункт в 90 верстах восточнее Шелагского мыса, и в нетерпеливом ожидании вступить на землю, скрывающуюся многие века в безвестности, в диком безмолвии, существующую за ледяными хребтами, за потаенными водами, направились к северу и возвратились-таки на берег через 16 дней, не увидев даже землю; только выезд наш на берег был подобен ретирade бегущего неприятеля, разбитого под стенами столицы, в которую нахально хотел ворваться или штурмовать. А поездка наша вперед была не менее безрезультатною. Не внемля грозящему треску льда под нами, ни препонам от обширных полыней, продолжали идти вперед в сладкой надежде достигнуть до земли и не прежде решились на поворот, как поворотить уже почти нельзя было. На возвратном пути плавали мы, между прочим, на льдине по морю и едва-едва спасли самих себя с собаками и с малою частью путевых припасов». Потеря значительной части провизии, оставшейся на дрейфующем льду, ставила отряд Врангеля на грань голодной смерти. После второй неудачной попытки Козьмина достигнуть путешествующего вместе со льдами склада начальник экспедиции решил возвратиться к находившемуся в 360 верстах устью реки Большой Баранихи, где в балагане имелись запасы провианта.

«Мы, — писал Врангель, — отправились в обратный путь, предвидя печальную будущность, что наши собаки падут от голода по дороге, а мы принуждены будем кончить путешествие наше пешком, если не встретимся со вторым отделением экспедиции и не получим от него помощи».

Проехав 10 верст на запад, Врангель, находившийся, по его словам, в самом унылом расположении духа, встретился с Матюшкиным. Безусловно, был прав первый биограф исследователя — К. Н. Шварц, когда писал, что Матюшкин спас Врангеля от неминуемой голодной смерти. Его отряд был хорошо обеспечен припасами. Их было достаточно, чтобы всей экспедицией достигнуть Северного мыса — последней цели этого путешествия. Матюшкин сообщил Врангелю, что слышал рассказ старейшины о «Большой земле», жители которой питаются одним снегом.

8 апреля экспедиция вышла на восток и в этот же день достигла мыса Якан. Долго рассматривали в телескоп северный горизонт, но не обнаружили ни малейших признаков гор, которые видели чукчи. Матюшкин вызвался отправиться на поиски Северной Земли. На следующий день он пустился в путь, а Врангель занялся описью берега.

10 апреля начальник экспедиции достиг скалистого Северного мыса, на котором располагалось чукотское селение.

Поставленная перед Колымской экспедицией задача — закартировать северное побережье России от Колымы до мыса Северного — была выполнена. Тем самым еще раз доказывалась несостоятельность гипотезы о существовании перешейка между Азией и Америкой и подтверждалась справедливость выводов и открытий, сделанных предшественниками Врангеля — русскими землепроходцами и учеными.

14 апреля, продолжая картировать побережье Чукотки, Врангель описал устье реки Амгуемы и мыс Ванкарем. На следующий день он достиг Колючинской губы, где выполнил магнитные наблюдения и определил географическое положение острова Колючина. Невозможность добыть корм для собак и ухудшение дороги с наступлением весны вынудили Врангеля закончить исследования в этом пункте. «Хотя весьма неохотно, — писал он, — я решил отказаться от моего плана окончить опись северных азиатских берегов, но, с другой стороны, утешался мыслью, что тем не составит важной потери географии, ибо берега Берингова пролива и Ледовитого моря до острова Колючина уже были осмотрены и подробно описаны экспедицией Биллингса — Сарычева».

17 апреля Врангель направился на запад. Через три дня он добрался до селения на мысе Ир-Карпий, где

оставил запасы провианта на обратный путь. Они были в сохранности.

24 апреля путешественники достигли того места, откуда Матюшкин направился на поиски Северной Земли. Здесь второй отряд поставил крест с запиской для Врангеля. Матюшкин извещал начальника экспедиции, что его попытки достичь гор на севере были неудачными. Он всюду встречал широкие полыньи и смог пройти по льдам лишь 16 верст. Таким образом, Врангель получил новое доказательство своего предположения о том, что заприпайная полынья к востоку значительно приближается к берегу материка и соответственно уменьшается простираение твердого льда (припая). Это было выдающееся открытие. Доставленные русскими путешественниками сведения о Великой Северной полынье дали уверенность Норденшельду в успехе сквозного плавания по Северо-восточному морскому проходу, окончательное доказательство существования которого принадлежит Колымской экспедиции и ее начальнику Врангелю.

Рано утром 1 мая Врангель прибыл на мыс Шелагский, где пытался у чукчей получить съестные припасы, но старейшина сообщил, что ничем не может помочь, так как ни охотой, ни рыбной ловлей не занимается.

«Мы находились в самом затруднительном положении. Провиант и корм для собак, — писал Врангель, — совершенно у нас истощились, и запастись ими на пустынном берегу не было возможности. Даже чукчи, кочующие обыкновенно со своими оленями на острове Айоне, или Сабадее, от которых можно бы получить несколько припасов, удалились во внутренность земли. Утомленные трудными и большими переездами, собаки изранили себе притом ноги так, что оставляли за собою кровавый след. Некоторые из них были до такой степени измучены, что мы принуждены были положить их на нарты. В таких обстоятельствах продолжать путь оставалось только, следуя принятому здесь правилу, т. е. гнать собак и не давать им ни малейшего отдыха до того места, где есть надежда добыть корму. Так дотащились мы 3 мая до стана при устье Большой Баранихи, где нашли несколько провианта и достаточное количество корма собакам».

Два дня все участники путешествия отдыхали, лишь Врангель занимался астрономическими наблюдениями. 5 мая его отряд был снова в пути. Когда достигли Колымы, то увидели, что ее лед покрыт водой. Это очень затруднило езду. Голодные путешественники и изму-

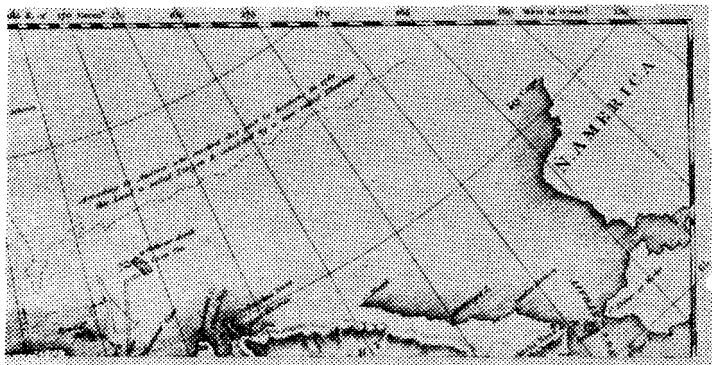
ченные собаки 10 мая дотащились до Нижнеколымска, пройдя за 78 дней 2300 верст. Здесь Врангеля уже ждал Матюшкин. Не найдя Северной Земли, он подробно описал Чаунскую губу и выполнил большое число астрономических определений для уточнения положения картируемых берегов.

«Коротко сказать,— писал Врангель Литке,— проникли и описали берег до острова Колючина, откуда Берингов пролив был от нас не более 3-дневной собачьей езды, и возвратились в Нижнеколымск мая 10-го, к радости и удивлению жителей, полагавших нас или поглощенными морем, или убитыми от чукоч. Хотя в самом деле ни того ни другого не случилось, однако их опасения легко могли сбыться. Ты мне поверишь, что не было возможности добраться до Берингова пролива, хотя мы и недалеко от него были: голодными и на едва шевелящихся собаках дотащились мы до Колымы. Теперь я не имею никакого сомнения, что есть на севере земля: сказания чукоч так согласны и утвердительны, что уже не искать, а найти следует».

На этом закончились исследования Колымской экспедиции. В середине июля Нижнеколымск покинули Матюшкин и Кибер. Врангель остался ждать чиновника из Якутска, чтобы в его присутствии произвести расчет с местными жителями. Наконец все дела были завершены. 1 ноября начальник экспедиции в сопровождении Козьмина покинул Нижнеколымск, жителям которого экспедиция во многом обязана своими достижениями. Врангель навсегда сохранил чувство признательности к обитателям этого северного края.

22 декабря 1823 года Врангель приехал в город Верхоянск, состоявший из пяти домов и одной церкви. Здесь он узнал, что Янская экспедиция во главе с Анжу несколько недель назад проследовала в Иркутск. Через пять дней путешественники добрались до Верхоянского хребта, у подножия которого пережили жестокий ураган. 10 января 1824 года Врангель достиг Якутска, где встретился с Анжу. Занимаясь расчетами, они прожили здесь четыре недели. 25 февраля руководители экспедиций добрались до Иркутска, а затем выехали в Петербург, куда прибыли 15 августа 1824 года.

В итоге трехлетних исследований Колымской и Янской экспедиций было исследовано северное побережье Сибири от реки Оленёк до Колючинской губы на протяжении 2240 итальянских миль и закартированы Новосибирские (к северу от Яны) и Медвежий острова (к севе-

Деталь карты Джона Кокрена (1824)

ру от Колымы). Выполненные описи и составленные карты основаны на многочисленных астрономических наблюдениях.

«Море, весь сей берег омывающее,— писал Сарычев,— осмотрено на такое пространство, на какое только состояние льда позволяло (от 30 до 165 миль); на сем пространстве не открыто никакой земли; но по достоверным сведениям, от чукчей полученным, есть причина заключать о существовании оной к востоку от Шелагского Носа». Сарычев поддержал точку зрения Врангеля о том, что эту «землю не искать, а найти следует», и спустя несколько лет предпринял попытку добиться снаряжения экспедиции для открытия земли, «высокие горы» которой местные жители видели с берегов мыса Якан.

Сарычев подчеркивал, что главнейшим достижением Колымской экспедиции «была опись берега Азии до острова Колючина (до коего осмотрен оный с востока экспедициею капитана Биллингса), следственно, конечное разрешение вопроса о несоединении Азии с Америкою».

Только в 1841 году Врангель издал «Путешествие» при участии известного издателя А. Смирдина и литератора Н. Полевого. Это произошло через 17 лет после окончания Колымской экспедиции. Одновременно Академия наук опубликовала «Прибавления к «Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Врангеля», содержащие в се-

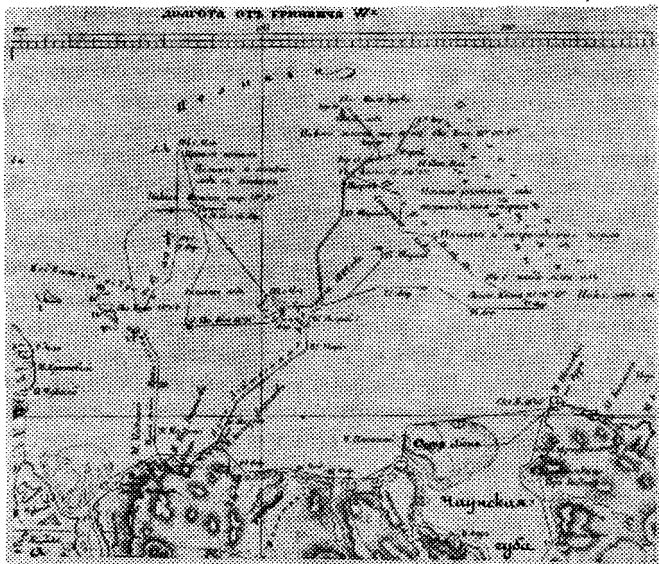
бе замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест с приложением 13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей. «Путешествие» и «Прибавления» к нему Академия наук удостоила высшей награды — Демидовской премии.

Врангель обнаружил «сгущение» магнитных линий в районе Колымы, что дало основание современникам говорить о существовании в этом районе второго магнитного полюса. На опыте санных поездок и путешествий по берегам океана, опираясь на наблюдения предшественников и сведения промышленников, Врангель описал льды Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Он первым отметил, что прибрежная часть Восточно-Сибирского моря замерзает только в конце октября и что лед взламывается и берега очищаются от льдов на исходе июня. В более мористых районах лед взламывается почти месяцем позже. В отдельные годы лед блокирует в течение всего лета сибирское побережье, что вполне согласуется с современными представлениями о ледовитости этого моря.

Врангель первым из путешественников открыл ледяные острова и дал их удивительно точное описание, во многих чертах совпадающее с теми данными, которые были доставлены учеными, исследовавшими эти образования в последние два десятилетия. Врангель установил границу распространения припая в Восточно-Сибирском и западной части Чукотского моря.

Исключительно важное влияние на развитие представлений о Северном Ледовитом океане оказало открытие Колымской и Янской экспедициями морской полыньи, впоследствии получившей название Великой Северной полыньи, которая и сегодня остается предметом научных исследований. На этом вопросе Врангель останавливался подробно в статье «Общие замечания о Ледовитом море», в «Путешествии» и в «Прибавлениях» к нему. По его мнению, морская полынья начинается к северо-западу от острова Котельного и тянется на юго-восток и тем более приближается к материку, чем ближе подходит к Якану.

Исключительно большое число достоверных фактов о существовании открытого моря послужило мощным импульсом к пересмотру прежних представлений о Северном Ледовитом океане. Врангель обратил внимание

Карта путешествий Ф. П. Врангеля
по льдам океана в поисках
Северного материка

на изменение физико-географических условий моря в зависимости от широты, влияние речного стока на соленость морских вод, зависимость прочности морского льда от степени солености морской воды, из которой он образовался. По словам известного советского океанолога и знатока Арктики Н. Н. Зубова, Врангель «дал в сущности первые описания полярных льдов» и состояния ледовой обстановки в северных морях в весенний период. Врангель пришел к чрезвычайно важному в научном и практическом отношении выводу об отступании моря, который подтверждается современными исследованиями.

Выдающимся вкладом в изучение климата северо-востока России явилась организация Врангелем и Матюшкиным систематических метеорологических наблюдений в Нижнеколымске, которые были использованы многими выдающимися русскими учеными.

Колымская экспедиция исследовала северное побережье России от реки Индигирки до Колючинской губы и тем самым продолжила опись экспедиции Биллингса, выполненную от Берингова пролива до Колючинской

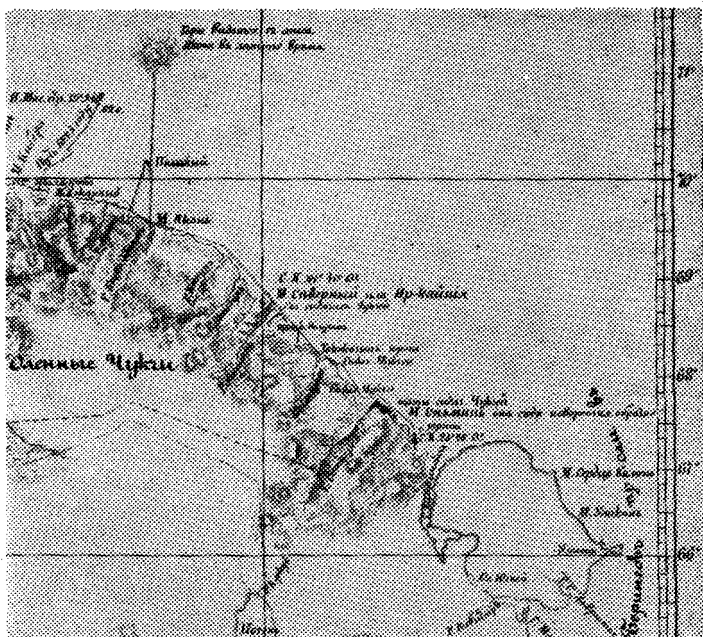
губы. Карта морских берегов, островов и внутренних районов северо-востока России опиралась на 115 астрономических пунктов. Это было выдающееся достижение. Впервые северо-восточные берега обрели настоящее очертание и была доказана неосновательность гипотезы Бурнея о соединении Азии и Америки. Вместе с тем достоверное исследование северо-восточных берегов имело важное значение для решения проблемы морского прохода «из Ледовитого океана в Тихий». М. В. Ломоносов, рассматривая возможности плавания из Атлантики в Тихий океан, отмечал, что северное побережье России от Архангельска до «устьев колымских» изведано морскими офицерами Второй Камчатской экспедиции. «Достальной берег от Колымы до устья реки Анадырь около Чукотского Носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается».

В другом месте своего «Краткого описания путешествий по северным морям» Ломоносов отмечал, что плаванием Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы вокруг Чукотки через Берингов пролив к устью реки Анадырь «несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий».

Однако в конце XVIII и начале XIX века плавание Дежнева было поставлено под сомнение. В обстановке горячих споров вокруг проблемы соединения двух материков исследования Врангеля между Колымой и Колычинской губой имели исключительную значимость. Они подтвердили вывод Ломоносова о том, что «Северный Сибирский океан с Атлантическим и Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами».

Врангель понимал, что доставил науке окончательное доказательство существования Северо-восточного морского прохода, но не акцентировал на этом внимание, говоря об итогах своих исследований. Для исследователя была не столь важна доля личного участия в решении великого вопроса. Важнее было другое. Тщательно изучая сведения о трудах своих предшественников, он пришел к исключительно интересному заключению, изложенному в первых строках «Путешествия»:

«Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым морем и Беринговым проливом, почти на 145° долготы по матерому берегу Северной

Карта путешествия Ф. П. Врангеля
в Колучинскую губу с нанесенными на ней
горами, видимыми в летнее время
с мыса Якан (остров Врангеля)

Европы и Сибири, открыто и описано россиянами. Все покушения мореплавателей других народов проникнуть Ледовитым морем из Европы в Китай или из Великого океана в Атлантический ограничены на запад Карским морем, на восток меридианом мыса Северного; непреодолимые препятствия, останавливавшие иностранцев в дальнейшем плавании, преодолены нашими мореходцами...»

По словам академиков К. М. Бэра и Э. Х. Ленца, в результате бесстрашных, исполненных мужества поездок горсточки русских моряков по льдам океана был утрачен «большой материк», который неоднократно Врангель именовал Северным материком. Выйдя на границу припая, а затем пройдя около 90 верст по дрейфующим льдам, Врангель, не боясь гнева петербургского начальства, заявил, что в расстоянии по крайней мере 300—500 верст к северу от сибирских берегов между Колымой и мысом Шелагским нет «матерой земли»

и что, судя по сведениям, полученным от чукчей, обширный остров имеется в море к северу от мыса Якан. Врангель верил в его существование. Еще находясь в Нижнеколымске, он составил «Проект о новой экспедиции для открытия и описи Северной Земли», черновик которого сохранился в архиве исследователя. По возвращении в Петербург он сообщил о своем намерении Сарычеву, но какого-либо решения не было принято, возможно, потому, что Врангель вскоре по предложению Головнина получил новое ответственное поручение.

Прошло пять лет после того, как в Петербург были доставлены сведения о земле, лежащей к северу от мыса Якан... Фердинанд Врангель успел побывать на Камчатке, в Русской Америке, обойти вокруг света на военном транспорте «Кроткий», с первого взгляда влюбиться в Ревеле в девушку удивительной красоты Елизавету Васильевну Россильон и написать книгу о скитаниях по льдам океана в поисках Северного континента, которая укрепила признание его ученых заслуг во всей Европе... Названия приметных мест на северо-востоке Сибири звучали для него волшебной музыкой до глубокой старости. Но сейчас путь к ним был заказан... Ему предстояло снова проехать через всю Сибирь и затем стать управляющим владениями Российско-Американской компании, или, иными словами, оказаться в роли своеобразного генерал-губернатора Русской Америки...

Между тем в научных кругах России не забыли о земле, которая находится к северу от мыса Якан. Вице-адмирал Гавриил Сарычев, возглавлявший в это время управление генерал-гидрографа Морского министерства, не мог согласиться, что Северного материка не существует... Врангель не нашел континента, но собрал от чукчей сведения о другой земле, лежащей к северу от берегов Чукотки.

В начале 1828 года Гавриил Сарычев делает представление Адмиралтейств-совету о снаряжении экспедиции для отыскания земли, видимой к северу от мыса Якан.

Адмиралтейств-совет признает его проект достойным уважения и решает просить власти Восточной Сибири собрать сведения от чукчей, действительно ли они имеют сообщение с неизвестной землей в Студеном море, а затем уже решить вопрос о посылке новой экспедиции.

19 апреля 1828 года морской министр по представлению Сарычева направил письмо генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Ловинскому, в котором просил

поручить якутским и колымским властям собрать сведения от чукчей, «действительно ли они имеют сообщение с вышеописанною землею и каким образом переезжают они на оную, то есть сухопутно ли зимним путем на собаках или оленях или летом водою на чукотских байдарах, дабы по указании таковых обстоятельств можно было приступить к назначению экспедиции как для осмотра и описи той земли, так и для географического определения оной».

Генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Ловинский через полтора месяца уведомил морского министра о том, что необходимые распоряжения сделаны. Расспросы предполагалось собрать во время зимней ярмарки в селе Островном, куда ежегодно приезжали чукчи. 4 июня 1829 года в Петербург прибыли наконец интересные сведения. В них приводились рассказы, которые независимо друг от друга собирали у жителей Чукотки колымский окружной исправник Тарабукин и священник нижнеколымской миссии Трифонов. Показания о неведомой земле в общей сложности давали семеро жителей Чукотки. Их рассказы были переведены и записаны переводчиком Кобелевым и его учениками — казаком Петром Киприяновым и юкагиром Григорием Востряковым. Все семеро чукчей единодушно заявили, что им достоверно известно о существовании земли к северу от мыса Якан.

6 марта 1829 года чаунский тойон и богач Николай Ятыргин показал, что «землю, лежащую на немалое пространство к северу на Ледовитом море, представляющую с несколькими падами горы, весной и летом в тихий ясный день с мыса Якана совершенно они видают, но по ненадобности и неудобству пути никакого сообщения с ней не имеют».

Ятыргин не видел непреодолимых препятствий на пути к этому острову и считал январь и февраль наиболее подходящими месяцами для достижения его берегов на собачьих упряжках, так как именно в это время чукчи очень часто наблюдают стада оленей, переходящих со стороны видимой земли. В остальное время года, по словам Ятыргина, море бывает наполнено носимыми по нему льдами.

Особенно замечательно показание жителя острова Айон, лежащего в устье Чаунской губы, Инокхея. Ему вместе с отцом пришлось долгое время жить вблизи мыса Якан, и он «землю, лежащую на Ледовитом море к северу в виде гор, весной и летом неоднократно сам видел».

К этой же группе показаний следует отнести и замечание проводника Колымской экспедиции отставного сотника Антона Татарина, который, между прочим, сообщил, что встреченный Врангелем старый чукча поведал им о земле с высокими горами, которую в прежнее время посещали его соотечественники, «но никаких признаков людей никогда не видали».

В приведенных рассказах идет речь об острове Врангеля с его высокими горами, которые жители Чукотки, безусловно, видели с возвышенных мест вблизи мыса Якан.

Так, Михайло Третьяков (Вевтугитьке) рассказывает со слов предков об обширной обитаемой земле, о множестве людей, которые плавают летом на байдарках, ездят зимой на нартах и «разговаривают между собой на другом наречии, которое видившиеся с ними чукчи нисколько не понимали». О пространственной и многолюдной земле рассказывает и Семен Третьяков (Вевтушке). Жители этой земли, по его словам, курят табак, который, вероятно, получают от поселившихся там русских людей.

Чукча Нухай, родственник тойона Ятыргина, описывает подробности посещения их юрты неизвестными людьми, якобы жителями земли, что лежит к северу от мыса Якан. Указание на употребление незнакомцами кирагульского языка и описание их одежды свидетельствуют о том, что, по-видимому, в рассказе идет речь о приходе на чукотскую землю эскимосов Аляски. Тот же самый Нухай рассказывал далее, что больше он не слышал, чтобы снова зимой приходили люди с неведомой земли в Ледовитом море. Он же поведал, что переправляться по проливу трудно, так как и летом по его волнам носятся льды, а замерзает пролив в январе не более чем на месяц, «иногда гораздо менее, а также другим годом совсем не смыкается». Что касается острова, расположенного против мыса Якан, то «видна бывает через обширный пролив земля в апреле последних числах». При этом расспросе присутствовал чукча Гачолен, который заметил, что на острове имеется камень, подобный столбу.

Исправник Тарабукин и священник Трифонов собирали сведения о неведомой земле у чукчей, которые приезжали на ярмарку в село Островное и, как правило, принадлежали к чукотской верхушке. Из семи чукчей, к которым обращались колымские власти, двое являлись тойонами (Ятыргин и Леут) и один был их родственни-

ком. Вероятно, чукчи Третьяковы, Гачолен и Инокхей составляли их окружение, так как присутствовали при расспросах. Чукотская верхушка уже неоднократно получала от местных властей ценные подношения. Рассказывая о неведомой земле, чукчи, естественно, старались преувеличить ее размеры и населить многочисленным народом, хотя осторожности ради, говоря о населении неведомой страны, они, как правило, ссылались на то, что эти сведения ими получены от предков. Вероятно, Ятыргин, Леут и их соотечественники предполагали, что обширная, богато населенная земля вызовет наибольший интерес у царских властей и их сведения будут оплачены возможно более щедрыми подношениями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что к реалистичным, правдивым, впоследствии полностью подтвердившимся сведениям о земле к северу от мыса Якан, о состоянии моря между материком и этим островом, о случаях перехода по льду пролива оленей следуют добавления, в которых предания чудодейственно сочетаются с действительностью.

Сарычев вскоре умер.

Расспросы чукчей не были серьезно проанализированы в Петербурге, в частности в Гидрографическом департаменте.

В 1832 году полковник Вилламов, снискавший недобрую память своим притеснением прогрессивных моряков и ученых в Морском министерстве, закрыл дело о посылке экспедиции на землю к северу от мыса Якан. Он нашел, что сведения чукчей «основаны большею частью на преданиях и догадках, достоверного же в себе ничего не заключают». В той же записке утверждалось, что лейтенант Врангель, который в 1821—1823 годах занимался поисками неведомой земли, в журнале путешествия «говорит, что нельзя ни утверждать, ни опровергать существование оной». Эта мысль была действительно высказана Ф. П. Врангелем, но она относится не к земле к северу от мыса Якан, а к Северному матерiku, который он искал к северу от Колымы и мыса Шелагского... За эти слова Врангеля будут неоднократно бранить, одни по недомыслию, другие из нежелания примириться с отсутствием полярного континента, и многие забудут о том, что Врангель приготовил своему преемнику все возможности к открытию земли, лежащей к северу от мыса Якан. Но прежде чем она была открыта, произошло немало любопытных приключений с легендой о Северном материке.

Проекты, гипотезы, открытия

После окончания деятельности Колымской и Янской экспедиций проблема Северного материка на целых два десятилетия несколько утрачивает свою притягательную силу. Собственно, 20 лет для проблемы, возраст которой насчитывал несколько столетий, не имели большого значения. Север на некоторое время оказался забытым не столько по вине ученых, сколько по высоким соображениям русского и английского правительств, в первой четверти века в некотором роде соревновавшихся в решении полярных проблем.

Вероятно, это равнодушие продлилось бы значительно больше, если бы знаменитейший английский путешественник Джон Франклин не отправился в 1845 году на кораблях «Террор» и «Эребус» искать Северо-западный проход из Атлантического океана в Тихий.

Он уже трижды побывал в краю ледяного безмолвия. Тридцати двух лет он направился на север от Шпицбергена, но льды не пропустили его. Несмотря на неудачу, романтика Арктики завладела его душой. С этого дня он только и мечтал о том, чтобы снова увидеть ледяные просторы Севера. Счастье улыбнулось ему, и на следующий год он отправился исследовать восточное арктическое побережье Канады. Пурга и мороз преследовали путеше-

ственников, не хватило продовольствия. Франклин и его спутники питались мохом и съели все, что можно было употребить в пищу, даже ботинки. Смерть смотрела им в глаза, но они не сдались. Они не теряли надежды. И чудо свершилось, оно явилось в образе индейцев, которые дали обессиленным путешественникам приют и пищу.

И после всего перенесенного Джон Франклин не успокоился. Едва оправившись от цинги, он снова отправился в Арктику, чтобы исследовать северные берега Америки. Плывая в шлюпке, он описал около 600 километров побережья Ледовитого океана. В награду за этот подвиг английское правительство отправило знаменитого путешественника губернатором на остров Тасмания. Исследователь страны снегов и льдов оказался под тропическим солнцем. Семь лет он вместе с женой и дочерью жил на Юге, мечтая о ледяном воздухе и холодном солнце Севера. Уже пожилым человеком он вернулся в Англию и добился своего назначения в новую арктическую экспедицию.

В солнечный майский день 1845 года корабли экспедиции Франклина покинули Темзу.

В сентябре 1845 года в Англию вернулось вспомогательное судно, которое сопровождало их до западных берегов Гренландии.

Джон Франклин был полон светлой веры в счастливый исход своего путешествия. Он просил близких и коллег не беспокоиться о нем. Странствователи надеялись летом будущего года послать о себе вести с берегов Камчатки. Две недели спустя капитан одного китобойного судна видел корабли Джона Франклина на $74^{\circ}40'$ северной широты и $68^{\circ}13'$ западной долготы. Путешественники ждали, когда льды разредятся и пропустят их дальше, к Северу.

Затем наступило молчание. Прошли лето и осень 1846 года, а корабли Франклина не возвращались. По видимому, они остались на вторую зимовку в Арктике. Наступила навигация 1847 года, и опять «Эребус» и «Террор» не появились с победной вестью. Всем было известно, что экспедиция Джона Франклина рассчитана на три года, и сначала относились спокойно к отсутствию известий. Но по мере того как проходил год за годом, тревога за судьбу путешественников возрастала.

Одна за другой стали снаряжаться Англией спасательные экспедиции. Два корабля должны были искать Франклина со стороны Берингова пролива. Министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон обратился

через русского посланника в Лондоне с просьбой к правительству России, чтобы Российско-Американская компания, ведавшая Аляской, оказала «содействие к успешному достижению цели великобританского правительства» и приютила тех «злополучных моряков» экспедиции Франклина, которым удалось достигнуть русских владений в Америке.

Россия внимательно и дружелюбно отнеслась к просьбе английского правительства. Главное правление Российско-Американской компании немедленно дало следующее указание главному правителю русских владений в Америке:

«1) Употребить всевозможное старание к собиранию сведений о погибших судах и людях, какие могут доставить туземцы, обитающие около Берингова пролива;

2) приготовить несколько байдарок при надежных опытных алеутах для передачи оных в полное распоряжение начальника английской экспедиции, если она прибудет в Ситху...»

Российско-Американская компания приглашала «всех и каждого» приложить старание к отысканию следов как экипажей, так и самих судов экспедиции Франклина. Было обещано, что «тот, кто и кого-либо из тех людей в безопасности доставит к ближайшему компанейскому селению, будет достойно награжден».

Когда Джон Франклин отправлялся в свою последнюю экспедицию, вопрос о том, находится ли в околополюсном районе исполинский Северный континент или там «плещется необозримый океан», снова стал самой важной задачей для географов.

Поиски следов экспедиции Франклина внесли некоторые коррективы в прежние представления. Ряды защитников открытого полярного моря значительно пополнились. Но полярные исследователи не отказались от мысли открыть Северный материк и убедиться, что к северу от мыса Якан действительно находятся горы неведомой земли, возможно являющейся самым южным мысом нового материка.

В надежде отыскать Джона Франклина летом 1849 года в водах к северу от Берингова пролива появились корабли «Геральд» и «Пlover» под командой Келлета и Мура. Сначала они направились на северо-восток, но, миновав Ледяной мыс, открытый Куком, встретили мелководье. Корабли повернули на запад и вскоре расстались, решив вести поиск отдельно. Капитан Келлет приказал идти на северо-запад, держа

курс на остров, который был помечен на русских картах к северу от мыса Якан.

17 августа с марса раздался крик: «Земля!» Впереди, как казалось морякам, располагалась группа островов, а за нею капитан Келлет увидел высокие горы еще большей земли. Но никто из его спутников ее не замечал. И Келлету казалось, что игра воображения вводит его в заблуждение. Но вот и другие моряки заметили эту высокую землю.

Между тем корабль легко продвигался вперед среди редких льдин. Светило солнце, воздух был необыкновенно прозрачен. Было видно, как над неизвестными человеку островами клубятся облака, сквозь разрывы которых, по словам очевидца, проглядывают «высокие вершины с ясно выступавшими колоннами, пилястрами и закругленными формами, характерными для здешних мест».

Вскоре выяснилось, что первое впечатление было ошибочным.

Пройдя около 25 миль, Келлет привел свой корабль не к группе островов, а к отдельному острову. То, что первоначально казалось островами, на самом деле были вершины гор в глубине открытой земли...

Как только приблизились к острову, погода испортилась. По небу побежали тучи, ветер засвежел. Он неумолимо бросал хлопья мокрого снега в лица моряков, боявшихся потерять из виду остров, окруженный льдами. Пробовали отдать якорь, но он не достал дна. Тогда судно легло в дрейф, и капитан Келлет на двух шлюпках направился к земле, на которую еще не ступала нога путешественника.

Ветер гнал и сталкивал льдины. Моряки долго и с трудом лавировали между ними, прежде чем ступили на юго-восточную оконечность острова, которому в честь судна экспедиции было присвоено имя Геральд. Оно сохранилось на современных картах.

Моряки были правы, когда считали, что сделали географическое открытие, не повторив одной из многочисленных ошибок, в которые нередко впадали путешественники при открытиях островов в Северном Ледовитом океане.

Весть об открытии острова Геральда вскоре облетела весь мир. Мысли ученых и стремления путешественников обратились к вершинам тех гор, которые видел Келлет и его спутники на западе от открытого ими острова. Они считали, что виденные ими горы составляют

часть «той самой горной цепи, которую наблюдают туземцы с мыса Якан, как об этом рассказывает Врангель в описании своих полярных путешествий. Эта земля, по сибирскому преданию, населена неизвестным доныне народом».

Итак, через четверть века после окончания экспедиции Врангеля Северная Земля, которую Келлет назвал Землей Пловера, становится реальностью. Теперь о ней говорят не только чукчи и русские. Достоверность ее существования подтверждают английские моряки и ученые. Мечты об открытии Северного континента снова обретают свою притягательную силу. А что, если Джон Франклин вышел со стороны Атлантики в свободный ото льдов Полярный бассейн, достигнув беспрепятственно его берегов?

Такая мысль приходит лейтенанту королевского флота Бедфорду Пиму. Он представляет проект поисков, который получает одобрение главного гидрографа британского флота адмирала Бофорта и других выдающихся мореплавателей.

7 ноября 1851 года президент Королевского географического общества и действительный член Российской Академии наук Родерик Мурчисон обращается к министру иностранных дел России графу Карлу Нессельроде с просьбой поддержать этот проект поисков исчезнувшей экспедиции Франклина. Через 11 дней Бедфорд Пим, только что участвовавший в плавании к северу от Берингова пролива на судне «Геральд», выезжает в Петербург. Он надеется предстоящей зимой достигнуть устья реки Колымы и затем в продолжение 2—3 лет заняться исследованием морей и островов, находящихся к северу от Сибири.

Лейтенант Пим полагает, что экспедиция Франклина, пройдя проливом Веллингтон, вышла в полынью, более или менее свободную ото льда, и направилась в сторону Берингова пролива. Но на своем пути она встретила Предполагаемую Землю — барьер из суши и льда, протянувшийся через Северный Ледовитый океан от островов Парри в район Новой Сибири. Он не позволил пройти Франклину к северным берегам Азии, и, вероятно, исчезнувшая экспедиция находится на одном из островов этой гряды...

Мысль о том, что следы экспедиции надо искать именно в этом районе, пришла Пиму после знакомства с отчетами о путешествиях Врангеля, Анжу и Матюшкина. Английский мореплаватель предполагал направить-

ся на север маршрутом этих путешественников и в основных чертах повторить их поездки. Он был уверен, что, опираясь на новые успехи географии и на приобретенный человечеством за последние 30 лет арктический опыт, завершит то, что не удалось сделать этим выдающимся офицерам.

Лейтенант Пим верил в существование Северного материка. Правда, в отличие от старинных русских и западноевропейских карт он изобразил его очертания в виде почти сплошной гряды, пересекающей примерно на $76-78^{\circ}$ северной широты Ледовитый океан от островов Парри до меридиана реки Колымы.

Это совершенно новый вариант очертаний Северного континента, протянувшегося почти параллельно северо-восточным берегам Азии и северным берегам Америки. Только отправная точка его находится в том же районе, как и предполагалось, именно к северу от Колымы и Чукотки. Земли Врангеля, Пловера и Геральда не были включены в состав материка, как это в скором времени сделал Петерман. Пим верил в существование открытого моря, находящегося за неким ледяным барьером. Ему представлялось, как видно из его карты, что Франклину удалось подняться значительно выше 80° северной широты, пройти в околополюсном пространстве до меридиана Берингова пролива и затем спуститься к берегам Предполагаемой Земли.

Препровождая в Петербург проект Пима, Родерик Мурчисон писал, что леди Джейн Франклин не только одобрила проект Пима, которого он сам считает опытным полярным исследователем, но и просила его, как президента Королевского географического общества и старого друга ее мужа, осуществить тщательный поиск на берегах Сибири, прежде чем расстаться с надеждой отыскать следы отважных мореплавателей. На его осуществление она дала со своей стороны 300 фунтов стерлингов в добавление к сумме, выделенной правительством.

Русское правительство разрешило Бедфорду Пиму посетить северо-восточные окраины России, но с тем условием, что все расходы по экспедиции он возьмет на себя, не рассчитывая на материальную поддержку местных властей. Сумма, которой располагал Пим, была недостаточна для оплаты расходов по путешествию. Пим решил искать Франклина со стороны пролива Смита. Следов исчезнувшей экспедиции он не обнаружил, но зато спас от смерти знаменитого английского путешественника Мак-Клура, который занимался поисками

своих соотечественников со стороны Берингова пролива.

В те самые годы, в которые Бедфорд Пим вынашивал свой план и затем пытался добиться его осуществления, по побережью северо-востока России разъезжал член Русского географического общества священник Аргентов, который пытливно собирал сведения о географии Чукотки. В 1857 году он опубликовал любопытные путевые записки, а затем свое внимание сосредоточил на той самой земле, на которую первым мечтал ступить Бедфорд Пим. Аргентов посвятил этому важному вопросу несколько статей и отдельное сочинение, которое при поддержке Ф. П. Врангеля вышло в свет в 1861 году в «Записках Русского географического общества».

Он утверждал, что за полосой Ледовитого моря против берегов Восточной Сибири существует Полярная Северная Земля. Он не называл ее континентом и предполагал, что на запад она протянулась во всяком случае не дальше Новой Сибири, а скорее всего находится несколько восточнее. Доказательств у Аргентова много, и некоторые из них так же стары, как и предание о Северном материке. Во-первых, он провел целое лето 1850 года на берегах между рекой Яной и Шелагским мысом и ни разу не заметил суточного прилива, хотя систематически следил за этим явлением. Наблюдались лишь нагоны воды, вызванные крепкими или продолжительными ветрами северных направлений. Между тем Аргентов обращал внимание на тот факт, что Петр Анжу на северных берегах Новосибирских островов заметил наличие правильных суточных приливов. Это явление наблюдалось промышленниками в Благовещенском проливе, отделяющем остров Фаддеевский от Новой Сибири. Но этого явления никто не замечал на азиатских берегах. Следовательно, Новосибирские острова гасят приливную волну, и поскольку дальше на восток до Шелагского мыса приливы отсутствуют или чрезвычайно ничтожны, то вероятно, Ледовитое море замкнуто с севера обширной «твердью» или цепью островов. Второе доказательство Аргентов видел в том, что льды под воздействием ветра то удаляются в необозримую даль, то снова возвращаются к сибирским берегам. Это происходит потому, что дальше к полюсу их не пускает Большая Земля. Затем, за великой полыньей лед находится в неподвижном состоянии, следовательно, там находится «отмель или цепь островов, но никак уже не океан открытый». Следующее доказательство не менее оригинально. Киты осенью возвращаются из Ледовитого моря большими

стадами вдоль сибирских берегов в Берингов пролив потому, что открытая вода у Северной Земли замерзает раньше и киты волей-неволей вынуждены опускаться в прибрежные воды Чукотки. Пятое доказательство наблюдал еще Кук, а затем сам Аргентов. С Севера летело осенью огромное множество различной птицы, которая садилась на длительный отдых в Колымской тундре, что давало повод предполагать об отдаленности той земли, с которой эти птицы прилетели. Зимой, вероятно, с той же «тверди» приходили по замерзшему морю стада оленей, песцы и даже мыши (лемминги).

Не были забыты ни предания, ни температурные данные, ни, наконец, свидетельства Андреева, чукчей, Якова Санникова, Фердинанда Врангеля и капитана Келлета. Аргентов сообщает весьма любопытный факт. Оказывается, в том самом месте, на северо-восток от острова Фаддеевского, кроме Якова Санникова неоднократно гористую землю видели «другие промышленники, весьма часто, до 1842 года, посещавшие Новосибирские острова».

«Некоторые из промышленников, ездивших на Новую Сибирь,— писал Аргентов,— были мне знакомы лично; они передали, что усматриваемые горы в море бывают видимы временно и что горы эти иногда показываются весьма явственно, как бы отстоящие только на 60 верст», совершенно так же, как иногда с азиатского берега виднеются Деревянные горы Новой Сибири, находящиеся на расстоянии 400 верст. Аргентов приходит к важному выводу, что расстояния в Арктике благодаря прозрачности атмосферы и преломлению солнечных лучей чрезвычайно сдвинуты и те объекты, которые кажутся отстоящими на 60—70 верст, в действительности находятся значительно дальше.

Аргентов заканчивает свою статью следующими словами:

«Изложив здесь все имеющиеся у меня данные о существовании Северной Земли, я в особой статье представляю мое мнение о возможности достижения предполагаемого полярного материка и передам при этом мои условия, в какое время и при каких способах можно отправить ученую экспедицию, которой, может быть, суждено будет кроме открытия Северной Земли достигнуть недосыгаемых доселе пределов Северного полюса».

Спустя 8 лет на Чукотке побывала русская экспедиция. Она не искала полярный материк Аргентова, но еще

раз установила, что чукчи давным-давно имели сведения о земле, лежащей к северу от мыса Якан, и о проливе, отделяющем этот остров от Азиатского континента.

Вопрос о том, находится ли в районе полюса открытое море или Северный континент, продолжал волновать ученых как России, так и Европы и Америки.

«Самая трудная для решения и интересная географическая задача, — писал об этом периоде полярных исследований Фр. Гельвальд, — представляет ли Северный полюс обширный материк, или же там плещется необозримый океан? Если материк, то, по всему вероятно, Гренландия принадлежит к нему в виде полуострова, и в таком случае воды на севере Американского континента должны быть названы Средиземным морем».

Эту задачу пытались решить экспедиции, искавшие Джона Франклина, и экспедиции, пытавшиеся проникнуть на судах в околполюсный район со стороны пролива Смит и Гренландского моря. Но ни одна из них не увидела признаков континента в Ледовитом океане. Не обнаружил загадочной суши и знаменитый Мак-Клинток, на долю которого выпала честь первому найти следы экспедиции Франклина. Вместе с тем путешественники доставили много фактов о том, что они наблюдали на севере пространства открытой воды. Снова была гальванизирована гипотеза о том, что за ледяным барьером, заканчивающимся где-то около 83° северной широты, лежит свободное от льдов море. Эту идею начиная с 1852 года особенно ревностно пропагандировал немецкий географ Август Петерман, который впоследствии приобрел мировую известность благодаря изданию географического ежемесячника. Ее поддержали американские полярные исследователи Кэн, Хайс, Мортон. Они также придерживались той точки зрения, что «существует обширное, свободное от льдов полярное море внутри охватывающего его ледяного пояса».

Предпринимались попытки на основе наблюдений Александра Гумбольдта и Врангеля доказать, что температура у полюса примерно на 5—6 градусов выше, чем в районе полярного круга, что море там в течение многих месяцев совершенно открыто. На основе этих изысканий в Англии родился проект путешествия. Его автор, некто Гиксон, доказывал, что «плавание из Лондона до полюса при свободном и открытом от льдов море может быть совершено на пароходе за 6 недель».

Идею Гиксона поддержали президент Английского королевского географического общества Родерик Импи

Мурчисон и Джейн Франклин. В том же 1865 году Мурчисон, который в 40-х годах путешествовал по Европейской России и составил геологическое описание посещенных мест, обратился за поддержкой к полярному исследователю Ф. П. Литке.

Мурчисон был верным другом нашей страны и с гордостью носил звание ординарного академика петербургской Академии наук. Он сохранил до конца своих дней дружественные связи со многими выдающимися учеными России, и каждый из них, кто приезжал в Англию, встречал гостеприимство и добросердечие Родерика Мурчисона. Он знал, что в России любят и ценят его, и поэтому в 1865 году обратился к русским ученым за поддержкой в осуществлении проекта экспедиции к Северному полюсу. Родерик Мурчисон писал Ф. П. Литке:

«Дорогой адмирал, географы и моряки — ученые моей страны — при моей горячей поддержке и сочувствии решили побудить наше правительство снарядить экспедицию для исследования северных полярных областей. Я позволю себе надеяться, что теперь, когда президентом С.-Петербургской Академии наук является такой известный моряк-исследователь, как Вы, мои сочлены по Академии на берегах Невы будут приветствовать наш замысел».

Англичане намеревались проникнуть в пролив Смит на двух паровых кораблях и, остановившись там на зимовку, исследовать западный берег Гренландии до самых северных пределов. Мурчисон и его коллеги собирались также обсудить вариант проекта известного географа Петермана, предлагавшего послать полярную экспедицию к полюсу, прямо на Север, между Шпицбергом и Новой Землей, откуда, как он надеялся, легче будет одолеть ледяные поля и выйти в «полюнью Врангеля и Русских».

Одна группа английских ученых придерживалась точки зрения Петермана, другая же считала наилучшим план посылки экспедиции к полюсу через пролив Смит.

Родерик Мурчисон хотел узнать мнение русских ученых об этих вариантах плана и одновременно заручиться поддержкой петербургской Академии наук.

«Я, — писал он Ф. П. Литке, — буду весьма благодарен Вам, если Вы представите все это дело на рассмотрение Академии, а также Географического общества. Мне кажется, что со стороны моих русских коллег попытка разрешения этой великой задачи встретит горячее сочувствие, и если мои предложения справедливы, то наши

шаги, направленные к убеждению британского правительства и Адмиралтейства в важности предприятия, получают мощную поддержку, когда к ним присоединятся ученые России. Если бы мне дано было увидеть единение русских и британских моряков в общих усилиях достичь Северного полюса и полыньи Ваших соотечественников, то я сердечно порадовался бы, что в мои старые годы мне удалось вновь спаять истинную международную дружбу, которой я был свидетелем. Эта цель всегда близка моему сердцу, и я никогда не упускаю ни одной возможности ей содействовать».

Академия наук поручила Карлу Бэру, Адольфу Купферу, Григорию Гельмерсену и Алексею Савичу подготовить заключение на проект английской экспедиции к Северному полюсу. Через 18 дней после отправления письма Мурчисона из Лондона физико-математическое отделение собралось для обсуждения составленного русскими учеными проекта.

Бэр, Купфер и их коллеги от имени Академии приветствовали намерение английских ученых возобновить исследование полярных областей.

Они полагали, что главной задачей проектируемых полярных исследований должно быть решение вопроса о том, «находится ли вокруг полюса обширное море или еще значительное пространство суши». Русские ученые считали, что достижение полюса через пролив Смит будет весьма затруднено, хотя этот район значительно лучше известен английским морякам и ученым благодаря многолетним поискам экспедиции Франклина. Бэр, Купфер и их коллеги склонялись «к точке зрения русских промышленников, научно обоснованной и защищаемой адмиралом Врангелем, именно что вокруг полюса нет постоянного сплошного ледяного покрова».

Они отдавали предпочтение посылке экспедиции по пути, идущему на север между Новой Землей и Шпицбергом (Земля Франца-Иосифа тогда еще не была открыта). Именно в этом районе, казалось им, экспедиция будет иметь больше возможностей достигнуть великой цели. Между тем русские ученые предостерегали своих английских собратьев от излишних иллюзий относительно легкости ледовых условий у восточных берегов Шпицбергена. Основываясь на сведениях, которые доставляли русские промышленники, они указывали, что нередко в этом районе бывает сложная ледовая обстановка, когда у восточного побережья архипелага держатся гигантские ледяные поля. И все же Бэр, Купфер,

Гельмерсен и Савич находили, что плавание к полюсу по курсу, пролегающему на север между Новой Землей и Шпицбергенем, будет сопряжено с меньшим риском для людей и кораблей, чем плавание к северу от пролива Смит. Даже если бы суда попали в ледовый плен, экспедиции не угрожала бы смертельная опасность, потому что они, вероятно, следующей весной были бы вынесены течением к югу, где теплые воды вскоре освободили бы их от ледяных оков. «Подобной надежды, — отмечали они, — почти совсем не существует в североамериканских проливах. За это говорит трагическая участь сэра Джона Франклина».

Русские ученые не раз подчеркивали, что главной задачей проектируемой полярной экспедиции должно быть исследование вопроса «о водном пространстве вокруг полюса, который имеет величайшее значение для метеорологии и учения о земном магнетизме. Это путешествие — и это уже немалое достижение — опровергло бы многие нелепые гипотезы». В своем заключении они писали о том, что существует несколько различных предположений о природе в районе Северного полюса. Одни считали, что там мягкий климат, другие предполагали существование «полярной ледяной шапки». Главную цель английской экспедиции они видели не в том, чтобы достигнуть самой северной точки земного шара. «Дело ведь не в самом полюсе, — писали они. — Это такая же точка, как и все другие». Самым ценным русские ученые считали получение широких достоверных сведений о природе еще неизвестной в те времена Центральной Арктики.

Путем, предложенным Бэром, Купфером, Гельмерсеном и Савичем, спустя несколько лет направилась на Север австрийская экспедиция и открыла Землю Франца-Иосифа.

Существование этой земли было предсказано русским ученым-моряком.

В 1865 году в знаменитом журнале «Морской флот» появилась статья офицера Русского флота Николая Шиллинга «Соображения о новом пути в Северном полярном океане». В ней ставился вопрос о принципиально новом подходе к изучению ледовитых морей, поскольку последние почти совершенно неизвестны. На первый план Шиллинг ставил не достижение рекордов, а решение научных задач, в числе которых первое место должно принадлежать изучению метеорологических и гидрологических условий северных морей. Одновремен-

но Н. Шиллинг высказал предположение о существовании обширной земли на севере, в районе между Шпицбергом и Новой Землей. «Вряд ли,— писал Шиллинг,— одна группа островов Шпицбергена была бы в состоянии удержать огромные массы льда, занимающие пространство в несколько тысяч квадратных миль, в постоянно одинаковом положении между Шпицбергом и Новой Землей. Не представляет ли нам это обстоятельство, равно как и относительно легкое достижение северной части Шпицбергена, право думать, что между этим архипелагом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собой».

Гипотеза Шиллинга вскоре была подтверждена открытием Земли Франца-Иосифа.

Итак, один проект сменялся другим, робкие предположения поглощались смелым полетом фантазии. Одни по-прежнему защищали свободное Полярное море, другие рисовали на карте очертания Северного континента. Постепенно судьба экспедиции Франклина отступила на второй план. Первенство принадлежало стремлению решить главнейшую географическую задачу XIX века: простирается ли к северу от берегов Сибири погребенная подо льдом, подобно Антарктиде, суша, или там находится глубокий океан? Возродилась гипотеза о средиземном полярном море.

В 1864—1865 годах один французский журнал напечатал роман Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» — увлекательное повествование о полярном исследователе, стремившемся первым ступить на сушу на Северном полюсе. Он верил, что на Севере путешественников ждет «обетованная земля».

«Нетрудно догадаться, почему Гаттерас так страстно хотел найти сушу у Северного полюса,— писал Жюль Верн.— Какое разочарование испытал бы капитан, если бы там, где он мечтал увидеть хоть клочок земли, расстился безбрежный простор океана. И в самом деле, разве можно дать какое-то особое название точке среди вечно меняющейся зыби? Разве можно водрузить национальный флаг среди морских волн?»

Капитану Гаттерасу довелось увидеть и Северный материк, за ним свободный ото льдов Полярный бассейн, и, наконец, небольшой огнедышащий остров на самом Северном полюсе.

Но то было в романе... В действительности еще предстояло узнать, находится ли в центре Арктики

материк, или там раскинулось безбрежное открытое море...

А пока путешественников ждали выдающиеся открытия в тех районах, где, по убеждению русских людей, существовали земли...

Летом 1867 года судьба забросила китолова Лонга к берегам Чукотки. Не встречая льдов, он на китобойном барке «Нил» достиг Шелагского мыса. Отсюда он повернул на север, надеясь встретить китов или моржей и нисколько не мечтая об открытии той земли, которую так мужественно и настойчиво искал Фердинанд Врангель. Но не было видно ни морских зверей, ни признаков острова. Встретив лед, он повернул на восток. Прошло немного времени. С вахты дали знать, что впереди виднеются не то странные, необычные облака, не то горы... Лонг поднялся на мостик и отчетливо увидел на краю горизонта контуры далекой земли. Спустилась ночь, почти такая же светлая, как и день. Только на некоторое время на иссинне-голубом небе появилась серебряная россыпь звезд. Потом утренняя заря сменила вечернюю. Когда солнце снова поднялось над горизонтом, капитан Лонг опять увидел землю. Нет, то был не мираж, не призрак...

В половине десятого утра 15 августа 1867 года Лонг остановил лед. В это время его судно находилось в 18 милях от западных берегов земли, о которой Врангелю рассказывали чукчи. Погода стояла солнечная, безветренная, и Лонгу удалось прекрасно определить местоположение своего корабля и вычислить координаты юго-западной оконечности этой земли. Она находилась на $70^{\circ}46'$ северной широты и $178^{\circ}31'$ восточной долготы. По словам Лонга, низменные части этой земли не были покрыты снегом. Ему даже казалось, что он видит зеленый ковер не то травы, не то пышной растительности.

«С 15 по 16 августа, — рассказывал Лонг, — мы плыли вдоль этой земли в восточном направлении и подходили к ней на расстояние 15 миль. Погода была замечательно ясная и тихая, и мы могли хорошо рассмотреть среднюю и восточную части этой земли. Почти на середине острова, приблизительно на 180-м меридиане, была видна гора, напоминавшая своим видом потухший вулкан». Лонгу на глазок казалось, что высота ее достигает 2480 футов...

Вскоре китолов достиг юго-восточного мыса земли. Лонг не мог определить, как далеко она простирается к северу. Перед ним лежал лед, который не в силах было

одолеет его китобойное суденышко. Но с марса было видно, что горные хребты тянутся далеко в глубь этого острова, который Лонг справедливо назвал именем Фердинанда Врангеля.

Но отнюдь не все были довольны тем, что земля, находившаяся к северу от Чукотки, была названа именем Врангеля. Австрийский профессор-геолог Фердинанд Гохштеттер, докладывая Венскому географическому обществу, президентом которого он являлся, об открытии Лонга, не смог сдержать своего негодования. Он возмущен поступком американского китолова: как смел Лонг увековечивать имя путешественника, который отрицал существование земли к северу от мыса Якан! Тем более, если углубиться в сущность вопроса, американский китолов не сделал никакого открытия. Эту страну еще в 1764 году видел один русский урядник (вероятно, сержант Андреев), а экспедиция Фердинанда Врангеля не привела ни к какому результату!.. И вообще Врангель только вводил в заблуждение ученых, считая, что вдали от сибирских берегов находится море, которое не сковано вечным льдом. Теперь достоверно известно, что между Гренландией и Северной Сибирью лежат либо большие острова, либо материк...

Еще более категорично выступает против Врангеля немецкий профессор Петерман. Он считает, что Лонг не мог придумать для своей находки названия менее удачного и менее основательного, ведь именно Врангель восставал столько раз против существования этой земли, и поэтому, несомненно, справедливее было бы назвать ее именем Андреева или Келлета.

Нападки Петермана и Гохштеттера на Врангеля вызывают бурю возмущения в России. На защиту великого русского полярного исследователя встают академики и мореплаватели. Да, заявляют они, Врангель сказал, что он не нашел к северу от Колымы Баранова Камня и Шелагского Носа ни одного, хотя бы маленького, островка. Это была правда. Он ничего не видел во время своих поездок, кроме льдов, и льды эти не были скованы морозом, находились в движении. Из своих наблюдений он сделал предположение, что исследованный им район моря не ограничен исполинской землей... Все это отнюдь не означало, что он был противником существования земли, лежащей к северу от мыса Якан. Напротив, он жалел, что слишком поздно, в последний год своих исследований, узнал об этом острове, и мечтал возглавить новую полярную экспедицию для его поисков. Он

никогда не отождествлял Землю Андреева с землей к северу от мыса Якан. Эти два района разделяет почти 500 верст, и Андреев никак не мог видеть землю, о которой рассказали чукчи ему, Врангелю. Более того, он, Врангель, утверждал, что Андреев не открыл землю к северу от Колымы. «Однако, — писал он, — я нисколько не намерен утверждать, что в тех краях Ледовитого океана не может существовать земля, доселе еще не открытая. Напротив того, принимая во внимание и соображение различные показания и рассказы чукчей на Шелагском и Северном мысах и на острове Колючине, весьма вероятно, что к северу от мыса Якана, лежащего в расстоянии 530 верст на восток от устья Колымы, находится еще не открытая до сих пор земля, но которая не имеет ничего общего с Землей Андреева».

Особенно яростно защищал Врангеля академик Карл Бэр, который подверг критике теории и взгляды Петермана на Арктическую область. Бэр весьма подробно останавливается на карте Полярной области, недавно опубликованной немецким ученым. На ней изображена «предполагаемая Северная Земля или остров». Она протянулась от восточных берегов Гренландии и Земли Гринелля по направлению к берегам Чукотки на расстоянии нескольких десятков километров от Северного полюса. Ее восточную оконечность украшает остров Геральд. Остров Врангеля не упомянут, хотя в одном из номеров журнала уже опубликовано сообщение об открытии Лонга...

«Не могла возбудить всеобщего удивления карта полярных стран Петермана, — пишет Бэр. — На этой карте Гренландия, длинное узкое продолжение которой простирается до соседства Шелагского мыса и, таким образом, пересекает весь Ледовитый океан. Другого подобного полуострова нет на всем земном шаре. Легко понять, что восточная оконечность этого полуострова, по предположению автора, должна служить надежную опору и быть, так сказать, родиной для всех сибирских преданий».

Бэр готов прославлять имя Петермана, если его гипотеза оправдается, но он очень сомневается, что Ледовитый океан разделен на две части «предполагаемой Северной Землей или островом».

Петерман в своих порой фантастических предположениях пытается совместить несовместимое. В его взглядах континентальная Северная Земля мирно сосуществовала с теорией об открытом, свободном ото льдов

бассейне около полюса. Ни та ни другая мысль не была оригинальной. Но тем не менее ему удалось заинтересовать ученых своими идеями. В 1868 и 1869 годах по его проектам были снаряжены две немецкие экспедиции, которые пытались пройти вдоль восточных берегов Гренландии, ставя конечной задачей достижение Северного материка или открытого безлюдного моря, но не увидели ни того ни другого.

Тогда Петерман обратил свои взоры на водное пространство между Шпицбергенем и Новой Землей, считая, что именно здесь находятся врата к Северному полюсу.

Он не мог, разумеется, предполагать, что на пути, который, по его мнению, вел к центру Арктики, лежит обширный архипелаг, существование которого, как отмечалось, было предсказано в 1865 году русским флотским офицером Н. Шиллингом.

Русские ученые, и в их числе Н. Шиллинг, также пытались добиться снаряжения русской экспедиции для исследования неизвестных земель и вод в Северном Ледовитом океане. Толчком к действию послужило открытие в 1870 году всемирно известным русским путешественником Александром Миддендорфом теплых атлантических вод в Баренцевом море от Нордкапа до берегов Новой Земли.

В начале 1871 года по поручению Русского географического общества А. И. Воейков, М. А. Рыкачев, Ф. Б. Шмидт, Н. Г. Шиллинг, Ф. Ф. Яржинский и секретарь отделения физической географии П. А. Кропоткин разработали детальную программу научных исследований в Северном Ледовитом океане. Они предложили уже летом 1871 года снарядить экспедицию в моря, расположенные к северо-востоку от Новой Земли. Она должна была исследовать «возможно большее пространство Ледовитого океана и расширить таким образом наши сведения об океане и его островах». В числе задач были поиски земли на севере Баренцева моря между Шпицбергенем и Новой Землей. Важнейшей целью этого научного предприятия должна была явиться постановка широких метеорологических и геомагнитных, гидрологических и гидрографических, ботанических и зоологических наблюдений.

На осуществление своего обширного проекта Русское географическое общество испрашивало 200—215 тысяч рублей. Но пока предложение ученых обсуждалось в правительственных кругах Петербурга, Австрия на

средства мецената графа Ганса Вильчека и географа Петермана снарядила экспедицию для исследования полярного моря, лежащего между Шпицбергом и Новой Землей, и поисков загадочной Земли Джиллиса.

Уже летом 1871 года лейтенанты австрийского флота Юлиус Пайер и Карл Вайпрехт на паруснике «Тегетхоф» поднялись почти до 79° северной широты между 42 и 43° восточной долготы. Правда, Земли Джиллиса, поиски которой являлись одной из задач экспедиции, они не открыли (впоследствии будет доказано, что она никогда и не существовала). Зато Вайпрехт и Пайер выполнили большой комплекс метеорологических, гидрологических и магнитных наблюдений. Они обнаружили признаки теплых (атлантических) вод на севере Баренцева моря, продолжив тем самым открытия Александра Миддендорфа. Австрийским морским офицерам казалось, что они достигли пределов того теплого полярного моря в высоких широтах, идею которого ревностно проповедовал немецкий географ А. Петерман.

13 июня 1872 года экспедиция вышла в плавание. Тем же летом она приблизилась к западным берегам Новой Земли. При попытке обогнуть ее с севера «Тегетхоф» был пленен льдами, как только миновал острова Баренца. Правда, путешественники первоначально не подозревали об этом. Они надеялись, что скоро достигнут северной оконечности Новой Земли и приступят к изучению моря к северу от Сибири... Но проходили дни, недели, а ледяные оковы вокруг судна не расступались. Начался медленный дрейф к северу. Исчезли из виду скалы Новой Земли. Кругом виднелись только льды, бесконечные, унылые, перерезанные грядами торосов. Льды несколько раз опасно сжимали судно. Лишь в конце зимы лед крепко спаялся и оставил путешественников в покое.

«Тегетхоф» уносило все дальше и дальше к северу. Наступила весна, затем лето. Уже приближалась осень, а надежды на освобождение из ледяного плена не появлялось. И вдруг 31 августа перед путешественниками открылась неизвестная земля.

«Около полудня, — писал Пайер, — мы стояли, облокотившись о борт корабля, и бесцельно глядели в туман, который то тут, то там начинало разрывать. Внезапно на северо-западе туман рассеялся совсем, и мы увидели очертания скал. А через несколько минут перед нашими глазами во всем блеске развернулась панорама горной страны, сверкающей своими ледниками. В первое время

мы стояли точно парализованные и не верили в реальность открывавшейся перед нами картины. Затем, осознав наше счастье, мы разразились бурными криками: «Земля, земля!»»

Ее называли Землей Франца-Иосифа.

Так был открыт архипелаг, существование которого многократно, с 1834 по 1871 год, доказывалось русскими учеными и морскими офицерами.

Лишь весной следующего года Вайпрехт и Пайер смогли приступить к исследованию открытой земли. Им удалось достигнуть самой северной ее точки.

С северного берега Земли Франца-Иосифа Юлиус Пайер заметил на севере голубые горы. Контуры этой страны путешественники видели довольно отчетливо. Они приняли их за берега Северного континента. Пайер назвал ее Землей Петермана «в честь великого географа, моего учителя и друга». Одновременно на северо-западе путешественники заметили признаки еще одной суши, которую называли Землей Оскара.

Экспедиция Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера как бы еще раз подтвердила, что на огромном неизведанном пространстве Арктики, лежащем к северу от американских и евразийских берегов, исследователей еще ждут великие открытия...

Между прочим, открытия австрийской экспедиции могли бы остаться безвестными. Дело в том, что путешественникам пришлось оставить свой корабль и добираться в шлюпках по морю до обитаемых мест. К счастью, у берегов Новой Земли они встретились с промышленником Федором Ворониным, который взял их на борт своей шхуны и доставил в Норвегию.

Существование Земли Франца-Иосифа, сообщения о Земле Петермана и Земле Оскара вызвали еще больший интерес к проблеме Северного континента, который в это время называли Арктидой... Землю Франца-Иосифа, Землю Врангеля и другие открытые в этот период острова некоторые ученые рассматривали как остатки прежнего Полярного континента, который в течение тысячелетий разрушается Гольфстримом.

Именно в это время проблема Северного континента привлекла внимание Нильса Адольфа Эрика Норденшельда, готовившегося к плаванию Северным морским путем из Атлантики в Тихий океан.

Изучая ледовую обстановку как по описаниям прежних путешественников, так и по сообщениям, получаемым от своих корреспондентов с северных берегов

Сибири, он обратил внимание на то самое обстоятельство, о котором когда-то писал Аргентов. Большинство наблюдений свидетельствовало о том, что южные ветры относят льды на север, но не слишком далеко, так как при северных ветрах льды снова спускаются к азиатским берегам. По мнению Норденшельда, это указывало, «что Новосибирские острова и Земля Врангеля являются звеньями цепи островов, параллельной северному побережью Сибири». В другом месте полярный исследователь снова отмечает: «Кажется вероятным, что Сибирское море, так сказать, отгорожено от собственно Полярного моря рядом островов, из которых в настоящее время известны только Земля Врангеля и Новосибирские острова».

Норденшельд надеется подняться в высокие широты Карского моря и попытаться там выяснить, не имеется ли в этих непосещенных местах большого острова. Но особое внимание он придает исследованию Сибирского моря севернее тех районов, где раньше странствовали по льдам Андреев, Геденштром, Анжу, Врангель, Матюшкин.

«Если время и ледовая обстановка позволят, желательно, чтобы экспедиция сделала несколько отклонений к северу для исследования, не расположена ли какая-нибудь земля между мысом Челюскин и Новосибирскими островами, а также между этими последними и Землей Врангеля».

Норденшельд родился в Гельсингфорсе в 1832 году. Здесь он учился в Александровском университете, отсюда ездил на Урал и исследовал Тагильские железные и медные рудники.

Вскоре после окончания университетского курса Норденшельд, преследуемый царскими властями, вынужден был покинуть Финляндию и переехать в Швецию. С этого времени начинается его кипучая деятельность по исследованию полярных стран. В 1858—1872 годах он участвовал в пяти экспедициях на Шпицберген и предпринял путешествие в Гренландию. В результате были собраны богатые научные материалы о природе этих арктических земель, поставившие ученого в число выдающихся полярных исследователей.

В конце 60-х годов Норденшельд познакомился с передовыми русскими торгово-промышленными деятелями М. К. Сидоровым и А. М. Сибиряковым, настойчиво пропагандировавшими идею освоения Великого Северного морского пути.

В 1875 году Норденшельд вышел в первое плавание к устью Енисея. Средства на это предприятие субсидировали М. К. Сидоров и швед Оскар Диксон. Плавание было удачным. Достигнув Енисея, мореплаватель отправил судно обратно в Швецию, а сам, пересев на пароход «Александр», поднялся вверх по великой сибирской реке до Красноярска, где его встретили колокольным звоном. Норденшельд выступил с лекциями в нескольких городах Сибири и Урала. Русская общественность всюду оказывала путешественнику радушный прием.

В следующем году Норденшельд повторил свое плавание к устью Енисея. В это время у него возник план смелого сквозного похода по всему Северному морскому пути.

«Основываясь на опыте этих двух плаваний,— писал он,— используя знания, приобретенные за это время, а также приняв во внимание прежние, в особенности русские, исследования северного побережья Азии, я полагал себя вправе считать установленным, что морской путь доступен для судов на всем протяжении до Берингова пролива».

Средства на эту экспедицию предоставили: со стороны России — А. М. Сибиряков, со стороны Швеции — король Оскар II и О. Диксон.

В июле 1878 года экспедиция на корабле «Вега» вышла в море. Ее сопровождали три судна, купленные А. М. Сибиряковым.

Плавание проходило удачно. Суда благополучно достигли устья Енисея. Дальше плавание на восток вдоль берегов Таймырского полуострова продолжали «Вега» и вспомогательное судно «Лена». 19 августа 1878 года они миновали самую северную точку Азии — мыс Челюскин.

«Теперь,— писал Норденшельд,— мы достигли великой цели, к которой в течение столетий напрасно стремились люди. Впервые у самой северной оконечности Старого Света стояло на якоре судно».

Норденшельд в то время не мог знать, что советские археологи в 1940 году обнаружат стоянку мореплавателей, еще за два с половиной века до него прошедших мимо мыса Челюскин в море Лаптевых.

На протяжении многих веков суда встречали у самой северной оконечности Азии непроходимые льды. Однако на этот раз они отсутствовали. «Вега» продолжала плавание по чистой воде. Отсюда Норденшельд решил идти прямо к Новосибирским островам, «чтобы убедиться, нет

ли на этом пути земли». Но, проплыв несколько дней в ледяном лабиринте и в густом тумане, он повернул к берегу, чтобы снова плыть по чистой воде.

Вблизи дельты Лены экспедиция рассталась с последним вспомогательным судном и продолжила путь к Новосибирским островам, на которых Норденшельду хотелось побыть несколько дней, тем более что с их северных берегов на северо-западе и на северо-востоке его предшественники видели «неясные очертания Новой Земли, на которую ни один человек еще не ступал ногой».

Однако шторм не позволил путешественникам высадиться на Ближнем Ляховском острове. В сентябре «Вега» была в водах Восточно-Сибирского моря. Началось похолодание. Часто шел снег, появились плавучие льды. Первоначально они не представляли серьезного препятствия для плавания. Но чем дальше «Вега» удалялась на восток, тем их становилось все больше и больше. От попытки пройти к северу от мыса Шелагского к берегам предполагаемой здесь земли пришлось отказаться. Льды часто преграждали путь судну. Теперь каждую милю приходилось отвоевывать с невероятными усилиями.

Описывая «морской лед», встречавшийся в этих краях, Норденшельд приходит к выводу, что, вероятно, он «принесен течением из окрестностей еще неизвестного полярного материка».

Вскоре путешественники увидели на берегу становище чукчей, от обитателей которого слышали рассказы о неизвестной «большой земле», лежащей к северу от Колючина острова и простирающейся от Америки далеко на запад.

Эти рассказы поразительно походили на сведения, которые были собраны русскими в 20-х годах XIX века.

«В настоящее время знают,— отмечал Норденшельд,— что земля, про которую рассказывали легенды, действительно существует, и много говорит за то, что она простирается до самого архипелага у северного побережья Америки».

Льды вынудили Норденшельда остановиться на зимовку в Колючинской губе, в нескольких сутках хода до Берингова пролива.

Экспедиция поставила цикл широких научных измерений, в их числе наблюдения за приливами и отливами, а также сгонами и нагонами. Норденшельд придавал этим измерениям большое научное значение. Он намере-

вался сравнить их с превосходными материалами наблюдений П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки, А. С. Моисеева на Новой Земле, англичан и американцев в Канадской Арктике и на севере Аляски, австрийцев у Земли Франца-Иосифа и, наконец, с собственными наблюдениями на севере Шпицбергена, в заливе Моссельбей.

Норденшельд считал, что изучение этих наблюдений могло пролить новый свет на распределение воды и суши в Северном Ледовитом океане, о чем велись споры на протяжении нескольких столетий. «В этом отношении, — писал Норденшельд, — я здесь могу только упомянуть, что самая большая разница между приливом и отливом в продолжение стоянки «Веги» доходила только до 18 сантиметров, что как бы указывает на то, что лежащее к северу от Берингова пролива море составляет сравнительно небольшой бассейн, который только посредством проливов состоит в связи со Всемирным океаном».

Таким образом, в приливно-отливных явлениях Норденшельд увидел новое доказательство в пользу гипотезы о том, что Новосибирские острова и остров Врангеля являются лишь звеньями обширной цепи островов, которые прикрывают побережье Восточной Сибири от наплыва льдов из самых высоких широт Северного Ледовитого океана. Этот вывод мореплавателя не отличался новизной. Вопрос о существовании великой земли в центре Арктики имел столь же почтенный возраст, что и проблема Северо-восточного и Северо-западного проходов (или, точнее, Северного прохода). Из всех известных ко времени плавания «Веги» предположений взгляды Норденшельда особенно четко перекликаются с суждениями русского исследователя Арктики Геденштрома, который считал, что либо Американский континент протянулся на запад до района Новосибирских островов, с берегов которых он и его спутник Санников видели на севере горы неведомой земли, либо между Новой Сибирью и Америкой существует цепь островов.

Этот же вывод он повторял неоднократно в своих трудах, часть из которых, переведенная на немецкий язык, была известна Норденшельду. Возможно, доводы Геденштрома оказали определенное влияние на Норденшельда. Вероятнее всего, что истоки его ошибки объясняются влиянием точки зрения известного немецкого географа Петермана, возражавшего против присвоения имени Врангеля острову, лежащему к северу от Чукотки, который, как отмечалось, он нанес на карту со

слов чукчей. Недооценка доказательств русского полярного исследователя, что море к северу от берегов Чукотки не ограничено какой-либо исполинской землей, привела Норденшельда к неверному суждению о том, что между Землей Врангеля и островами Полярной Америки находятся «значительные пространства земли с высокими горами и с долинами, наполненными ледниками, и с возвышенными утесами».

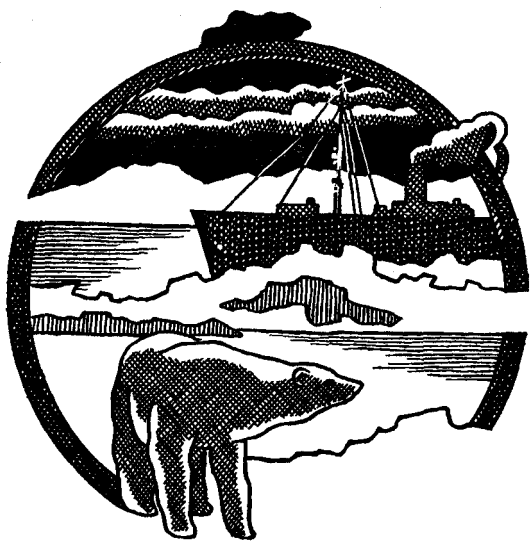
Правда, этот вывод Норденшельда главным образом основывался на наблюдениях за стаями птиц, которые летели на север от места зимовки. Впоследствии оказалось, что полет птиц не может служить доказательством существования суши в центральной части Северного Ледовитого океана. Там, где Норденшельду рисовались высокие горы, утесы и ледники, был океан.

В июле 1879 года «Вега» освободилась из ледового плена и снова двинулась на восток. Через два дня она обогнула самую восточную точку Азии и вышла в Берингов пролив, впервые открытый Семеном Дежневым.

Норденшельд решил переименовать мыс Восточный в честь этого замечательного мореплавателя и землепроходца. «Это малоподходящее название, — писал он, — заменено мной на карте названием «мыс Дежнев» в честь отважного казака, впервые 230 лет назад обогнувшего эту восточную точку Азии».

Итак, Норденшельд достиг намеченной цели. Его экспедиция впервые в истории арктического мореплавания совершила сквозное плавание Северным морским путем с одной зимовкой во льдах.

Норденшельд очень сожалел, что ледовая обстановка не позволила подняться ему севернее Новосибирских островов в надежде ступить на неизвестные земли, которые видели Санников и Геденштром. Они действительно ждали своего исследователя.

Обломки Северного континента (Земли, виденные Санниковым и Геденштромом)

Следующая страница в истории поисков Северного континента связана с именем полярного исследователя Джорджа Уошингтона Де-Лонга.

В конце 1876 года он приступил к подготовке экспедиции, которая снаряжалась на средства мецената Дж. Беннетта. Было куплено судно «Жаннетта», испытанное в арктических условиях и имевшее ледовую обшивку.

Еще до этого Беннетт встретился с профессором Августом Петерманом и остался очень доволен беседой с ним. Петерман посоветовал направить экспедицию к полюсу не через пролив Смита или море Баффина, а со стороны Берингова пролива. По его мнению, хорошее судно в одну навигацию могло достигнуть цели. Он советовал прежде всего направиться к острову Врангеля, который Петерман принимал за обширный континент, и вдоль его берегов идти к северу. Если льды остановят судно, то Де-Лонг может по суше на санях направиться к Северному полюсу. Одним словом, Петерман был

уверен, что будущего путешественника ждут великие открытия.

Беннетта это свидание окрылило. Хотя он и не разделял чрезмерного оптимизма Петермана, но не сомневался, что Де-Лонг избирает верный путь. Еще почти три года ушло на подбор членов экспедиции, подготовку снаряжения и переоборудование судна.

Экспедиция, состоявшая из 31 человека, 8 июля 1879 года вышла в плавание. Она направлялась к Берингову проливу, где должна была постараться выяснить судьбу Норденшельда, зимовавшего у берегов Чукотки.

29 августа Де-Лонг был в Колючинской губе и окончательно убедился в том, что экспедиция Норденшельда завершилась благополучно. Теперь Де-Лонг мог плыть на север.

Выбирая путь через Берингов пролив, Де-Лонг рассчитывал, что теплое тихоокеанское течение проникает далеко в Северный Ледовитый океан и, пользуясь им, можно достичь либо Северного полюса, либо неведомой суши.

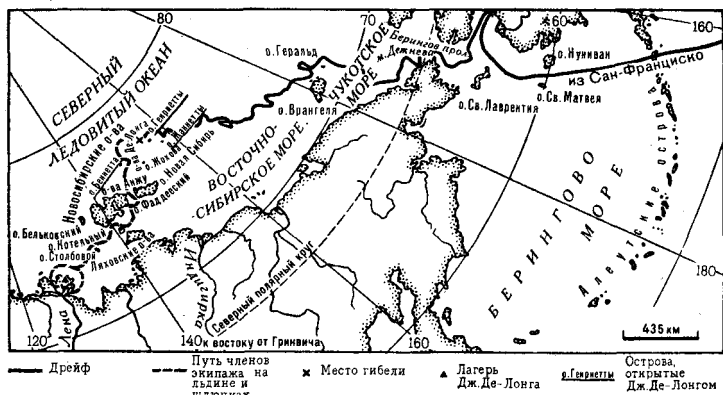
Из Колючинской губы Де-Лонг направил свое судно на северо-запад, к Земле Врангеля, которую в то время считали «обширным континентальным пространством». Предполагалось, что, если льды остановят судно, путешественники предпримут санный поход к полюсу по суше.

Правда, некоторые считали, что на севере вместо льдов путешественники встретят жару, «источником которой служит центр земли».

31 августа увидели землю. Бушевала метель и порой затмевала ее контуры. Появились льды. Они вынудили Де-Лонга уклониться к северо-востоку.

«Вместо того, чтобы приближаться к Земле Врангеля, — мы отходим от нее», — с горечью отмечал путешественник в дневнике. Его планы плыть к полюсу вдоль северных берегов Земли Врангеля, отождествляемой Петерманом с Северным континентом, начинают рушиться в первые дни. Несколько дней он ищет пути к Земле Врангеля, используя большие разводья.

4 сентября на горизонте открывается остров Геральда. Де-Лонг направляет к нему судно. Сначала продвигаются успешно. Но на следующий день путь преграждает огромное паковое поле, к которому пристают, надеясь дождаться улучшения ледовой обстановки. На юго-западе за островом Геральда несколько раз отчетливо пока-

Карта-схема дрейфа «Жаннетты» и открытий Де-Лонга

зывается земля, увенчанная высокими, покрытыми снегом горами.

«Это не мог быть мираж, — писал Де-Лонг. — Я убежден, что мы действительно видели землю».

6 сентября «Жаннетту» плотным кольцом окружили льды. Де-Лонг надеялся, что ледовый плен продлится недолго и судно получит возможность двигаться к острову Геральда, где он намеревался провести зиму. Но вскоре капитан убедился, что лишь сильный шторм может разбить окружающие льды.

В тихие сентябрьские дни, когда еще подолгу светило солнце и метели были редкостью, Де-Лонг лелеял надежду, что, может быть, дрейфом принесет «Жаннетту» к Северной континентальной суше и на долю экспедиции выпадет выдающееся географическое открытие, как это случилось с Вейпрехтом и Пайером на судне «Тегетгоф». Когда дрейф изменяется к югу, Де-Лонг загорается надеждой, что ему удастся высадиться на неизвестный берег неизвестного людям материка. Быть может, его ждут открытия, по своему значению не менее важные, чем открытия Колумба.

Октябрь прошел почти так же спокойно, как сентябрь. Только солнце теперь показывалось редко и на очень короткий срок.

Приближалась полярная ночь.

Морозы усиливались день ото дня. Но мысль о земле, которая виднеется далеко на юге, не давала ему покоя. Она походит то на горы, то на цепь островов. Но путешественники не сомневаются, что это земля, а не призрак.

Она периодически виднеется на горизонте. Де-Лонг даже надеется посетить ее.

28 октября он записывает в дневнике: «Была видна гористая местность к юго-востоку на расстоянии около 50 миль. Я думаю, перед нами северная сторона Земли Врангеля, но я не считаю ее континентом. Это или архипелаг, или один большой остров».

16 ноября солнце ушло на два с половиной месяца за горизонт. Наступила полярная ночь, еще более усложнившая и без того тяжелое положение экспедиции.

В течение зимы путешественникам пришлось пережить много тревожных дней и бессонных ночей, но они не теряли надежды, что невольный дрейф приблизит экспедицию «к полюсу и к неоткрытым или неисследованным землям». Быть может, Де-Лонг первым ступит на тот самый Северный континент, который столь настойчиво искали русские.

6 апреля 1880 года Де-Лонг записал: «В последние несколько вечеров в 23 часа я заметил к северо-западу длинную низкую гряду, сильно напоминающую землю». Он не мог решить, земля ли перед ним или причудливое облако. Это облако он наблюдал на одном и том же месте несколько раз, что казалось странным, и начальник экспедиции с нетерпением ждал разгадки вопроса.

Спустя 10 дней ему снова сообщили, что на северо-западе наблюдаются признаки земли.

«Поднявшись на палубу, — отмечал в своем дневнике Де-Лонг, — я увидел облака такой формы, что ни у одного моряка не осталось бы сомнения, что они нависли над землей... В предположении о земле нас укрепил прилет двух снежных овсянок. Они прилетели с юга и, отдохнув немного, улетели в направлении предполагаемой земли». Но затем ее берега исчезли в тумане. 22 апреля видели вновь землю, но при наблюдении в морской бинокль у Де-Лонга «возникло предположение, не облако ли это...».

Проходил апрель. Де-Лонг был уверен, что летом лед растает и судно выйдет на большие океанские глубины, где более разреженный лед не будет представлять серьезных препятствий для плавания в район полюса.

30 апреля над «Жаннеттой» пронеслась стая уток, направлявшаяся на запад. «Нет сомнения, — писал Де-Лонг, — они летели к какой-то земле, но, как мы ни напрягали зрение, нам и с помощью биноклей не удалось разглядеть ее».

В мае дрейф к северу несколько усилился, и

«Жаннетта» снова пересекла 73-ю параллель. К концу месяца экспедиция была за 74° северной широты, продвинувшись за 30 дней на 160 километров в северо-западном направлении, но ни предполагаемого материка, ни даже одиноких островов не было видно. «Земли все еще нет», — отмечал Де-Лонг 15 мая. Спустя 8 дней аналогичная запись повторяется: «У нас тот же юго-восточный ветер, но земли не видно».

В августе задули сильные ветры. Казалось, что они взломают льды и судно сможет самостоятельно плыть к далекому полюсу. Но надежды Де-Лонга снова не оправдались. Оставалось ждать счастливой случайности или необыкновенного чуда. Но чудо не приходило. Не появлялись вдали и признаки Северного континента, который должен был находиться в этом районе, судя по утверждениям Петермана.

Между тем время шло. По ночам бывали морозы, и лужи стали покрываться льдом. Все чаще и чаще исследователь задавался вопросом: что находится к северу? «Трудно поверить, что неприступный ледяной барьер простирается до самого полюса. Однако мы до сих пор не встретили землю к северу от острова Геральда».

Приближалась годовщина дрейфа «Жаннетты» во льдах Северного Ледовитого океана, и капитан ее не мог не отметить, что за 12 месяцев, описав бесчисленное количество зигзагов и петель, судно подвинулось по прямой на северо-запад приблизительно на 250 километров, а прямо на север и того меньше. «Если и дальше продвижение будет такое же, мы достигнем полюса через шесть лет», — не без горечи записал Де-Лонг в дневнике.

Зима наступила очень рано. Уже в первых числах сентября появился новый снег, но Де-Лонг не хотел сдаваться; ему казалось, что через неделю-другую положение экспедиции изменится к лучшему. Однако вскоре наступило разочарование. Температура воздуха резко упала, и мороз накрепко сковал льды, словно старался убедить путешественников, что им не видать ни Северного полюса, ни Северного континента. Дрейф относил судно к югу.

Уже второй год путешественники не видели ничего, кроме бескрайних ледяных просторов, над которыми равнодушно мерцали звезды, зимой плыла луна, озарявшая окрестности голубым фантастическим светом, а летом сияло незаходящее солнце, под лучами которого искрились мириады снежинок и точно так же, как на далекой и милой земле, голубели лужицы талой воды.

Земля! Представления о ней потеряли свою остроту и свежесть, словно путешественники уже десятки лет находились в ледовом плену.

«Для многих из нас слово «берег», — записал в дневнике Де-Лонг, — звучит как воспоминание детства или как воспоминание о прежнем существовании на другой планете. Трудно представить, что на свете есть что-нибудь, кроме пака».

Наступил 1881 год. Де-Лонг встречал новый год с надеждой, что в судьбе экспедиции откроется новая страница. Предчувствие не обмануло его... Открывалась новая страница в решении загадки Северного континента и последняя страница в жизни путешественника и в жизни большинства его спутников.

Вторая зимовка в Арктике была значительно более спокойной, чем первая. Судно не испытывало ни одного из тех чудовищных сжатий, которыми изобиловала прошедшая зима.

В марте дрейф «Жаннетты» ускорился. Об этом говорили определяемые координаты и все увеличивавшаяся глубина. Надежда на успех с новой силой загорелась у начальника экспедиции. «Если так будет продолжаться, мы в самом начале лета сможем оказаться в Атлантическом океане», — писал он 17 марта 1881 года.

Более полутора лет пребывания в Арктике среди бескрайних ледяных просторов не разрушили наивной веры Де-Лонга в созданную его предшественниками легенду о ледяном барьере, за которым якобы должно находиться свободное глубокое море. Капитан «Жаннетты» десятки раз высказывал эту мысль на страницах своего дневника. И чем севернее поднимается вместе со льдами судно, тем чаще она появляется у Де-Лонга. В том, что за ним находится открытое море, — его последняя надежда. Но в то же время его угнетает безрезультатность экспедиции. За полтора года невольного плавания во льдах они еще не сделали ни одного географического открытия. Он часто вспоминает имя полярного исследователя Вайпрехта, который на судне «Теттетгоф» попал в ледовый плен и был принесен льдами к берегам «предсказанной русским путешественником», но еще никем не открытой земли, которая была названа Землей Франца-Иосифа. Де-Лонг надеялся, что извилистый дрейф льдов принесет «Жаннетту» к берегам неизвестной земли. Но сколько ни всматривался Де-Лонг в горизонт, он ничего не видел, кроме льдов.

Он и не подозревал, что всего лишь 20 дней отделяют путешественников от их первого открытия. Ему первому предстояло убедиться, что земли, виденные Санниковым и Геденштромом, действительно существуют.

16 мая лоцман Донбар, поднявшись на палубу, был очень удивлен. Он не верил своим глазам: на западе виднелся остров. После двадцати с лишним месяцев дрейфа во льдах Северного Ледовитого океана вместо унылой снежной пустыни вдруг представилась земля. При виде ее из груди Де-Лонга вырвался вздох облегчения: «Земля! Оказывается, на свете существует что-то, кроме льда... Наше плавание не будет совершенно бесцельным. Нам наконец удалось открыть неизвестную землю. Правда, небольшую».

Удача взбудоражила офицеров и матросов. Все старались определить расстояние между землей и кораблем. Одни находили, что оно составляет около 70 километров, другие увеличивали эту цифру вдвое.

«С землей связаны все наши помыслы,— записал в дневнике Де-Лонг.— Мы не спускаем с нее глаз, стараемся угадать расстояние и с нетерпением ждем, когда попутный ветер приблизит нас к ней. Мы поверили бы охотно и тому, что на острове золотые россыпи, которые сделают нас богатыми, как государственное казначейство, но без его долгов. Я убежден, что большинство из нас перед сном внимательно вглядывается в землю, чтобы убедиться, что она еще не растаяла... В сравнении с ошеломляющим открытием острова все прочие события дня теряют всякое значение».

Путешественники вскоре рассмотрели на вновь открытой земле, названной островом «Жаннетты», скалы, разлоги и покрытые снегом берега. Де-Лонгу удалось определить ее положение. Об исследовании ее нечего было и думать: «Жаннетта» быстро дрейфовала на северо-запад.

24 мая путешественники увидели еще одну землю.

Спустя несколько дней, воспользовавшись тем, что дрейф приблизил корабль к острову, получившему имя Генриетты, Де-Лонг отправил к его берегам небольшой отряд под командой инженера Мельвилля. Остров представлял собой «бесплодную скалу со снежной вершиной». 4 июня, захватив с собой обломок гранита и несколько образцов мхов и лишайников, отряд Мельвилля вернулся на корабль.

Приятно открыть «новую часть света»! Может быть, это сказано сильно. Но такова запись в журнале Де-

Лонга. Он, безусловно, надеется, что за этими двумя открытиями последуют новые. Он надеется на встречу его корабля с загадочной континентальной землей.

И в это самое время лед вокруг поля, в котором дрейфовала «Жаннетта», пришел в движение.

Утром 11 июня 1881 года канал, в котором находилась «Жаннетта», начал сужаться. При первом же ударе, жалобно треща, корабль накренился на 16°. Де-Лонг видел, как разошлись потолочные пазы, как судно все задрожало, словно в лихорадке. Он приказал спустить боты с аварийным имуществом. Инженер Мельвилль бросился в машинное отделение и там обнаружил нечто заставившее его ужаснуться: угольные бункера быстро затоплялись водой, в корпусе был виден разрыв, говоривший о том, что «Жаннетта» начинает раскалываться на две части и никакого спасения ждать не приходится. Узнав об этом, Де-Лонг распорядился выгружать на лед пеммикан, хлеб и собак.

В 4 часа ночи 13 июня 1881 года «Жаннетта» затонула. Экспедиция оказалась на дрейфующем льду. Около недели ушло на подготовку к путешествию на юг по дрейфующим льдам. 18 июня экспедиция двинулась в путь к берегам Сибири.

Спустя 20 дней заметили «что-то похожее на землю». Де-Лонг не доверял этому сообщению, считая, что до Новосибирских островов остается еще около 200 километров. Но на другой день с вершины высокого тороса он различил в бинокль неизвестный остров и голубую полосу открытой воды. «Что это за земля, часть ли Сибири или открытый нами остров, сказать никто не может, но во всяком случае едва ли это один из островов Ляхова». Это была та самая земля, которую видели Санников и Геденштром к северу от берегов Новой Сибири. Начальник экспедиции надеялся, что у этого острова за кромкой льда его «ждет чистая вода, простирающаяся до сибирского побережья, что соответствует утверждению русских исследователей».

Продвижение вперед по мере приближения к острову становилось все более тяжелым. Стояли туманы или дули сильные штормовые ветры, вынуждая экспедицию целые дни проводить на одном месте. Порой встречались такие нагромождения айсбергов, обломков льдин, которые надо было обходить стороной. Валы торосов и трещины возникали неожиданно, разъединяя отдельные части отряда и ставя путешественников в критическое положение.

Все члены экспедиции мечтали о достижении видневшейся на горизонте твердой, неподвижной земли, где они «могли бы отдохнуть на покрытых мхом холмах и откосах».

26 июля 1881 года экспедиция высадилась на берег острова, который называли именем Беннетта, снарядившего экспедицию на свои средства.

Несколько дней Де-Лонг и его спутники провели на острове, собирая коллекции мхов, лишайников, горных пород и охотясь за без умолку кричавшими птицами. На земле моряки чувствовали себя не более удобно, чем на льду. Шел то снег, то дождь. Бушевал такой сильный ветер, что почти невозможно было передвигаться.

6 августа 1881 года экспедиция покинула остров Беннетта. Все имущество было погружено на три бота. Путешественники направились к реке Лене. В пути во время бури суденышки разлучились...

Потом выяснится, что Де-Лонг и почти все моряки, находившиеся на его катере, погибли от голода на одном из островов в дельте Лены (из этого отряда уцелеют только двое). Другой бот исчез бесследно в водах моря Лаптевых. Лишь отряд инженера Мельвилля вышел к жилым местам и уцелел полностью. Весной 1882 года Мельвилль отыскал последний приют Де-Лонга.

«Я сразу же, — писал он, — узнал Де-Лонга по его верхней одежде. Он лежал на правом боку, положив правую руку под щеку, головой на север, а лицом на запад. Ноги его были слегка вытянуты, как будто он спал. Поднятая левая рука его была согнута в локте, а кисть, поднятая горизонтально, была обнажена. Примерно в четырех футах позади него я нашел его маленькую записную книжку, по-видимому брошенную левой рукой, которая, казалось, еще не прервала этого действия и так и замерзла поднятой кверху».

Так трагически закончилась попытка Джорджа Де-Лонга проникнуть в те широты, где, по утверждению одних исследователей, находился Северный материк, а по свидетельству других — было открытое море. Он не нашел ни исполинского континента, ни безбрежных пространств свободной ото льдов воды. Русские путешественники были правы, когда говорили, что океан не скован вечным льдом. Этот лед находился в движении. Он перемещался сложными путями, подвластный ветрам и течениям. Но дрейф имел генеральное направление на северо-запад, в сторону Атлантического океана, и на значительном расстоянии проходил по тем районам

океана, где предполагалось существование Северной Земли, которая на карте Петермана являлась продолжением Гренландии и простиралась до острова Геральда.

Оставшиеся в живых спутники Де-Лонга вскоре поведали об открытиях экспедиции. Казалось бы, что дрейф «Жаннетты» к северо-западу от острова Врангеля должен был внести ясность в вопрос о Северном континенте. Там, где должен был находиться, по древним и современным преданиям, исполинский Северный материк, судно встретило океан и три крохотных острова. Но как ни странно, старая легенда получила новую жизнь.

Открытие Де-Лонга подтвердило справедливость сведений Геденштрома и Санникова о существовании земель к северу от Новой Сибири.

Нанеся на карту острова, открытые Де-Лонгом и его спутниками, русские географы убедились, что они находятся к северу и северо-востоку от Новой Сибири, то есть именно в тех местах, где издали усмотрели неведомые земли участники русской экспедиции 1808—1812 годов.

«...Считаю не лишним напомнить, — писал в 1882 году ученый секретарь Русского географического общества А. Григорьев, — что два из этих островов были известны и раньше: уже 70 лет тому назад их видели Геденштром и промышленник Санников».

Таковыми землями А. Григорьев считал острова Беннетта и Генриетты.

В том, что Санников видел остров Беннетта с северного берега Новой Сибири, есть много вероятного. Они отстоят друг от друга всего на 130 километров. Остров Беннетта имеет скалистые берега и в прозрачные весенние или летние дни может быть виден на далекое расстояние. Известны многочисленные случаи, когда остров Столбовой и Деревянные горы Новой Сибири видели за 200—300 километров. Правда, Санников оценивал расстояние до виденной им на север от Новой Сибири земли приблизительно в 45 километров. Но он легко мог ошибиться, так как весной и летом в Арктике вследствие преломления лучей в атмосфере многие предметы кажутся приподнятыми над поверхностью земли и находящимися на более близком расстоянии, чем это есть на самом деле. В том, что Санников мог видеть с высоких берегов мыса Каменного остров Генриетты, имеется также доля вероятности. Остров лежит именно в том направлении, где Геденштром и Санников заметили синеву, похожую на землю.

Открытие экспедицией Джорджа Де-Лонга трех островов возродило интерес к землям, виденным к северу от берегов Восточной Сибири. Особенно занимала географов суша, которую Яков Санников видел к северо-западу от острова Котельного. Ее существование теперь казалось не подлежащим сомнению, хотя после экспедиции Анжу пункт, обозначавший ее, исчез с русских карт. «Теперь, — писал А. Григорьев, — когда сомнения в правдивости Санникова устранены благодаря открытиям экспедиции «Жаннетты», следовало бы вновь нанести тот пункт на соответствующее место и написать над ним: «Земля Санникова»».

Плавание Де-Лонга оказалось в то же время прелюдией к одному из самых дерзких путешествий XIX века.

Nebelheim.

Entdeckung und Erforschung
der nördlichen Länder und Meere.

Von

Fridtjof Nansen.

Mit 185 Abbildungen und Karten.

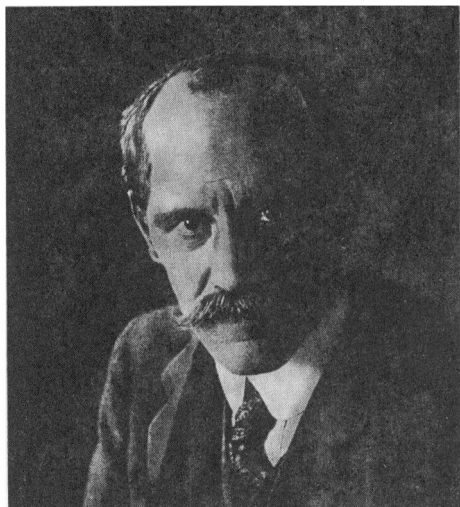
Zweiter Band.

Leipzig:
F. A. Brochhaus.

—
1911.

Титульный лист книги Ф. Нансена
«Страна туманов»

Фритъоф Нансен

Гавриил Андреевич Сарычев

Герард Меркатор

**Иван Федорович Крузенштерн.
Публикуется впервые**

Николай Петрович Румянцев

Фердинанд Петрович Врангель.
Публикуется впервые

Джон Франклин
Дженни Франклин

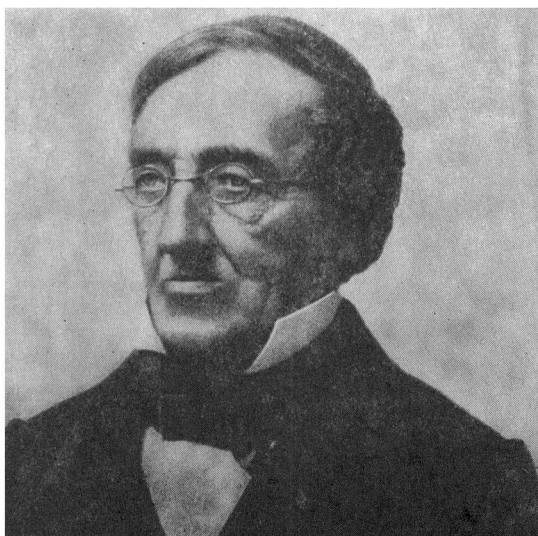

Федор Федорович Матюшкин

**Федор Петрович Литке.
Публикуется впервые**

Александр Бунге

Август Петерман
Карл Максимович Бэр

Нильс Адольф Эрик Норденшельд

Джергели и Омунджа.
Публикуется впервые

16 Juni 1900

Lieber Freund,

Schon längst sollte ich ja geschrieben haben, aber --- nun ja die Zeit ist so kurz, und die Arbeit so lang. --

Zuerst geschäftliches.

- 1) Ich bedauere sehr dass die Karten von innere Route noch nicht fertig sind. Ich habe aber alles zusammenstellen lassen, was von Bedeutung an der Sibirischen Küste vorhanden ist.
- 2) Jetzt hat Prof. Geelmuyden Ihnen eine Liste zusammengestellt von Länge und Breite der verschiedenen Inselgruppen, Inseln etc. an der Küste entlang, die durch günstige Krümmungen, Correkturen etc. bestimmt werden könnten.
- 3) Dann schicke ich Ihnen was hier jetzt von Geelmuyden's Bericht über unsere astronomischen Beobachtungen gedruckt worden ist. Da werden Sie auf Seite 87-88 unsere Breite und Länge Bestimmungen während der Reise an der Sibirischen Küste mit lang finden (siehe die Kolonnen mit N. Lat. = Breite und E. Long. = Länge. Die Tage sind astronomisch bezeichnet, das heißt z. B., dass July 22 geht von 12 Mittag am 22. bis 12. Mittag am 23. (und auch gedruckt.)
- 4) In mein Bericht über die Temperaturen des Meeres werden Sie auch auf den verschiedenen Tagen Breite und Länge finden können. Siehe Tabelle von der flächige Temperaturen ^{beobachtet} Seite 68-77, wo die Route an der Sibirischen Küste entlang zu finden ist. Die Tage sind hier gewöhnlich benutzliche Tage, und die Uhr auf Local Zeit berechnet.
- 5) Weiter habe ich Ihnen eine sehr schätzbare Kart-skizze von Colin Archer Holm, mit Umgebung gemacht; da es vielleicht von

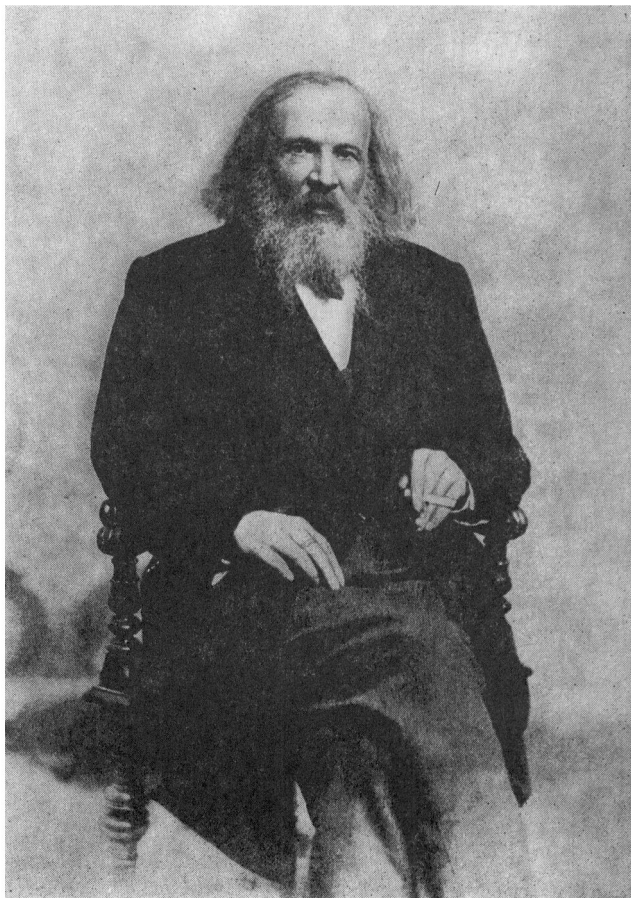
Фонд 14

Лыскер 24. 2. 02.

Опись 1№ 66

Lieber Freund.

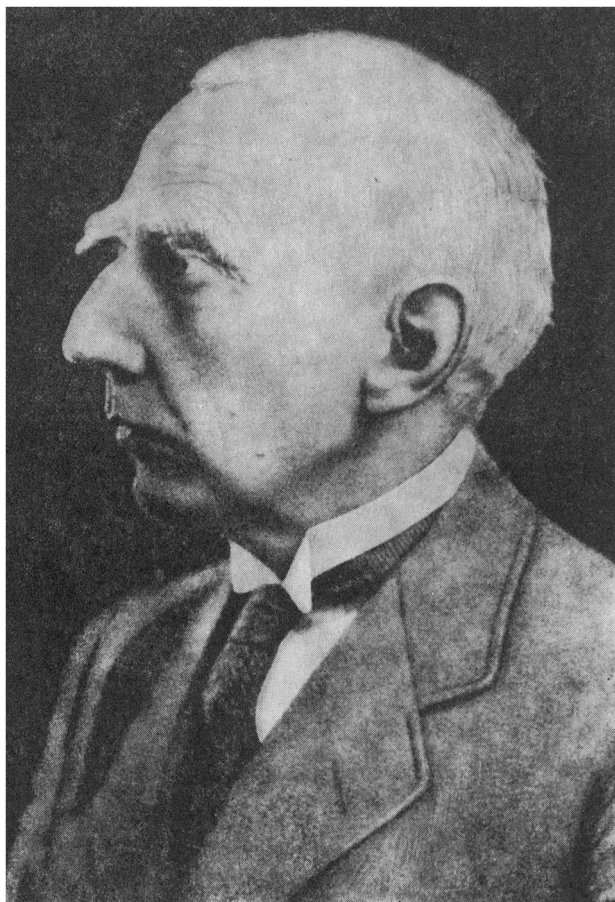
Erst meine herzlichsten Glückwünsche zu dem schon erreichten, und dass alles so schön nach dem Program geangangen ist. Der Aufenthalt im Kaimurund scheint ja sehr erfolgreich gewesen zu sein und ich sehr mit Spannung Herrn' Bericht über diese hoch interessante Küste entgegen. Ich habe gerade in der letzten Zeit einen Versuch gemacht, eine Karte über die Küste und die Inseln nach unseren endgültigen Ortsbestimmungen etc zu zeichnen aber ich bin bei zu vielen Rathseln stehen geblieben. Ich bin gewiss, dass Sie in mehreren Beziehungen ein schönes Material zu der Geologie und der Geographie dieses nördlichen Endes des Kontinents bringen werden. Gewiss haben Sie auch Gelegenheit gehabt, schöne

Дмитрий Иванович Менделеев

Владимир Афанасьевич Обручев

Руаль Амундсен

История повторяется

За 12 лет, прошедших между крушением «Жаннетты» и дрейфом «Фрама», вопрос о Северном континенте и его обломках — островах, виденных русскими путешественниками, не переставал волновать ученых. Считалось, что, стоит только предпринять усилие, и материк будет открыт. Даже Норденшельд собирался посетить Новую Сибирь и посвятить несколько лет изучению этой загадки Арктики...

Для изучения метеорологических и геофизических процессов в Арктике и Антарктике русские географы создали метеорологическую станцию в устье Лены, на острове Сагастырь. Ученые и их наблюдения оказали исключительное влияние на дальнейшие поиски Северного континента. Руководил этой станцией Николай Юргенс, офицер русского военного флота. Его помощником был Александр Александрович Бунге, сын знаменитого почетного академика и профессора ботаники Дерптского университета.

Скоро слух о путешественниках, поселившихся на острове Сагастырь, разнесся далеко по Северу. Местные жители стали частыми гостями на станции. Они приезжали не только из селений в дельте Лены, но и с устьев Яны, Оленёка, Анабары. Многие из них нуждались

в медицинской помощи, и Александр Бунге не жалел ни лекарств, ни знаний, чтобы помочь пациентам северной пустыни.

И вот спустя 76 лет со времени путешествия Михаила Адамса история повторяется. Александр Бунге слышит от посетителей станции рассказы о Новосибирских островах, которые с 1823 года не посещал ни один ученый. Уже 60 лет ждут натуралистов остатки исполинских мамонтов, которые могут дать ключ к разгадке многих тайн природы древнего мира. А к северу от островов Котельного, Фаддеевского, Новая Сибирь, где были сделаны открытия Джорджем Де-Лонгом, возможно, существуют неведомые земли, которые видел не только Санников, но и многие охотники, ездившие за мамонтовой костью в те края. Бунге вспоминает, что он читал об этом и у Аргентова в его статье «Северная Земля». Правда, с 1842 года, когда с Новосибирских островов не вернулась артель охотников за мамонтовой костью, туда почти никто не ездит... Промышленники считают, что «до Новосибирских островов легко добраться, но воротиться с них трудно».

Находясь на Сагастыре, Бунге составил план новой экспедиции и послал его в Академию наук. Его письмо встречают с восторгом. Ученые России давно мечтали о натуралисте, который бы взял на себя смелость отправиться на Новосибирские острова и дать глубокое научное представление о природе столь далекого края России. Деньги на экспедицию отпускаются немедленно. Александр Бунге назначен ее начальником.

В середине августа 1883 года Бунге посетил то место, где почти 77 лет назад Адамс нашел остов мамонта. Адамсом был поставлен на обрыве памятный знак, но затем он исчез, погребенный вместе с обвалившимся ледяным обрывом. Бунге внимательно исследовал место прежней находки, особенно много времени и сил уделив изучению ископаемого льда, который виднелся в обрывах и сверху был прикрыт слоем земли.

Осенью 1884 года Бунге прибыл в далекий Иркутск, где он встретился со своим товарищем по предстоящей экспедиции Эдуардом Толлем. Бунге уже давно связывала дружба с этим молодым талантливым ученым, девизом которого были слова: «Идти вперед, и только вперед!» Он оставался верен этому девизу в течение всей своей недолгой деятельной жизни.

Толль родился в Ревеле (Таллине) 14 марта 1858 года. Учился он в Дерптском университете, по окончании

которого изучал средиземноморскую фауну и геологическое строение острова Минорки. Результаты своих научных исследований он обобщил в работе, за которую ему была присвоена степень кандидата зоологии.

В феврале 1885 года все приготовления к новой экспедиции были закончены, и друзья выехали в Якутск, которого благополучно достигли 7 марта. Через месяц они направились в Верхоянск. Сначала ехали на лошадях, затем на оленях, запряженных в легкие нарты. Оленьи упряжки, да еще порой лодка служат им транспортом весной и летом 1885 года, когда они обследуют почти неизученный Приянский край.

Зима 1885/86 года застает Бунге и Толля в селе Казачьем, в 30 верстах к югу от Усть-Янска. Ни пятидесятиградусные морозы, ни почти трехмесячная полярная ночь не могли уменьшить энтузиазма молодых исследователей. Они тщательно готовились «к прыжку» на Новосибирские острова. Надо было собрать около полутора десятков собачьих упряжек для перевозки более 700 пудов грузов и снаряжения экспедиции.

В марте 1886 года у Бунге имелось 240 собак, которые распределили на 20 нарт. Все грузы были сосредоточены в пункте Аджергайдах, неподалеку от мыса Святой Нос.

31 марта Бунге снова стоял на берегу Ледовитого океана. Всего лишь несколько переходов отделяло его от Новосибирских островов.

В его лагере было шумно и оживленно. Вокруг стоявших здесь раньше строений было разбито несколько чумов из оленьей кожи, в которых жили участвовавшие в экспедиции якуты. Над каждой палаткой вился дымок, слышался веселый разговор и даже песни, прерываемые ужасным лаем собак, часто ссорившихся между собой, и восклицаниями разбирающих их каюров.

Бунге и Толль решили разделить Новосибирскую экспедицию на две части. Толль должен был посвятить предстоящее лето исследованию островов Анжу, а Бунге — заняться изучением геологии Большого Ляховского острова, где, судя по рассказам местных жителей, имелись в большом числе остатки ископаемых животных.

29 апреля путешественники покинули стан Аджергайдах. На следующий день они разбили свои палатки у реки Блудной на Большом Ляховском острове. Через сутки ученые ступили на Малый Ляховский. Не прошло и двух дней, как они были на мысе Медвежьем Котельно-

го острова, куда Бунге решил проводить своего товарища. Они создали на острове два продовольственных склада.

7 мая Бунге на долгое время расстался с Эдуардом Толлем, который отправился исследовать острова Котельный, Фаддеевский и Новая Сибирь.

Бунге поехал на север, чтобы продолжить съемку острова Котельного, которой он занимался в течение недели. Работать было трудно из-за сильных туманов. Но больше всего неудобств доставило отсутствие на берегах выкидного леса. Ничего другого не оставалось, как сжечь сначала жерди от палатки, а затем все деревянные вещи, кроме нарт.

И все-таки только 21 мая Бунге решил проститься с берегами острова Котельного и направиться на юг. В пути экспедицию застиг сильный восточный ветер. Пришлось искать убежища за ледяными торосами.

«Сильный буран, — вспоминал Бунге, — задержал нас на этом месте трое суток; нашу палатку совсем занесло снегом, стало капать внутри, все отсырело».

На Большом Ляховском острове Бунге ждало разочарование. Тунгусы, которые должны были доставить ему ездовых оленей, ничего не зная о разделении экспедиции на две части, отправились на остров Котельный и разминувшись с путешественниками. Уехали они несколько дней назад — догнать и вернуть их было невозможно. С ужасом думал ученый о том, что лето у него может пропасть для науки только из-за отсутствия средств передвижения, так как по обнаженной земле ездить на собаках невозможно. Оставалась надежда, что с материка приедут охотники-промысловики, которых всюду на Севере называют промышленниками, и он у них наймет оленей. Чаяниям его суждено было осуществиться в тот самый момент, когда он уже ни на что не надеялся.

14 июня около избы Бунге неожиданно остановились четыре охотника, которые по льду, покрытому водой, переправились через пролив Дмитрия Лаптева. Один из них согласился предоставить шесть оленей и самого себя в распоряжение путешественника.

Лето и осень Бунге разъезжал по тундре на нартах, обследуя наиболее интересные для науки места.

Если в дельте Лены приходилось страдать от комаров, то на Большом Ляховском острове больше всего неприятностей доставляли ветры. Редко выпадали дни, когда при ясном небе стоял штиль и воцарялась полная тишина, не нарушаемая ни одним звуком.

«Это в самом деле минуты настоящего наслаждения и отдыха,— писал Бунге,— тогда даже этот бедный, сумрачный и суровый край является в розовом свете, тем более если, как мне случалось, можно смотреть на него с верхушки горы. Кругом зелено-коричневая тундра, из которой вдали поднимаются живописные группы гор в лиловом оттенке; за ними покрытое льдом море и на самом горизонте синие очертания береговых гор Святого мыса; вся картина облита слабым красноватым светом полуденного солнца. Но это ненадолго. Вдруг на горах являются тучи тумана вроде шапок, и через несколько минут вся картина исчезнет и просвистит первый порыв ветра».

Со второй половины июня до глубокой осени Бунге ходил пешком по Большому Ляховскому острову, в то время как проводник на оленях перевозил экспедиционное снаряжение и провизию.

Между тем его сподвижник Эдуард Толль сделал неожиданное открытие.

Однажды августовским днем 1886 года, когда он осматривал северный берег острова Котельного, проводник Василий Джергели обратил его внимание на чудесное видение. На северо-востоке у края горизонта вырисовывались контуры четырех гор, соединявшихся на востоке с пологой низменной землей.

Джергели и Толль долго смотрели на этот явившийся вдруг из морской пучины остров. Исследователь пристально вглядывался в горы. Ему казалось, что они, как и горы расположенного на востоке от этой земли острова Беннетта, были сложены базальтами. Толль прикинул расстояние. По его расчетам, таинственная, не открытая никем земля лежала в 150—200 километрах от берегов острова Котельного.

Так и стояли путешественники, пока туман не скрыл это далекое и прекрасное видение. Старый Джергели, в седьмой раз летовавший на Новосибирских островах и уже несколько раз видевший синие горы на северо-востоке, досадливо махнул рукой: всегда они являлись среди серых волн или белой снежной пустыни на несколько минут и потом снова бесследно исчезали в туманной дали. А Толль, очарованный и взбудораженный этим событием, больше уже не думал о своих чудесных находках и геологических открытиях, которые только что занимали его думы. Ученого манили к себе неведомые горы.

«Между тем,— писал Толль,— Джергели, схватив

свою берестянку с табачком, понюхал и на несколько минут задумчиво уставился в одну точку.

— Тойон! — вдруг обратился он ко мне, снова возвращаясь к своей излюбленной теме. — А на Земле Санникова тоже есть плавающий лес, и олени, и кости?

Я объяснил ему, что, по моему мнению, на западном берегу Санниковой Земли должен быть плавающий лес, а может быть, есть также и олени, и мамонтова кость.

Все лицо Джергели вспыхнуло, выразив какую-то страстную тоску и внутреннее восхищение, без сомнения, перспективной охоты на оленей и собирания мамонтовой кости на острове, где еще никто никогда не охотился и не собирал ничего.

Но скоро это впечатление сменилось серьезным раздумьем.

Мнение свое Джергели резюмировал так:

— Значит, плавающий лес идет туда с Лены. Это верно. И раз эти американцы нашли олений рог на другой Земле Санникова (острове Беннетта), отчего же не быть оленям и на этой? А что до костей, так понятно, что они должны быть и там, ведь и там был потоп.

— Что ты хочешь сказать этим? — спросил я, с большим любопытством ожидая дальнейших объяснений Джергели.

— Очень просто, тойон. Когда Ной построил ковчег, надо было вогнать туда всех зверей; но построил-то он плохо, ковчег вышел больно мал, и мамонт не мог влезть в него. Вот бедные животные и плыли за ковчегом, пока не выбились из сил и не потонули. Потом, как вода-то сбыла, мамонтовы туши и остались лежать тут во льдах вместе с принесенным потопом плавающим лесом. А если здесь все острова были под водой, то, верно, была под водой и Санникова Земля».

Толль полагал, что он вместе со своим спутником Джергели видел ту самую Землю, которую впервые видел Санников летом 1809 года.

13 августа 1886 года Толль сделал запись в дневнике о том, что имеются все основания снова нанести пунктиром на карту еще одну Землю Санникова.

Отыскание этого овеянного легендами и окруженного тайнами острова, который, словно призрак, появляется и исчезает в туманной дали Северного Ледовитого океана, становится жизненной задачей исследователя. С этой минуты он только и мечтает об открытии Земли Санникова. Эти два слова звучат в его научных исследованиях независимо от того, пишет ли он о мамонте, или об иско-

паемом каменном льде, или о геологическом строении Новосибирских островов.

24 октября 1886 года в лагерь начальника экспедиции вернулся Толль. Он обследовал острова Котельный, Новая Сибирь, Фаддеевский и назвал безымянный до сих пор низменный «песок» в архипелаге Анжу Землей Бунге. Путешественники переправились по льду на материк. Через месяц в Академию наук пришла телеграмма о том, что экспедиция благополучно возвратилась в Якутск с богатой научной добычей.

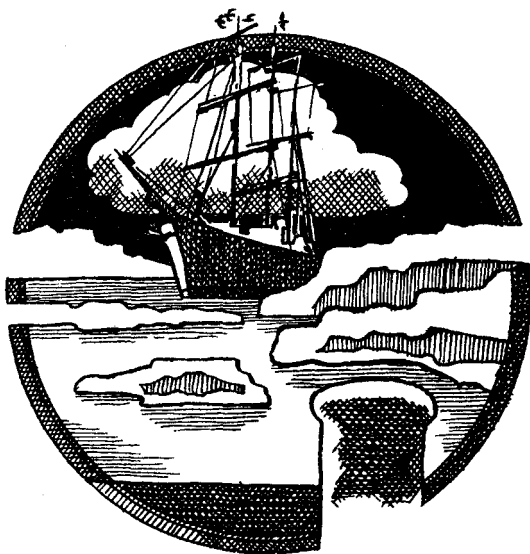
Экспедиция Бунге—Толля выполнила обширные климатические, биологические, геологические исследования. Всякий раз, когда имелась возможность, ученые наблюдали за перемещением льдов, но главное внимание было уделено изучению ископаемых животных, обитавших одновременно с мамонтом, ископаемого льда и остатков древней растительности.

Бунге по возвращении из путешествия в своем выступлении в Географическом обществе заявил, что на Новосибирскую экспедицию смотрит как на первый опыт.

«Мы только узнали, что поездки на острова очень возможны и как именно нужно их устраивать. Об окончательном исследовании и речи не могло быть: много интересного на Новосибирских островах осталось неисследованным. Между тем виднеется дальше на север новая, совсем неизвестная земля, так называемая Санниковская.

Я убежден в том, — говорил Бунге, — что после обработки собранных материалов, интерес, который заслуживает этот край в научном отношении, еще увеличится: практических результатов, оказывается, пока мало, но их ожидать и не следует; они обнаруживаются после научных исследований, иногда только через несколько десятилетий или еще позже. Поэтому я питаю надежду, что в недалеком времени будет снаряжена другая экспедиция в этот край; надеюсь, что она будет русская и будет совершена на пользу науки, во славу России».

Ученые высоко оценили итоги новосибирского путешествия Бунге — Толля. В отчете Академии наук за 1886 год говорилось, что подвиг Бунге и Толля заслуживает быть занесенным в летопись выдающихся научных достижений: «Поручение Академии наук выполнено в почти неожиданном объеме, и глазами наших посланцев наконец в первый раз рассмотрены эти негостеприимные окраины России».

«А может быть, там земля?»

Через несколько лет после возвращения из Новосибирской экспедиции 1885—1886 годов Э. В. Толль на Международном географическом конгрессе в Вене встретился с Фритьофом Нансеном. «Молодой норвежский полярный исследователь, — писал он 16 сентября 1890 года академику Ф. Б. Шмидту, — посетил меня в гостинице и имел со мной продолжительную беседу о расположении льдов в районе Новосибирских островов, о ездовых сибирских собаках и о других животрепещущих вопросах, которыми мы оба одинаково интересовались».

Нансен посвятил Толля в детали своего дерзновенного плана. Норвежский ученый намеревался пересечь на судне Северный Ледовитый океан вместе с дрейфующим льдом. Толль посоветовал своему коллеге начать дрейф из северо-восточного угла моря Лаптевых, точнее, из района Земли Санникова, которую он видел к северу от острова Котельного. Именно здесь, по его мнению, существовало Ленское течение, направленное к северу. Кроме того, как видно было из метеорологических наблюдений станции Сагастырь, здесь преобладали юго-восточные ветры, способствовавшие дрейфу льдов к северо-западу.

С этого времени начинается необыкновенная дружба

двух необыкновенных исследователей Арктики. Именно этим двум великим деятелям науки предстояло вписать новые страницы в древнюю историю Северного материка.

Фритъоф Нансен родился 10 октября 1861 года в усадьбе Стур-Фрён, близ норвежской столицы Христиании (Осло). Детство его прошло среди гор. Он был отличным конькобежцем, великолепным лыжником и нередко предпринимал дальние походы, о которых на склоне лет рассказал в книге «На вольном воздухе».

Учился он на естественном факультете университета.

По словам Нансена, после долгих колебаний он решил посвятить себя изучению зоологии. Страстный охотник, рыболов, любитель лесов, он по своей юношеской неопытности думал, что «изучение зоологии связано с постоянным пребыванием среди природы в отличие от химии и физики, к которым он чувствовал особое влечение».

Более того, в голову Нансену пришла мысль, что занятия зоологией следует начать с изучения природы и «животной жизни» Северного Ледовитого океана. В 1882 году на зверобойном судне «Викинг» он отправился сначала к берегам Шпицбергена, а затем к берегам Гренландии, где вместе с командой занимался охотой на медведей и тюленей. Одновременно он вел зоологические наблюдения. Среди микроскопических водорослей, покрывавших отдельные ледяные поля, он обнаружил 12 видов (из 16), которые были известны только в восточных морях Русской Арктики. В море изредка встречались обломки плавника, приплывшего вместе со льдами от берегов Сибири.

«Вот этот плавник,— писал впоследствии Нансен,— сильнее всего убедил меня в факте постоянного дрейфа льда в Северном Ледовитом океане; дрейф этот начинается в море, находящемся к северу от Сибири, и продолжается здесь с Восточно-Гренландским полярным течением».

Так в счастливое лето 1882 года у берегов Гренландии зародилась у Нансена гипотеза о существовании течения от Берингова пролива в Атлантический океан, которую он впоследствии смело и блестяще доказал.

По возвращении из плавания на «Викинге» Нансен отправился в Берген, где ему предложили должность препаратора Зоологического музея. Его исследования по анатомии и гистологии мизостом, по микроскопическому строению центральной нервной системы приносят ему

признание. Одновременно он работает над докторской диссертацией и готовится к путешествию через Гренландию.

В 1887 году Нансен отправился в Стокгольм и заручился поддержкой Норденшельда, который поделился с ним опытом, полученным в его прежних экспедициях. Норденшельд дважды пытался пересечь Гренландию, идя с запада на восток, но прошел лишь 177 километров в глубь ледяного плато, не считая, что сопровождавшие его лопари прошли еще около 200 верст. Нансен решил пробиться через дрейфующий лед к безлюдному восточному побережью Гренландии и затем направиться на северо-запад. Высадившись на восточном берегу, Нансен, по его словам, «сжигал все корабли». Для сохранения своей жизни ему и его спутникам предстояло пересечь Гренландию и выйти к населенным местам на ее западном побережье. Иного выбора у него не оставалось.

Однако смелый план не нашел поддержки ни у правительства, ни в прессе. Молодому ученому помог датский министр Август Гамель, снабдивший его средствами (5000 крон) на организацию экспедиции.

В августе 1888 года из фиорда Умивик на восточном побережье Гренландии Нансен с пятью спутниками начал свое путешествие, принесшее ему мировую славу. Много дней продолжался первый в истории географических исследований переход через Гренландский ледниковый щит. Его участники шли при сорокаградусных морозах, жестоких метелях, поднимались по обледенелым горным склонам и ночевали под открытым небом. В мае 1889 года Нансен вернулся в Норвегию и был встречен как национальный герой.

Спустя год он выдвинул еще более смелый план. Дело в том, что возникшая в 1882 году мысль о выносе восточносибирских льдов в Атлантику продолжала укрепляться в нем все более и более. К тем данным, которые были получены им самим, добавилось новое доказательство. На юго-западном побережье Гренландии в 1884 году были обнаружены предметы и вещи, принадлежавшие экспедиции Джорджа Де-Лонга. Об этом он узнал из статьи профессора Хенрика Мона, опубликованной в норвежской газете «Моргенбладет». В ней говорилось, что через три года после гибели «Жаннетты» течения вынесли из Ледовитого океана 58 предметов. Эту находку осмотрел на льдине датчанин Лютцен и составил подробное описание обнаруженных вещей, доку-

ментов и предметов, среди которых был список продовольствия, собственноручно подписанный Де-Лонгом... «Профессор Мон, — вспоминал об этом случае Нансен, — высказал предположение, что предметы перенесены через полярное море на дрейфующей льдине. У меня тотчас мелькнула мысль, что путь найден.

Если течение могло перенести через неизвестные пространства льдину, то почему бы не воспользоваться этим течением для экспедиции?»

Теперь Нансен окончательно уверился, что через Северный полюс или очень близко от него проходит течение, направленное в Атлантику, и выносит лед в проливы между Гренландией — Шпицбергенем и между Гренландией и Америкой. Нансен не рассчитывал, что в центральной части Северного Ледовитого океана он встретит открытое, безледное море.

«Исстари, — писал он, — повторяется одно и то же вновь и вновь. Самое естественное, казалось бы, объяснение вещей отвергается. И если сразу не подтверждается умеренная точка зрения, то всего охотнее хватаются за самые дикие гипотезы. Только в силу этого и могла возникнуть уверенность в существовании свободного от льдов полярного моря и держаться вопреки тому, что мореплаватели всюду наталкивались на льды. Видно, дескать, оно находится где-то за льдами...»

Нансен придерживался точки зрения русских исследователей, которые полагали, что Ледовитое море не сковано вечным льдом и что покрывающий океан лед даже зимой находится в постоянном движении. Большинство из них считали, что вряд ли в центральной части Арктики расположен материк значительных размеров, хотя и допускали, что в неизведанном пространстве океана, возможно, находятся отдельные земли и острова...

Нансен вопреки Петерману полагал, что вряд ли Гренландия простирается далеко к северу от известного уже северного пункта. Весьма сомнительным он считал и предположение о том, что Земля Франца-Иосифа «простиралась до самого полюса». «Насколько мы знаем, — писал Нансен, — это архипелаг, и острова отделены один от другого глубокими проливами. Существование там обширного пространства твердой земли весьма сомнительно».

Как впоследствии оказалось, Нансен был глубоко прав. Более того, во время похода из района дрейфа «Фрама» к Земле Франца-Иосифа он вместе с Иохансе-

ном убедился, что Земля Петермана и Земля Короля Оскара, которые якобы видели австрийские путешественники, вероятно, весьма невелики по своим размерам. Не исключал Нансен, что их не существует вообще, что вскоре и было доказано полярными исследователями...

В 1892 году Нансен доложил свой план в лондонском Королевском географическом обществе. Одни из исследователей считали его самым дерзновенным полярным проектом, другие находили фантастичным, обреченным на неудачу. Главным препятствием на пути Нансена, корабль которого должен был совершить дрейф вместе со льдами, считался континент в центре Арктики.

Известный английский полярный исследователь Аллен Юнг заявил: «Доктор Нансен полагает, что белое пятно вокруг земной оси покрыто водою или льдом. Я же считаю самой большой опасностью то, что почти во всех направлениях полюс окружен сушей. Большинство прошлых мореплавателей постоянно усматривали землю все далее и далее на севере. Предметы с «Жаннетты» могли приплыть к тому месту, где их нашли, через узкие проливы. Мне представляется крайне опасным для корабля отдаться во власть дрейфа на таком пути, где он рискует наткнуться на сушу, которая может его задержать на долгие годы».

Особенно резко против плана Нансена выступил полярный исследователь Адольф Грили. Он руководил американской экспедицией в залив Леди Франклин, которая вела там наблюдения в 1881—1883 годах. Грили отрицал существование дрейфа льдов через Северный Ледовитый океан и считал, что найденные на западных берегах Гренландии вещи принадлежат не морякам «Жаннетты», а участникам плавания на судне «Протей», который погиб в 1882 году недалеко от места находок.

Грили был убежден, что нельзя на корабле приблизиться к полюсу, поскольку там находится обширная земля.

«Мы знаем почти с такой же достоверностью, как если бы видели это собственными глазами,— писал он в одной из американских газет,— что в этих неисследованных областях находится обширная суша, являющаяся колыбелью столообразных айсбергов и палеокристаллического льда». Сам полюс, по мнению Грили, должен лежать внутри этой покрытой ледниками земли, которая имеет более 300 миль в поперечнике и посылает

ледяные горы как к Гренландии, так и к Земле Франца-Иосифа.

На родине Нансена к проекту ученого отнеслись востороженно. Советами и делами помогали ему русские коллеги, предоставившие в его распоряжение данные о метеорологических условиях в районе Лены (станция Сагастырь) и Новосибирских островов, где он по совету Толля должен был вмерзнуть в дрейфующий лед и начать дрейф через океан.

Особенно Нансен интересовался истари применяемым русскими полярными исследователями собачьим транспортом (сани, запряженные собаками).

«Впервые, — писал он, — этот превосходный способ передвижения был применен при полярных исследованиях в Сибири. Еще в XVII и XVIII столетиях русские совершали самые далекие поездки на санях и наносили на карты сибирские берега от границ Европы до Берингова пролива. Да и ездили они не только вдоль берегов, но переходили по плавучему морскому льду до Новосибирских островов и даже еще севернее. Едва ли когда-либо приходилось путешественникам претерпевать столько лишений и выказывать такую выносливость, как во время этих поездок».

Нансен обратился к Э. В. Толлю за советом, как достать хороших сибирских ездовых собак. Толль немедленно отозвался на призыв норвежского полярного исследователя. Он сообщал, что отправляется в научную экспедицию на арктические берега и острова Восточной Сибири и сам проследит за тем, чтобы собаки были закуплены и отправлены, согласно уговору, в Хабарово и Оленёк, где экспедиция должна была взять их на борт «Фрама». Кроме того, Толль, по словам Нансена, нашел полезным устроить несколько продовольственных складов на Новосибирских островах на тот случай, если с «Фрамом» случится несчастье и путешественникам придется возвращаться этим путем. В то время как в Норвегии шла подготовка к путешествию и оснащался «Фрам», Толль предпринял путешествие через Малый и Большой Ляховские острова к Котельному острову и заложил на пути возможного возвращения норвежской экспедиции три депо с запасами провизии. «О нас позаботились так хорошо, что в случае, если бы нам пришлось туда попасть, мы бы, несомненно, не испытывали никаких лишений. В самом северном депо, у становища Дурново, на западном берегу острова Котельного, под 75°37' северной широты мы нашли бы провианта на

восемь дней. Этого было достаточно, чтобы пройти 100 километров к югу вдоль берега и достигнуть второго депо под Уруссалахом, где в построенной Толлем избе имелись запасы на целый месяц. Наконец, третий склад с запасом провианта на четыре месяца был оставлен в избе на южной стороне Малого Ляховского острова, что давало возможность уже легко достигнуть материка».

Нансен был тронут тем, что его встретит сибирское гостеприимство даже на Новосибирских островах. Сообщение об этом он получил от Толля в то время, когда завершалась подготовка к путешествию. Для экспедиции был построен специальный корабль, которому жена исследователя Ева Нансен дала имя «Фрам», что значит «вперед». Вместе с Нансеном отправлялось 12 человек; экспедиция была богато оснащена приборами и оборудованием для научных наблюдений. Особое внимание было уделено подбору высококачественного продовольствия, чтобы не допустить появления цинги.

14 июня 1893 года «Фрам» покинул Осло-фиорд.

Экспедиция направилась на восток. 29 июля «Фрам» отдал якорь в Югорском Шаре, вблизи селения Хабарово. Здесь путешественники приняли на борт упряжку собак, которую подготовил Эдуард Васильевич Толль.

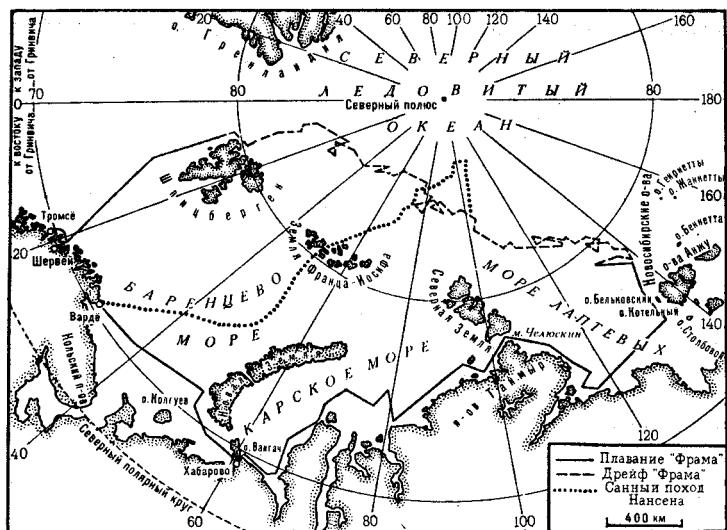
Собачья упряжка, доставленная в Хабарово, сослужила впоследствии добрую службу Нансену.

«Фрам» вышел в Карское море. Вскоре льды остановили его. Пришлось пришвартоваться к сидевшей на дне огромной стамухе и ждать улучшения ледовой обстановки. Эта невольная остановка продолжалась недолго. Остальную часть Карского моря прошли беспрепятственно.

10 сентября «Фрам» приблизился к мысу Челюскин и благополучно прошел линию самой северной точки Евразии.

Через неделю экспедиция была у острова Бельковского. Вскоре «Фрам» был уже в тех местах, где Эдуард Толль видел Землю Санникова. Каждый день Нансен поднимался на капитанский мостик и подолгу всматривался вдаль, надеясь среди серых волн и редких льдин различить землю. Но впереди ничего не было видно, кроме темного неба и почти свободного ото льдов моря.

«Если всё пойдет хорошо, мы должны прийти к Земле Санникова, на которую не ступала нога человека», — записал Нансен 16 сентября 1893 года в своем дневнике. Всюду была чистая вода. Планы его сбывались. Капитан «Фрама» Отто Свердруп находил, что они

Карта-схема дрейфа «Фрама»

по свободному ото льдов Полярному морю поднимутся до 80 или даже 85° северной широты.

Нансен готов был удовлетвориться 78-й параллелью.

«Фрам» шел малым ходом. Здесь где-то должна быть земля, которую видел Толль и на которую они могли в тумане неожиданно наткнуться. Утром 20 сентября 1893 года, когда судно находилось около 78° северной широты, «Фрам» вдруг ударился о льдину. Поднявшись на палубу, Нансен увидел в тумане блестящую кромку льда. Она держалась поперек пути.

«Очень хотелось пройти на восток, — говорил Нансен, — чтобы посмотреть, нет ли земли в этом направлении, но похоже было, что на востоке лед встретится уже на более низкой широте и, напротив, можно достигнуть более высоких широт, держась западнее. На мгновение выглянуло солнце и позволило нам определиться. Оказалось, мы на 77°44' северной широты.

Придерживаясь кромки льда, продвинулись вперед в северо-западном направлении, хотелось знать, нет ли впереди какой-нибудь земли. Что-то удивительно много стало попадаться разных птиц. Встретилась стайка куликов. Она сопровождала нас некоторое время и потом повернула к югу. Вероятно, они летели с какой-нибудь земли, лежавшей севернее. Однако из-за тумана, кото-

рый постоянно держится надо льдом, ничего нельзя разглядеть. Позже пролетела еще стая маленьких куличков, что также, по-видимому, указывало на близость земли. На следующий день прояснилось, но земли не было видно. Мы находились значительно севернее того места, где, по мнению Толля, должен был лежать южный берег Земли Санникова, но примерно на той же долготе.

По всей вероятности, эта земля лишь небольшой остров, во всяком случае она не может заходить далеко к северу».

Нансену очень хотелось повернуть на восток, чтобы еще раз попытаться дойти до Земли Санникова или даже до острова Беннетта. Но в то же время он опасался, что около острова дрейф может отсутствовать и вместо того, чтобы плыть вместе со льдами океана через Северный полюс к проливу между Гренландией и Шпицбергенем, «Фрам» застрянет неподвижно в припайном льду и останется без пользы зимовать вблизи острова... «Фрам» уклонился к северо-западу от острова Котельного и вскоре остановился в ледяном поле, вместе с которым ему предстояло совершить первый дрейф через просторы Северного Ледовитого океана.

Судно с каждым днем все крепче и крепче вмерзало в лед. Тринадцать человек отправились навстречу неизвестному будущему. Все они знали, на что шли, и были полны решимости выполнить свой долг перед наукой и родиной.

Дрейфующий лед уносил «Фрам» все дальше и дальше на северо-запад. Измерив 4 октября 1893 года глубину, путешественники убедились, что она доходит до 1500 метров. «Вот и прощай, пресловутое мелководье Полярного бассейна», — записал Нансен в дневнике.

Потом начались северо-западные ветры, и корабль отнесло к юго-востоку, что немало огорчило исследователей.

9 октября путешественники испытали первое сжатие льдов. Вдруг белое безмолвие сотряс грохот. Все выскочили на палубу. Вокруг «Фрама» громоздились льды. «Лед, — писал Нансен, — наступал непрерывно, но вынужден был подаваться вниз, медленно выжимая судно вверх. В течение дня сжатия неоднократно повторялись и были иной раз настолько сильны, что «Фрам» подымался на несколько футов, но долго лед его сдерживать не мог. Корабль поджимал лед под своей тяжестью».

Подвижки льда продолжались несколько дней под-

ряд. Стоял рокот и гул, словно гремел мощный орган. Торосы вокруг судна достигли значительной высоты.

13 октября «Фрам» оказался в огромнейшем разводье. Полюнья тянулась до самого горизонта. Водяное небо на севере свидетельствовало о том, что там находится пространство океана, не скованное льдом. Нансен даже приказал готовить машину к плаванию на север. «Я допускаю возможность, что как раз там-то и проходит граница между областью дрейфа «Жаннетты» и паком, с которым мы теперь дрейфуем к югу. А может быть, там земля?»

В середине декабря, когда «Фрам» находился на 79°8' северной широты, вблизи корабля появились и медведи и песцы, хотя перед тем не видно было ни единого живого существа. «Когда мы, — записал Нансен в дневнике, — в последний раз видели песца, мы находились гораздо южнее, вероятно возле Земли Санникова. Не приближаемся ли мы снова к земле?»

Хотя «Фрам», который вместе со льдами делал многочисленные зигзаги и петли, нередко возвращался в ранее пройденные районы, его постепенно уносило к северо-западу. Глубины океана превышали уже 2000 метров. А мысль о возможности встретить землю все чаще и чаще появлялась у Нансена.

23 января 1894 года, когда «Фрам» находился на 79°41' северной широты, путешественники встретили моржа. «Ни о чем таком никто из нас сроду не слыхивал, — записал Нансен. — Это явление для меня полная загадка. Мне пришло на ум, что, быть может, мы попали на мелководье или оказались вблизи какой-нибудь земли?»

Пытались измерить глубину. Но, вытравив лить длиной 2400 метров, дна не достали. Вероятно, если и лежала на их пути земля, до нее еще было далеко. 27 января «Фрам» огласили восторженные крики Отто Свердруп. Он кричал, что видит высокую землю. Нансена не было в это время на корабле. Он вернулся с прогулки только через час. Взобравшись на мачту, он долго всматривался в ледяную даль, но ничего не увидел, кроме торосов. На следующий день стало ясно, что то была не земля, а мираж.

«Фрам» все дальше и дальше уносило в океан. Все так же часты и грозны были сжатия льдов, которые нагромождали вокруг корабля огромные ледяные валы. Ужесточалась стужа. 7 февраля 1894 года при слабом северо-северо-восточном ветре мороз достиг — 49,6°.

Вероятно, действительно где-то у полюса находилась суша, где стояли жестокие холода.

Но вот ветер сменил направление. Температура воздуха повысилась. Дрейф к полюсу возобновился, и Нансен сделал запись в дневнике о том, что «земля на севере исчезла».

Однако мысль о таинственной исполинской суше ненадолго оставила путешественника. Все чаще и чаще он задумывается над тем обстоятельством, что здесь, в районе 80-й параллели, существует какое-то препятствие, которое отрицательно сказывается на скорости дрейфа и мешает льдам вместе с «Фрамом» подняться в более высокие широты. Более того, корабль неожиданно отнесло на несколько десятков миль к югу, несмотря на сильный южный ветер. Это обстоятельство удивляло и озадачивало Нансена.

«Быть может, и впрямь там, на севере, земля? — писал он 2 марта 1894 года. — Я все больше и больше склоняюсь к такому заключению. Существование земли на севере сразу объяснило бы также, почему мы не продвигаемся дальше на север и почему так медленно движемся к югу».

Нансена весьма удивляло преобладание северо-западных и юго-восточных ветров и почти полное отсутствие северо-восточных и юго-западных. Он не мог найти этому удовлетворительного объяснения. Единственно оставалось предположить существование неизвестной земли в Северном Ледовитом океане. «Не простирается ли Земля Франца-Иосифа дальше к востоку или северу или не идет ли от нее в этом направлении непрерывная цепь островов? — отмечал он. — В этом нет ничего невозможного... С трудом верится, чтобы эти удивительно холодные ветры с севера возникали над покрытым льдами морем. Да, если бы там действительно оказалась земля и мы дошли до нее, всем горестям пришел бы конец».

На следующий день, 10 марта, когда задул южный ветер, Нансен мог «предаться счастливым грезам о большой высокой земле на севере с горами и долами». Там, думал он, «мы будем, сидя у подножия отвесной скалы, жариться на солнце в ожидании прихода весны. А затем по материковому льду доедем на санях до самого полюса».

В течение марта 1894 года «Фрам» дрейфовал в пределах 80-й параллели, то поднимаясь к северу на несколько десятков миль, то спускаясь со льдами к югу.

Когда случалось отступление, Нансена охватывало чувство тревоги. Он все чаще и чаще приходил к заключению, что корабль пересечет Ледовитый океан вдали от полюса. Он пытался в минуты уныния утешить себя афоризмом: «Люби не столько победу, сколько истину». Не беда, что экспедиция не достигнет полюса, зато она исследует неизвестные области Северного Ледовитого океана и доставит науке массу драгоценных наблюдений над природой этой страны.

Кроме того, они, возможно, откроют неизвестную землю, которая, вероятно, лежит на севере. Если бы ее не было, то откуда бы после четырехмесячного перерыва в окрестностях «Фрама» оказались сразу четыре белых медведя?

«Что это означает? — отмечал Нансен в дневнике. — Или мы приближаемся к той земле, которую я предполагал на северо-западе? В воздухе чувствуется какая-то перемена».

Проходил месяц за месяцем. Зима сменилась весной. Потом наступило лето. «Фрам» все дальше уносило к северо-западу. Хотя и медленно, но корабль вместе со льдами продвигался и к северу. 18 июня 1894 года экспедиция находилась на $81^{\circ}52'$ северной широты. Затем льды стали временами несколько отступать к югу. 26 августа «Фрам» отнесло до $81^{\circ}01'$ северной широты.

«Затем снова пошли к северу, но не очень быстро, — писал Нансен. — Как и прежде, мы все время ждали встречи с землей и усматривали признаки ее близости то в том, то в другом «факте». Но каждый «факт» оказывался в конце концов плодом нашей фантазии, да и большая глубина моря указывала на то, что земля, во всяком случае, неблизко. 7 августа я записал в дневнике: «Думаю, что впредь не будет и речи о мелководном Полярном море, где повсюду можно наткнуться на сушу. И чего доброго, мы в конце концов продрейфуем в Норвежское море, не увидев по пути ни единой горной вершины»».

Наступила осень, а за нею и полярная ночь. Надежды увидеть землю уже не было никакой. О том же говорили глубины. Они исчислялись не десятками, не сотнями, а тысячами метров. Нансен, читавший во многих книгах о мелководности Ледовитого моря, не захватил даже необходимых приспособлений для измерения больших глубин. Пришлось расплести стальной трос на отдельные проволоки, затем заново скрутить их по две и таким

способом получить лотлинь длиной около 5 тысяч метров.

«Оказалось,— писал Нансен,— что глубина колеблется от 3360 до 3900 метров. Это было потрясающее открытие!

До сих пор все и всегда исходило из предположения, что Полярный бассейн мелководен и изобилует неизвестными островами и землями. И я, составляя план экспедиции, тоже принимал существование мелкого моря. Исходя из того же предположения о мелководности, люди заключили, что пространство вокруг полюса некогда было покрыто обширным Полярным материком, от которого теперь остались на поверхности океана лишь многочисленные острова. Этот Полярный материк считался колыбелью многих растительных и животных форм, нашедших оттуда путь в наши широты.

И вот оказалось, что все заключения построены на довольно шатком основании. Большая глубина указывает на то, что здесь ни в коем случае не могло быть материка в один из последних геологических периодов. Эти глубины столь же древни, как и глубины Норвежского моря».

Однако Нансен допускал возможность существования неведомой суши в околполюсном районе.

Так, продумывая этапы своего предстоящего путешествия с борта «Фрама» к Северному полюсу, Нансен среди непредвиденных препятствий считал, что он и его спутники могут «наткнуться на сушу», вблизи которой лед может оказаться чрезвычайно восторошенным, но вряд ли окажется «совершенно непроходимым». И далее продолжал:

«А может оказаться, что берега этой суши представят даже кое-какие преимущества для продвижения. Это будет зависеть от их направления и протяжения. Трудно сказать заранее что-нибудь определенное по этому поводу, но, по-моему, дрейф льдов и обнаруженная нами глубина указывают на то, что мы вряд ли где-либо поблизости можем встретить сушу сколько-нибудь значительного протяжения. Во всяком случае если она и существует где-нибудь, то должен все-таки быть где-нибудь и проход для льдов, и в худшем случае мы имеем возможность следовать по этому проходу».

Это записано в дневнике Нансена 16 ноября 1894 года, когда «Фрам» находился за 82-й параллелью.

Во время второй полярной ночи путешественники вели научные наблюдения, читали книги и помогали

Нансену готовиться в поход к Северному полюсу, который он надеялся предпринять на собаках весной будущего года.

Спокойная, размеренная жизнь обитателей «Фрама» нарушалась сильными сжатиями льдов.

Особенно тревожные дни настали в 1895 году. 4 января у борта «Фрама» появилась трещина. Ночью на судно двинулся ледяной вал. Он все сокрушал на своем пути. Рано утром капитан Отто Свердруп разбудил Нансена. «Сомневаться не приходилось, — писал Нансен, — едва я открыл глаза, как до меня донесся снаружи такой ужасный грохот льда, будто наступил день страшного суда. Я вскочил. Ничего другого не оставалось, как разбудить всех и начать перетаскивать на лед весь оставшийся на судне провиант и тому подобное, а затем вынести на палубу и сложить там меховую одежду и другую амуницию, чтобы перебросить ее через борт в случае необходимости».

Однако «Фрам» благополучно выдержал и это новое испытание.

Между тем на корабле, который уверенно продвигался вместе со льдами на северо-запад, шла горячая подготовка к предстоящему походу к Северному полюсу.

В ночь на 25 февраля 1895 года Нансен написал инструкцию Отто Свердрупу, которому поручал руководство экспедицией с того момента, когда он вместе с Иохансеном покинет «Фрам».

Среди многих пунктов речь шла и о возможной встрече с неизвестной землей. Во-первых, Свердрупу поручалось точнейшим образом определить ее местоположение. Во-вторых, Нансен считал желательным посетить новооткрытую сушу и провести рекогносцировочное ее обследование. «Каждый камень, каждый стебелек травы, каждый образец мха или лишайника, каждое животное, от самого крупного до самого мелкого, — подчеркивал он, — будут иметь большое значение. Не следует упускать случай сфотографировать землю и дать самое точное описание ее, для чего Вам надо стараться объехать землю по возможности кругом, чтобы определить береговую линию, площадь и т. п.».

Когда «Фрам» находился на $84^{\circ}05'$ северной широты и $101^{\circ}35'$ восточной долготы, Нансен вместе со штурманом Иохансеном покинул дрейфовавший корабль и направился к Северному полюсу.

В начале пути их провожали трое товарищей по дрейфу. Но вот настал день, когда они остались одни.

Так шли они вперед через торосы и полыньи, с запасами продовольствия на тысячеверстный путь и с каяками на санях. Каково же было разочарование отважных путешественников, когда они, определив свое местонахождение, установили, что дрейф льдов к югу порой сводит на нет результаты их трудов!

Расчеты Нансена не оправдывались. Путь оказался значительно труднее, чем он предполагал. Скоро исследователь все чаще стал задумываться над тем, осуществится ли его поход к полюсу. За 25 дней путешественники прошли на север всего лишь немногим более двух градусов. До полюса оставалось 400 км, а от полюса почти тысячекилометровый путь до Земли Франца-Иосифа — земли такой же пустынной, как и безбрежные просторы Северного Ледовитого океана.

8 апреля Нансен окончательно пришел к выводу, что результаты похода слишком малы, и повернул на юг. Вместе с Иохансеном он направился к Земле Петермана, до которой, по его расчетам, было около 520 км. Путешественник ошибался. Он и не предполагал, что Земля Петермана окажется мифом и что в действительности придется пройти около 700 км, прежде чем они увидят ледники Земли Франца-Иосифа.

Четыре месяца смелые путешественники шли на юг, одержимые одним стремлением — добраться до твердой земли и до родных мест. Все 122 дня необыкновенно трудного пути были поразительно похожи один на другой: торосы и полыньи, трудности и лишения. Но вот наконец земля предстала перед ними, далекая и желанная, одетая в хрусталь голубого ледника.

Странствия по льду закончились. Нансен и Иохансен пересели в утлые каяки и пустились в дальнейший путь. Плавать в этих жалких скорлупках было несравненно легче, чем тащить нарты по льду, но на воде было гораздо опаснее. Несколько раз моржи едва не погубили путешественников, появляясь из морской бездны рядом с каяками и грозя распороть их клыками.

На одном из островов Земли Франца-Иосифа пришлось из-за непогоды сделать остановку. Путь на юг снова преградили льды.

Было принято решение построить хижину и зазимовать в третий раз, но не в каюте «Фрама», а в берлоге, построенной из камней собственными руками. Киркой служил моржовый клык, лопатой — моржовая лопатка, привязанная к обломку лыжной палки, ломом — железный полоз от саней. Этими инструментами путеше-

ственники выкопали яму, накололи камней, возвели стены высотой около метра и покрыли их моржовыми шкурами. Приготовив кров, они занялись заготовкой продовольствия. Несколько недель охоты на медведей и моржей обеспечили мясом и салом на долгую зиму. Исключительное мужество, вера в свои силы и неистощимая жажда жизни помогли Нансену и его спутнику выстоять в тяжелейших условиях.

19 мая 1896 года они пустились снова в путь, где их ждали новые испытания. Однажды, когда они поднимались на возвышенность, чтобы осмотреться, ветром унесло каяки в море. Нансен бросился в ледяную воду. Вместе с каяками уплывали все надежды на спасение. В них были все запасы и оружие, в них — единственное средство передвижения. Руки и ноги окоченели. Нансен, напрягая последние силы, плыл вперед. Наконец, он поймал каяки, с трудом влез в них и подогнал к льдине, на которой его ждал товарищ.

Так, преодолевая опасности и трудности, продвигались путники к югу, плывя вдоль западных берегов Земли Франца-Иосифа. Они не теряли веры, и спасение пришло. В полдень 17 июня Нансен, залюбовавшийся полетами кайр, вдруг услышал звук, похожий на лай собаки. Нет, это не была игра воображения — вскоре Нансен услышал человеческий голос. Так они встретились с англичанином Джексонем, зимовавшим на мысе Флора. 7 августа на пароходе «Виндворд» Нансен покинул Землю Франца-Иосифа. Через пять дней он увидел берега родной Норвегии, а через неделю туда же прибыл его «Фрам», первым пересекший с дрейфующими льдами Северный Ледовитый океан.

Нансен в первый же час возвращения на родину доложил телеграфом норвежскому правительству: «Экспедиция выполнила свой план: проникла в неисследованное Полярное море к северу от Новосибирских островов и исследовала область, лежащую к северу от Земли Франца-Иосифа до $86^{\circ}14'$ северной широты. Севернее 82° земли не обнаружено».

Путешествие Нансена обогатило географическую науку новыми данными о природе Центральной Арктики. Стало ясно, что Северный Ледовитый океан — не мелководная, как ранее считалось, а глубоководная впадина. Экспедиция на «Фраме», бесспорно, доказала, что из восточносибирских морей постоянно выносятся льды к берегам Гренландии.

«Три года, проведенные нами во льдах, — писал

Нансен в заключительных строках книги ««Фрам» в Полярном море», — были вознаграждены сокровищницей наблюдений по различным областям знаний... Путешествие наше приподняло значительную часть завесы, покрывавшей великую неисследованную область, окружающую полюс, и дало нам возможность составить себе довольно ясную и трезвую картину той части нашей Земли, которая до сих пор была отдана в добычу фантазии...

Но мы не должны на этом останавливаться. Еще много загадок зовут нас к новой работе на Севере, еще многое предстоит исследовать, многое может быть раскрыто лишь долгими годами наблюдений».

После возвращения из плавания Нансен, назначенный профессором зоологии университета в Христиании (Осло), занялся обработкой научных материалов экспедиции на «Фраме». За десять лет он выпустил шесть томов, в которых были собраны результаты метеорологических, океанографических, геомагнитных, зоологических наблюдений. К их обработке Нансен привлек выдающихся специалистов. Геофизические наблюдения экспедиции были обработаны и проанализированы известным норвежским метеорологом Г. Моном, чьи труды по климатологии Арктики не потеряли своего значения и до сих пор.

Особое внимание Нансен уделил анализу материалов о гидрологическом и ледовом режиме Ледовитого океана, и вскоре океанография стала главной темой его научной деятельности. Нансен был одним из инициаторов создания Международного совета по изучению морей. Одновременно он основал в Христиании Центральную океанографическую лабораторию, которая под его руководством занималась разработкой новых методов и приборов для океанографических наблюдений. Сам он сконструировал барометр, который многие десятилетия применяли ученые в разных странах. Ученые России, в том числе такие корифеи русской науки, как Д. И. Менделеев, С. О. Макаров, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. А. Рыкачев, Д. Н. Анучин, проявили особенный интерес к полярным путешествиям Нансена и его исследованиям в области океанографии.

В «Заключительном слове» книги ««Фрам» в Полярном море» Нансен большое внимание уделил вопросу о распределении суши и моря в той части океана, которая оставалась «белым пятном».

«Считаю возможным с уверенностью утверждать, что

по эту сторону полюса суши мало или даже ее вовсе нет, и заключаю это по многим признакам. Уже само по себе невероятно, чтобы глубокое море столь значительного протяжения было лишь узким каналом. Наверно, оно распространяется далеко к северу от нашего маршрута. К тому же мы не видали признаков земли ни в каком направлении. Во время нашего санного путешествия на север оказалось, что лед двигался с большою скоростью, еще большей, нежели та, какую мы находили южнее. В полыньях замечалось сильное движение, и самих нас часто несло довольно быстро по разным направлениям, так быстро, что временами казалось, будто мы просто беспомощно носимся по воле ветра и течений. Массы льдов едва ли могли двигаться так свободно, если бы поблизости находилась сколько-нибудь значительная земля, которая должна была бы непременно препятствовать дрейфу».

Нансен подчеркивал, что метеорологические наблюдения, выполненные его экспедицией, свидетельствуют о том, что вряд ли к северу от маршрута дрейфа «Фрама» находятся значительные массы суши. В другом месте «Заключительного слова» он снова возвращается к этому вопросу и еще раз подчеркивает, что на севере, между полюсом и Евразией, находится обширное, покрытое дрейфующим льдом море. «Напротив, — продолжал ученый, — по другой стороне полюса, вероятно, встретится суша...»

«Наступить... и умереть!»

В августе 1896 года Эдуард Толль по поручению Русского географического общества отправился в Норвегию, чтобы передать сердечное приветствие русских географов Нансену.

Толлю не терпелось увидеть друга, ведь его «Фрам» побывал к северу от Новосибирских островов, вблизи тех мест, где лежала Земля Санникова.

Рассказ Нансена о плавании «Фрама» к северу от Новосибирских островов и о наблюдаемых им признаках суши еще больше укрепил веру Толля в существование Земли Санникова.

Толль рассказал Нансену, что когда в 1893 году он находился на северном берегу острова Котельного, то представил, как можно на собачьих упряжках в несколько переездов достигнуть Земли Санникова. А сопровождавший его проводник Василий Джергели, видевший несколько раз эту гористую землю, заявил, что готов отправиться вместе с ним, чтобы без колебаний первым ступить ногой на никому неведомый остров и умереть.

Вернувшись из Норвегии, правительство которой наградило Толля орденом за организацию складов для экспедиции Нансена, он приступил к составлению программы работ новой грандиозной полярной экспедиции.

15 апреля 1898 года Толль выступил в Географическом обществе с планом экспедиции на Землю Санникова.

На заседании кроме известных ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского, С. О. Макарова, Ф. Б. Шмидта, А. И. Воейкова, М. А. Рыкачева, Ф. Н. Чернышева присутствовал Нансен.

Проект Толля, который затем был опубликован в печати, проникнут глубокой уверенностью в существовании Земли Санникова.

По контурам гор этого загадочного острова, виденным им 12 лет назад, Толль набрасывает картину его геологического строения. Он предполагал, что, как и остров Беннетта, горы Земли Санникова сложены из трапповых массивов. Путешественник считал, что неоткрытая земля расположена примерно в 150 километрах от острова Котельного и что, следовательно, ее южный берег находится между 77 и 78° северной широты и примерно на 140° восточной долготы.

Толль предлагал в своем проекте снарядить экспедицию уже в 1898 и 1899 годах. Для этой цели он считал необходимым послать судно в устье Лены, откуда экспедиция следующим летом отправится к Земле Санникова и высадится на ее берег. Судно экспедиции вернется снова в устье Лены, проведет там зиму, чтобы с открытием навигации снять с Земли Санникова трудившихся там в течение года исследователей. В состав экспедиции должны были входить кроме начальника метеоролог, топограф, астроном и два опытных промышленника из якутов или тунгусов.

Проект Толля интересен прежде всего тем, что он ставит задачу разностороннего изучения Арктики. Он писал в заключительных строках проекта:

«Девятнадцатое столетие приходит к концу и оставляет нам многое еще сделать для довершения работ в области научных завоеваний на Русском Севере, давших рядом тяжелых жертв со стороны первых русских исследователей. Кому, как не русским, причастствует выполнить эту задачу?.. Я уверен, что, если мы возьмемся за дело, не пройдет и 2—3 лет, как отнято будет от нас последнее поле действия на севере от сибирского берега — Земля Санникова».

Нансен высоко оценил предложенный Толлем план организации экспедиции для поисков Земли Санникова. Он считал вероятным, что к северу от островов Анжу могут находиться еще неведомые человеку земли, иссле-

дование которых, по его словам, «было бы подвигом величайшей научной важности».

Нансен советовал Толлю зазимовать на острове Беннетта, где можно было бы заняться изучением прилегающих районов Северного Ледовитого океана, а следующим летом приступить к поискам Земли Санникова. В качестве корабля для экспедиции Нансен предлагал приобрести китобойное судно.

Вскоре после этого заседания руководитель Русского географического общества, выдающийся путешественник П. Семенов-Тянь-Шанский обратился с письмом в Академию наук с предложением снарядить экспедицию для поисков Земли Санникова. Он писал:

«Географическое исследование Сибирского моря и его побережья, начатое с таким самопожертвованием, производившееся русскими людьми в течение второй половины прошлого и первой четверти настоящего столетия, переходит, поскольку то касается морских исследований, в последние годы все более и более в руки иностранцев, и недалеко уже то время, когда честь исследования последней из земель, лежащих у Сибирского берега, — Земли Санникова — будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России, которой эти земли составляют крайний северный оплот в сторону глубокого Полярного бассейна...»

Через некоторое время Толль выступил перед общим собранием Академии наук с докладом о предлагаемых им исследованиях. Он рассчитывал летом 1899 года выйти в плавание, обогнуть мыс Челюскин и зазимовать в устье Лены; после зимовки Толль намеревался отправиться к Новосибирским островам, создать базы для экспедиции и затем отправиться на поиски Земли Санникова. В удобной гавани вновь открытой земли или острова Беннетта предполагалось остаться на вторую зимовку и заняться выполнением стационарных метеорологических и магнитных наблюдений и геолого-географическим обследованием мест, не посещенных ни одним натуралистом. После окончания работ на острове Беннетта и на Земле Санникова Толль хотел посетить Деревянные горы Новой Сибири.

Академией наук была создана комиссия по снаряжению экспедиции. В ее состав вошли академики А. П. Карпинский, О. А. Баклунд, Ф. Н. Чернышев, Ф. Б. Шмидт, М. А. Рыкачев и др. По ее замечаниям Толль доработал свой план, расширив программу на-

учных исследований. Дела подвигались очень медленно. Вопрос о посылке экспедиции летом текущего года вскоре отпал. Речь могла идти только о плавании в предстоящую навигацию. В августе 1899 года Академия наук обратилась в Министерство финансов с просьбой об отпуске ассигнований на полярную экспедицию.

«Экспедиция на Землю Санникова, — говорилось в письме Академии наук, — была бы теперь особенно своевременна также для изучения истинных размеров естественных богатств нашей Сибири и севернее лежащих островов и всего их морского бассейна, так как залежи мамонтовой кости и предполагаемое обилие промысловых животных привлекают уже внимание немецких и американских торговых фирм. С занятием арктических островов... иностранцы могут обеспечить за собой их промысловые богатства в ущерб нашей промышленности и создадут те затруднения, которые представляет ближайшее соседство иностранных владений со всеми его последствиями.

При современных силах техники сегодняшнее приобретение науки завтра становится достоянием промышленности и торговли, а потому нельзя предвидеть, к каким важным экономическим результатам приведет исследование в области срединного архипелага полярной сибирской окраины. Пытливость ученых-изыскателей указала торговый путь к устьям Оби и Енисея; по их же следам американские промышленники проникли в восточные воды Сибирского полярного моря и по берегам его ведут промысловый торг с инородцами. Путь, указанный Норденшельдом, в недалеком будущем станет торговым путем, и, если мы не утвердимся на нем теперь же, иностранцы обставят его промысловыми и спасательными станциями и захватят в свои руки морские промыслы и торговлю через великие сибирские реки, которые получают огромное значение после оживления Сибири рельсовым путем. По всем этим соображениям проектируемая экспедиция барона Толля к Новосибирским островам и к Земле Санникова помимо научного интереса имеет важное государственное значение, ради которого особенно желательно возможно скорее ее осуществление».

Прошло всего лишь несколько недель и необходимые ассигнования были отпущены Министерством финансов. 150 тысяч рублей золотом были предоставлены Толлю не только для того, чтобы он занимался поисками Земли Санникова. Богато оснащенная Русская полярная экспе-

диция Академии наук должна была явиться свидетельством серьезного интереса России к своим владениям на северо-востоке. Плаванием «Зари» начинается цепь мероприятий по защите национальных интересов России на Чукотке, Колыме и Камчатке... К Русской полярной экспедиции большое внимание проявляла мировая научная общественность. Знаменитый норвежский исследователь и большой друг России Фритьоф Нансен прислал Толлю напутственное письмо с пожеланием провести интересные для науки исследования по геологии севера Сибири и океанографии Северного Ледовитого океана. Свое дружеское письмо Нансен заканчивал следующими словами:

«Дорогой друг! Мне хотелось бы иметь случай повидаться с Вами до Вашего отъезда, но это, пожалуй, не удастся; я не знаю, когда Вы приедете в Берген — надеюсь, не очень поздно, так как время дорого и Вам надо было бы как можно раньше попасть в Анабарчик.

Надеюсь, что Вы нашли Ваши санки, как и все остальное снаряжение, вполне удовлетворительными во всех отношениях и что в Бергене Вы найдете заказанные вещи. Я настоятельно советовал лейтенанту Коломейцеву взять с собой на корабль побольше дерева (яшень и др.) про запас для починки санок, челноков и т. д. в случае надобности; знаю по опыту, что такой материал часто бывает очень желательным; у нас на «Фраме» ощущался недостаток в нем. Я не вполне спокоен насчет Ваших деревянных челноков; боюсь, что они при условии очень небольшого веса будут плохо служить среди тяжелого плавучего льда, а чинить дерево гораздо труднее, чем полотно. Я, конечно, предпочел бы полотняные каяки.

В заключение, дорогой друг, от всего сердца желаю Вам всего доброго и прекрасного в Вашем долгом и важном путешествии, желаю Вам удачи и благополучного положения со льдом, чтобы Вы нашли хорошую гавань для зимовки. Мне нет надобности говорить Вам, что, за исключением Вашей превосходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я.

Преданный вам друг
Фритьоф Нансен.

Моя жена шлет вам сердечный привет и желает Вам счастливого пути. На прощанье мы скажем, как эскимосы на восточном берегу Гренландии: «Чтобы вам всегда плыть по свободной ото льда воде».

В первую арктическую навигацию Толль надеялся достигнуть мыса Челюскин и зимовать поблизости от него, либо у западных, либо у восточных берегов Таймырского полуострова. На месте зимовки предполагалось создать станцию для магнитных и метеорологических наблюдений и до возобновления плавания в следующую навигацию заняться детальным обследованием близлежащего северного побережья Азии.

В течение второго арктического лета предполагалось заняться поисками Земли Санникова и обследованием острова Беннетта и затем направиться через Берингов пролив во Владивосток. Толль предполагал большое внимание уделить океанографическим, зоологическим, геологическим, геофизическим и метеорологическим исследованиям во время плавания и во время зимовки. В одном из своих выступлений путешественник говорил, «что Русской полярной экспедиции предстоит разрешение многих важных научных вопросов, она не есть спортсменское предприятие и не имеет целью открыть одну, быть может, маленькую Землю Санникова. Нет! Русская полярная экспедиция выходит под вымпелом Академии наук и ставит себе серьезные научные задачи, а наука только тогда свята, если она не потеряла связи с общечеловеческими задачами гуманности. Как скоро вырастут плоды научных трудов, трудно вперед указать, это очень часто упускается из виду близорукостью человеческих глаз... Современная культура основана на господстве человека над силами природы, и каждый вновь открытый закон природы, усиливая это господство, умножает таким образом высшие блага нашего поколения».

Для экспедиции было куплено судно «Заря» грузоподъемностью 443 тонны с паровой машиной и парусным вооружением. В экспедиции кроме Толля участвовали зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, астроном Ф. Зееберг, врач Г. Вальтер, лейтенанты Н. Н. Коломейцев и Ф. А. Матиссен и другие офицеры Русского военно-морского флота. Всего вместе с командой судна экспедиция состояла из 20 человек. На борту «Зари» имелся трехгодичный запас продовольствия.

21 июня 1900 года «Заря» покинула Петербург. В этот день Толль записал в своем дневнике:

«...положено начало экспедиции, которой я так долго добивался. Начало ли? Правильное ли это слово? Когда же именно было положено начало? Было ли это в 1886 году, когда я видел Землю Санникова, было ли

в 1893 году, когда, находясь на Новосибирских островах, я мысленно представил себе возможность достигнуть с острова Котельного Земли Санникова быстрым переходом на собачьих нартах. Было ли это после опубликования моего плана в 1898 году, или же начало было положено, когда я прошлой весной передал президенту Академии наук свой отчет о плавании на «Ермаке»? Что считать началом? Как бы то ни было, фактически экспедиция началась сегодня, 21 июня 1900 года, в теплый ясный летний день, когда мы снялись с якоря и капитан Коломейцев вывел с большим мастерством «Зарю» без помощи буксира из устья Невы мимо множества судов и когда мы взяли курс на Кронштадт. Из наших глаз мало-помалу исчезали друзья, собравшиеся на набережной и на окружавших «Зарю» пароходах и лодках. Они долго еще посылали нам вслед прощальные приветствия и кричали «Ура!»).

Первую остановку «Заря» сделала в Ревеле, где родился и вырос Толль. Перед тем как отправиться навстречу неизвестному будущему в Ледовитом океане, он хотел увидеть близких и дорогих ему людей и свой родной город, где было все так знакомо и мило сердцу путешественника.

В начале августа экспедиция миновала Югорский Шар и вышла на просторы Карского моря. После непродолжительной остановки на острове Диксон, вызванной ремонтом машины, яхта продолжала плавание на восток, стремясь достигнуть в эту навигацию мыса Челюскин. Экспедиция приступила к научным работам. Ученые драгировали, вели гидрологические наблюдения, изучали льды, использовали любую возможность для пополнения зоологических, ботанических и геологических коллекций. Между тем лед доставлял все больше неприятностей. В заливе Миддендорфа «Заря» 24 дня находилась в ледовом плену. Выйдя из «ловушки», экспедиция вскоре была снова остановлена льдом и зазимовала у берегов Таймырского полуострова в бухте Колин-Арчера, в той самой бухте, которую Нансен рекомендовал Толлю как наиболее удобную и безопасную для зимовки.

В ожидании улучшения ледовой обстановки экспедиция израсходовала большую часть угля. Топлива оставалось всего лишь на 20 суток плавания. При таком запасе угля, по словам Толля, можно дойти только «до Земли Санникова, и ни шагу дальше».

Мысль о Земле Санникова не оставляла Толля в тече-

ние полярной ночи. Она часто упоминается в его дневнике, письмах, отчетах, случайных записях. О ней думают его спутники. Во время встречи Нового года команда устроила своему начальнику приятный сюрприз. В заключение театрального представления на «Заре» был показан новогодний апофеоз.

«В полутьме перед нами, — писал Толль жене Эвелине, — стоял сгорбленный, трясущийся старик на дрожащих ногах с ниспадающими седыми волосами. Он опирался на посох. Это был Старый год. Обращаясь к зрителям, он произнес несколько слов слабеющим голосом. При его последних словах часы ударили двенадцать, тогда старец пригнулся к земле и исчез со сцены. В это время на заднем плане обрисовалась ярко освещенная магием молодая сильная фигура, художественно задрапированная в светлый флагдук, с голубой, украшенной звездами короной на голове. В руках у нее транспарант, на котором светились пламенно алые буквы двух слов: «Земля Санникова».

Более богато осмысленное воплощение наших стремлений в новом году вряд ли можно было себе представить».

Зимовку экспедиция перенесла благополучно. Тяжелых заболеваний цингой ни среди научного состава, ни среди команды не было. В апреле 1901 года «Зарю» покинули ее капитан — лейтенант Коломейцев и промышленник Расторгуев, которые должны были доставить почту и позаботиться о заготовке угольных баз в районе будущих работ «Зари».

Интересные научные работы во время зимовки «Зари» были проведены лейтенантом Матиссеном, тщательно обследовавшим острова архипелага Норденшельда, а также выполнившим топографическую съемку многих районов Таймырского полуострова, представлявшего собой «белое пятно» на карте России. Удачны и интересны были исследования Бялыницкого-Бирули, который кроме зоологических работ составил карту от места стоянки «Зари» до мыса Стерлегова.

Весной и летом 1901 года Толль дважды предпринимал научные походы для детального обследования Таймыра. Вернулся он из последнего странствования 23 августа, а через два дня лед около «Зари» пришел в движение, и судно наконец оказалось снова на свободе. 1 сентября «Заря», украшенная флагами, салютовала мысу Челюскин.

Выйдя в воды моря Лаптевых, ученые приступили

к исследованиям. Одна за другой выполнялись океанографические станции. Они приносили ученым много интересных и приятных находок. Особенно были богаты биологические сборы.

«Заря» шла курсом на предполагаемое местонахождение Земли Санникова, открытие и исследование которой было одной из главных задач Русской полярной экспедиции Академии наук. 9 сентября, находясь в $75^{\circ}45'$ северной широты и 139° восточной долготы, «Заря» обнаружила малые глубины. Толль видел в этом признак близкой земли. Приближался решающий момент, но в тот же день судно встретило пояс старых мощных льдов и попало в густой туман.

Экспедиция подвигалась на север вдоль кромки льдов. На $77^{\circ}09'$ северной широты и $140^{\circ}23'$ восточной долготы, в том самом районе, где, по расчетам Толля, должна была находиться Земля Санникова, путь «Заре» преградило огромное паковое поле. За ним сплошной серой массой расстился лед, исчезающий в густом тумане, и Толлю показалось, что именно там, за этим льдом, скрывается таинственный остров.

Судно шло вдоль границы льдов. Кромка их спускалась на юго-запад. Экспедиция удалялась от места главных исследований, доступ к которому преграждал лед и туман.

«Но что же будет с Землей Санникова? — отмечал Толль в дневнике 10 сентября 1901 года. — Находится ли она за ледовым поясом? При таком густом тумане, как сегодня, невозможно ничего выяснить. Нам необходима ясная погода для определения местонахождения. Хочу пройти к острову Беннетта и, воспользовавшись открытой водой, попытаюсь продвинуться вдоль его западного берега на северо-восток, чтобы там высадиться, пока западно-юго-западный ветер не нагнал снова лед.

Если это удастся или если удастся найти зимнюю гавань у острова Генриетты, то оттуда можно будет отправляться на санях и каяке для исследования Земли Санникова. Однако у меня закрадываются тяжелые предчувствия, но довольно об этом!»

Утром 11 сентября «Заря» находилась на $76^{\circ}47'$ северной широты и 146° восточной долготы. От острова Беннетта, по расчетам Толля, отделяло расстояние в 50 километров. Наместили программу работ на ближайшие дни. Было решено высадиться на остров Беннетта на один-два дня. В то время как команда будет ремонтировать котел «Зари», научный состав экспедиции зай-

мется устройством склада продовольствия, топографической съемкой, сбором геологических, ботанических и зоологических коллекций, астрономически определит несколько пунктов и проведет магнитные наблюдения.

По окончании ремонта судовой машины Толль надеялся при благоприятной ледовой обстановке и ясной погоде предпринять плавание вдоль западного берега острова Беннетта на северо-запад, к властно привлекавшей его Земле Санникова. Одновременно экспедиция должна была внимательно осмотреть берега острова Беннетта — не найдется ли безопасной гавани для новой зимовки «Зари» в Арктике... Толль преследует только одну цель — быть как можно ближе к району предполагаемого расположения загадочной земли.

После полудня сквозь облака пробилось солнце. Успели определиться, но вскоре судно встретило сплошные льды, над которыми снова держался густой туман. Пришлось спуститься на юго-восток. «Заря» уходила все дальше от своей заветной цели. Толль был мрачен и в одиночестве разбирал геологические сборы с Таймыра, освобождая место для новых образцов с острова Беннетта.

Под вечер в каюту начальника спустился лейтенант Матиссен, командовавший судном после отъезда Коломейцева, и, познакомив Толля с курсом за день, доложил, что подход к западному берегу острова Беннетта невозможен из-за массы окружавших его льдов и что надо следовать к восточному побережью. Толль был огорчен и потерянным временем, и израсходованным углем. Ему хотелось каждую тонну топлива, каждый час употребить на поиски земли, занимавшей все его мысли, наполнявшей его жизнь в продолжение последних 15 лет.

В то время как Толль соглашался с доводами своего капитана, раздался крик врача Германа Вальтера:

«Посмотрите, не земля ли это?»

Толль и Матиссен выбежали из каюты на левый борт и в разрыве тумана увидели высокую величественную скалу мыса Эмма, покрытую голубоватым ледником.

«Земля, земля, остров Беннетта!» — откликнулся Матиссен.

Все бросились наверх. Астроном Зееберг определял местоположение судна, а зоолог Бялыницкий-Бируля во всеуслышание восхищался красотой мыса Эмма и считал, что на таком очаровательном острове могли бы жить и мускусные быки.

Остров лежал как на ладони, но путешественников отделяло от него около 20 верст. Это событие окрылило Толля, который был перед этим так удручен бесполезными попытками найти Землю Санникова, что, по-видимому, начал сомневаться в ее существовании.

Надежда и вера в удачу снова ожили в нем.

«Теперь, — писал он в дневнике, — совершенно ясно, что можно десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее. Не подозревая близости острова Беннетта, мы ведь только сейчас обнаружили эти чудесные скалы. Снежный купол, подобно храму, поднимался прекрасным, симметричной формы сводом над правильным плато, спускавшимся ступенями вниз.

Вскоре снова пал туман, будто злой полярный волшебник задался целью пленить нас и раздражить этой картиной. Стоял сплошной паковый лед, и нельзя было различить прохода. Справа на расстоянии одной морской мили к востоку был замечен свободный доступ. Затем туман сгустился, и наступила темнота. В 8 часов спустились пары, между тем льды движутся на север, а мы медленно продвигаемся на северо-запад. Терпение, терпение! В случае если удастся здесь перезимовать, поездки можно совершать санными маршрутами. Какая великолепная область для исследований лежит перед нами, но когда же мы до нее дойдем? В любой день могут наступить сильные морозы. Долго ждать невозможно, в крайнем случае будем пробиваться сквозь ледовый пояс».

«Заря» еще некоторое время плавала у границы льдов, располагавшейся на $77^{\circ}35'$ северной широты. Туман был непроницаем. Вероятно, где-то рядом находилась земля, но рассмотреть ее было невозможно. Машина судна нуждалась в неотложном ремонте, и Толль принял решение идти к острову Котельному и заняться чисткой котла.

Через несколько месяцев (5 декабря 1901 года) директором Главной физической обсерватории в Петербурге академиком М. А. Рыкачевым была получена телеграмма, посланная из Якутска:

«11 сентября 1901 года застала зима в Нерпичьей бухте. 1 ноября (19 октября) открыли метеорологическую станцию с ежечасными наблюдениями. Все благополучно. Все здоровы. Шлем привет Главной обсерватории.

«Заря»
25 октября 1901 года».

В тот же день М. А. Рыкачев ответил:

«Якутск, губернатору для передачи экспедиции барона Толля.

Главная физическая обсерватория шлет Вам, экспедиции привет, наилучшие пожелания, полного успеха. Благодарю наблюдения, добрую память.

Рыкачев».

В Нерпичьей бухте Толль встретил геолога К. А. Волосовича. Он возглавлял вспомогательную экспедицию, занимавшуюся устройством продовольственных складов на островах Фаддеевском и Котельном на случай гибели «Зари». Волосович отдал Толлю 30 собак. Среди спутников Волосовича был каюр Василий Горохов, мальчиком участвовавший в экспедиции Бунге в 1886 году. Он согласился остаться вместе с Толлем на Котельном.

Зимой Толль предпринял поездку на материк за почтой. Там он встретился со своим старым другом Джергели, который тоже мечтал побывать на Земле Санникова. Они снова много говорили об этом острове, который, по убеждению Джергели, существовал, и на него переходили олени с острова Котельного.

Среди многих писем от близких и незнакомых людей была и весточка от Фритьофа Нансена. Норвежский полярный исследователь писал Толлю:

«Дорогой друг, прежде всего мои самые сердечные поздравления по поводу всего достигнутого Вами и по поводу того, что все так славно шло по программе. Пребывание в Таймырском проливе было, по-видимому, очень богато результатами, и я с нетерпением жду Вашего сообщения об этом чрезвычайно интересном побережье. За последнее время я как раз сделал попытку составить карту берега и островов по нашим окончательным топографическим определениям и т. д., но так и остановился, потому что мне встретилось при этом слишком много загадочного.

Я уверен, что Вы привезете прекрасный во всех отношениях материал по геологии и географии этой северной оконечности континента. Вы, несомненно, имели случай поработать по ледниковым образованиям в этой местности, а может быть, также и по изменениям уровня моря и высоты береговых линий послеледникового периода. Это последнее меня особенно интересует: я как раз собираюсь писать работу о глубине Полярного бассейна, об изменениях уровня сибирского побережья и т. д.; к сожалению, я с этим пока еще не справился и не могу прислать эту работу, как я надеялся.

Ваше плавание от Таймыра до Новосибирских островов было, по-видимому, очень удачным, а условия льда в море Норденшельда особенно благоприятными.

Я очень беспокоился, узнав, что у Вас запас угля подходит к концу; по-моему, не худо, что Вы решили поэтому двигаться обратно через мыс Челюскин — эта местность обещает во многих отношениях богатую добычу для науки. Надеюсь, угля Вам хватит до бухты Диксона, а если нет, то можно идти под парусами, особенно после того, как Вы минуете остров Таймыр и остров Норденшельда, потому что тогда, несомненно, будет северо-восточный ветер. Хотелось бы только, чтобы Вас у острова Таймыр опять не задержал плотный лед...

Надеюсь, Вы найдете благоприятными во всех отношениях условия для работы весной и лед по направлению к земле Беннетта и т. д. не будет препятствовать поездкам на санях. Я уверен, что Вас там ждут большие открытия, и с нетерпением жду Вашего возвращения.

Я совсем забыл сердечно поблагодарить Вас за известия о Вашем путешествии, присланные мне Вами через Вашу милую жену. Что Вы обо мне вспоминаете даже при таких обстоятельствах, доказывает Вашу истинную дружбу.

А теперь в заключение мои наилучшие пожелания для будущего: чтобы лед не вскрывался под санями, чтобы «Заря» всюду находила свободную ото льда воду и чтобы Вы, таким образом, могли с полным успехом и без опоздания вернуться к себе домой.

Как хорошо будет вновь пожать Вам руку! До радостного свидания, преданный Вам друг

Фритьоф Нансен».

12 апреля Толль возвратился в Нерпичью губу и сразу же начал собираться в поход на остров Беннетта, откуда надеялся достичь Земли Санникова. И чем ближе была весна, тем энергичнее он готовился к новым путешествиям и исследованиям.

«Далеко на родине листва распустилась, деревья зазеленели... — писал он в дневнике 15 мая 1902 года. — Пусть остается дома тот, кто не хочет расстаться со своими каждодневными заботами! Меня одолевает сегодня путевая лихорадка. Я потратил целую неделю на записи и упаковку геологических коллекций. Я решил насколько возможно раньше отправиться на север, так как у устья реки Решетниковой надеюсь найти силур. У меня пробуждается охота к странствованиям, этому

способствует погода: на солнце тает снег, расплавляется на черном грунте».

В другом месте дневника ученый отмечал, что его путь на родину лежит через остров Беннетта. Все приготовления к этому походу через ледяные торосы и полыньи были закончены к исходу мая.

Толль отдает себе отчет в том, что путешествие будет трудным и, возможно, последним. В эти дни он провожает уезжающего на юг Волосовича и как будто завидует ему... Может быть, пока не начат путь в неизвестное, отменить свои распоряжения, вернуться с началом навигации в бухту Тикси, а затем в Петербург? Он не нашел Земли Санникова, но зато добыл для науки бесценные сведения о морях и землях Арктики, которыми может гордиться Академия наук. Средства потрачены не напрасно. Они многократно окуплены богатыми научными сборами.

Нет, путь на родину для него закрыт!

Толль неоднократно завуалированно повторяет эту мысль.

Он не хочет возвращаться, не открыв Земли Санникова. Лучше погибнуть, разыскивая этот загадочный, исчезнувший, словно призрак, в океане остров, чем признаться в крушении своих убеждений.

В эти дни Толль пишет в дневнике:

«Остро ощущаю правоту слов Гёте: «Юг хранит много сокровищ! Но одно сокровище Севера влечет непреодолимо к себе, словно сильный магнит». Итак, бесповоротно решено: только через ту «неведомую гавань» на острове Беннетта лежит мой путь на родину!

Покину «Зарю» спокойно. Только бы мне достигнуть цели! Если за нами придет «Заря», то наша яхта быстро помчится с попутным ветром обратно, после того как на Севере будут обретены сокровища науки; если же «Заря» не придет и мы останемся зимовать, то приложим с Зеебергом все усилия к тому, чтобы как можно лучше использовать год...

Как туго натянутые струны, напряжены мои нервы перед этим прыжком через полыньи и горы, через торосы и моря, для того чтобы через шесть месяцев вернуться на родину.

Что должно свершиться, то сбудется!»

Земля Санникова стоит непрестанно перед путешественником. С походом на остров Беннетта он связывает последнюю надежду достигнуть или хотя бы снова увидеть ее.

Итак, вперед, навстречу новым испытаниям и трудностям! Только вперед! Эти слова звучат почти на каждой странице «Дневника» путешественника, написанного в виде писем к жене Эвелине.

5 июня 1902 года Толль в сопровождении астронома Ф. Зееберга и промышленников В. Горохова и Н. Дьяконова покинул зимовье на Котельном острове и направился на остров Беннетта...

Спустя два месяца Нерпичью бухту покинула «Заря», которая должна была снять путешественников с необитаемого клочка суши.

Всюду на пути судна был лед. Он не позволил кораблю не только подойти, но даже увидеть остров Беннетта, где его с надеждой и тревогой ждали Эдуард Толль, Фридрих Зееберг, Василий Горохов и Николай Дьяконов...

«Заря» вернулась к острову Котельному, а затем направилась в устье Лены, где и была оставлена командой.

Русская полярная экспедиция Академии наук возвратилась в Петербург без своего начальника. Эдуард Толль и три его спутника были оставлены на произвол судьбы без провизии и крова на одиноком скалистом острове в Северном Ледовитом океане. Их жизнь висела на волоске... Адмирал Макаров, которого связывали с Толлем теплые, дружеские отношения, предлагал немедленно идти на «Ермаке» на помощь оказавшимся в беде исследователям, но его не поддержали. К острову Беннетта решено было послать спасательную партию на вельботе.

22 февраля 1903 года она отбыла из Петербурга, а 17 августа моряки увидели темную полосу земли. Она ширилась и росла. Скоро можно было различить черные скалы и голубоватые ледники, спускавшиеся к морю. Около берегов плавали фантастической формы айсберги. Над ними реяли стаи птиц. На льду темнели, словно огромные капли черной туши, нежившиеся на солнце тюлени и нерпы.

Через несколько часов моряки высадились у мыса Преображения, и первое, что они увидели, была крышка алюминиевого чайника, который был взят с собой Толлем на остров Беннетта. За этой находкой последовали другие, более интересные. На следующий день на возвышенном месте мыса Эмма моряки увидели сложенный из камней гурий, в вершину которого было воткнуто небольшое весло. Рядом с гурием лежала бу-

тылка. В ней находились записки. Одна из них со словами: «Для ищущих нас». Ее составил Эдуард Толль 26 августа 1902 года. Он глубоко верил, что его товарищи по экспедиции подадут ему руку помощи и вызволят из бедственного положения. Поэтому в начале записки он написал: «С приездом поздравляем!» — и подчеркнул эти слова. Позднее рукой Толля была сделана приписка о том, что 1 (14) сентября они отправились вдоль западного берега, чтобы построить дом на северо-восточной оконечности острова, где имелось изобилие плавника.

В той же бутылке находилась записка, составленная спутником Толля астрономом Фридрихом Зеебергом, о том, что дом построен на южной половине восточного берега острова, севернее мыса София, в губе Павла Кеппена.

Извлеченные из бутылки записки давали нить к дальнейшим поискам Эдуарда Толля, но ничего не открывали в судьбе путешественников. Живы ли они? Почему с октября 1902 года не сделано никаких новых пометок?

Моряки продолжали поиски. В тот же день они добрались до домика, выстроенного Эдуардом Толлем и его спутниками. Путешественников в нем не оказалось. Он был наполовину занесен снегом, который за лето превратился в лед.

Моряки принялись усиленно работать топорами. Ледяные брызги больно били их по лицам, но они продолжали с ожесточением рубить лед. Наконец показались камни. Они были сцементированы льдом. Их с трудом отделяли друг от друга. У самой земли из-под камней показался ящик, обшитый парусиной. Его вскрыли. На дне его лежали листки бумаги. Эдуард Толль в одну из самых трудных минут своей жизни нашел в себе мужество составить отчет о своих исследованиях. Листки гласили:

«В сопровождении астронома Ф. Г. Зееберга и двух промышленников, тунгуса Николая Дьяконова и якута Василия Горохова, я отправился 5 июня из зимней гавани «Заря» (губы Нерпичьей острова Котельного). Мы шли по северным берегам острова Котельного и Фаддеевского к мысу Высокому острова Новая Сибирь. 13 июля взяли курс на остров Беннетта. Лед был в довольно разрушенном состоянии. 25 июля в расстоянии 3 миль от мыса Высокого лед был окончательно разломан ветром. Приготовляясь к плаванию на байдарках, мы

убили здесь последних собак. Отсюда нас несло на льдине нашего лагеря в течение 1,5 суток 49 миль по курсу. Заметив затем удаление нашей льдины на 10 миль к югу, оставили ее 31 июля. Проплыв благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 мили до острова Беннетта, 3 августа высадились у мыса Эмма.

По съемке астронома Зееберга, определившего здесь, сверх того, как и по пути, магнитные элементы в 10 пунктах, остров Беннетта не больше 20 квадратных километров. Остров Беннетта представляет собой плоскогорье не выше 1500 футов (457 м). По геологическому строению остров Беннетта является продолжением Среднесибирского плоскогорья, сложенного и здесь из древнейших осадочных пород (кембрийских), прорезанных извержениями базальтов. Местами сохранились под потоками базальтов флелы бурого угля с остатками древней растительности, именно хвойных. В долинах острова изредка лежат вымытые кости мамонтов и других четвертичных животных.

Ныне живущим обитателем острова Беннетта кроме белого медведя и временного гостя моржа оказался олень: стадо в 30 голов водилось на скалистых пастбищах острова. Мы питались его мясом и шили себе необходимую для зимнего обратного пути обувь и одежду. Следующие птицы жили на этом острове: два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек, и между ними розовая. Пролетными птицами явились: орел, летевший с юга на север, сокол — с севера на юг и гуси, пролетевшие стаями с севера на юг. Вследствие туманов земли, откуда прилетали эти птицы, также не было видно, как и во время прошлой навигации — Земли Санникова.

Мы оставили здесь следующие инструменты: круг Пистора и Мартенса с горизонтом, инклинометр Краузе, анемометр, фотографический аппарат «Нора» и некоторые другие.

Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. 76°88' северной широты, 149°42' восточной долготы. Э. Толль. Губа Павла Кепена острова Беннетта. 26.10—08.11. 1902 года».

После того как были прочитаны найденные в ящике листки, стало ясно, что Толля, Зееберга, Горохова и Дьяконова нет в живых. По-видимому, они погибли во время перехода по неокрепшим льдам в условиях надвигавшейся полярной ночи.

В лице Эдуарда Толля Россия потеряла замечатель-

ного путешественника и верного сына, посвятившего, по его словам, всю жизнь стремлению внести свой «вклад в науку — хотя бы несколько букв и знаков для разгадки огромной и сложной задачи в трудночитаемой книге о законах природы».

Толль 16 лет стремился ступить на Землю Санникова, которую видел к северу от острова Котельного. Но ступить было не на что. К концу своей экспедиции сомнения стали закрадываться в душу Толля. Они проскальзывают в его раздумьях, которые отразились в «Дневнике», этом исключительном человеческом документе. Он гнал мрачные мысли. Но они снова приходили... Так он и не сумел их прогнать. Ничто не могло утешить его в тяжелых предчувствиях, что искомой земли не существует...

Толль пожертвовал жизнью во имя открытия Земли Санникова, но, как ни страстно путешественник стремился к этому острову, он остался пытливым исследователем.

Еще в 1886 году, участвуя в экспедиции А. Бунге, он собрал исключительно ценный материал по геологии Новосибирских островов. Особенно много труда Толль посвятил исследованию ископаемого каменного льда, слой которого толщиной до 20 метров он обнаружил в береговых обрывах. Он исследовал его структуру, изучал фауну ледниковой эпохи, остатками которой был щедро богат архипелаг. В течение весны и лета 1886 года Толль обследовал в геологическом и палеонтологическом отношениях острова Большой Ляховский, Земля Бунге, Фаддеевский и Новая Сибирь.

В экспедицию 1893 года путешественник продолжил геологические работы на Новосибирских островах.

Русская полярная экспедиция Академии наук на яхте «Заря» под начальством Эдуарда Толля знаменовала новую страницу в познании Арктики. Толль положил начало широкому комплексному исследованию арктических морей и арктической суши. Его интересовали климатические условия, ледовый и гидрологический режим, животный и растительный мир, магнитные явления, гидрография морей и, наконец, геологическое строение островов и материка.

Толль и его спутники использовали каждую возможность для проведения научных исследований.

И в плавании, и на зимовках велись регулярные метеорологические и магнитные наблюдения, а также наблюдения над полярными сияниями.

По результатам работ экспедиции были составлены геологическая карта острова Котельного и краткий физико-географический очерк северного побережья Сибири, содержащий сведения о климате, гидрографии, геологии, орографии, животном и растительном мире Таймыра и Новосибирских островов. На материалах экспедиции одним из ее участников было выполнено исследование, посвященное льдам Карского и Сибирского морей, представлявшее собой новый шаг в развитии полярной океанографии. В нем на основании разносторонних наблюдений изучались вопросы образования и разрушения льда, его возраст, перемещения, появление трещин, полыней, разводьев.

Экспедицией были собраны значительные этнографические материалы. Толль очень дружелюбно и тепло относился к народам Сибири, среди которых у него было немало друзей. Он говорил, что эвенков и якутов «надо не только уважать, но и любить, как мы любим детей. Уроженцы Севера пробуждают у меня то же чувство, которое вызывает у меня все юное, растущее и развивающееся». Строки его дневника проникнуты глубокой и теплой симпатией к «обездоленным обитателям тундры, кочующим по ту сторону полюса холода».

Научные результаты Русской полярной экспедиции Академии наук, включающие разделы метеорологии, океанографии, земного магнетизма, гляциологии, физической географии, ботаники, геологии, палеонтологии, этнографии, обрабатывались около 15 лет. Они были изданы в семи томах, притом последние тома увидели свет уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Работы Эдуарда Толля, посвященные изучению ископаемого каменного льда, переведены на многие иностранные языки. Они не утратили своего значения до сих пор и справедливо считаются классическими. Собранные экспедициями Толля научные наблюдения успешно используются в современных исследованиях о природе Арктики. Они вечный памятник его героических деяний на Севере.

Эдуард Толль заплатил жизнью за решение трудной географической загадки. Тайну его смерти ревниво оберегают воды Ледовитого океана. Неизвестно, где нашел свою могилу этот подвижник науки и один из самых добрых и гуманных людей на Земле.

В 1913 году ледокольный транспорт «Таймыр», входивший в состав гидрографической экспедиции Се-

верного Ледовитого океана, посетил последнюю пристань Э. В. Толля — остров Беннетта. Русские моряки разыскивали коллекции путешественника. Образцы горных пород пролежали в ящиках под открытым небом более десяти лет. Этикетки вместе с бумагой, в которую они были завернуты, превратились в жалкие лоскутки. Коллекцию горных пород доставили на борт «Таймыра», а на острове поставили высокий знак в виде креста в память Толля, Зееберга, Горохова и Дьяконова.

Затем «Таймыр» направился на северо-восток. Одну за другой преодолеvalo судно полосы мелкобитого льда. Глубины уменьшались. С трудом корабль выбрался из района обширного мелководья.

Ранним утром 20 августа вахтенный офицер А. П. Жохов увидел впереди очертания неизвестной высокой и обрывистой земли.

«...Не прошло и трех минут, — пишет участник экспедиции доктор Л. М. Старокадомский, — как весь экипаж был на ногах. Из кают и кубрика, одеваясь на ходу, выскакивали на палубу офицеры и матросы, чтобы собственными глазами убедиться в существовании обнаруженного Жоховым острова.

— Это, должно быть, стамуха, — говорили многие. — В самом деле, откуда взяться здесь острову? Острова Генриетты и Жаннетты очень далеко, а других в этом районе нет. По крайней мере до сих пор о них ничего не было известно...

«Таймыр» направился к острову. Все сомнения тут же быстро рассеялись: перед нами лежал настоящий дотоле неизвестный остров. Мы ясно видели высокие темно-серые и коричневые скалистые берега с плоской вершиной. По слегка покато́й площадке на вершине прогуливался большой белый медведь, который вскоре скрылся из виду.

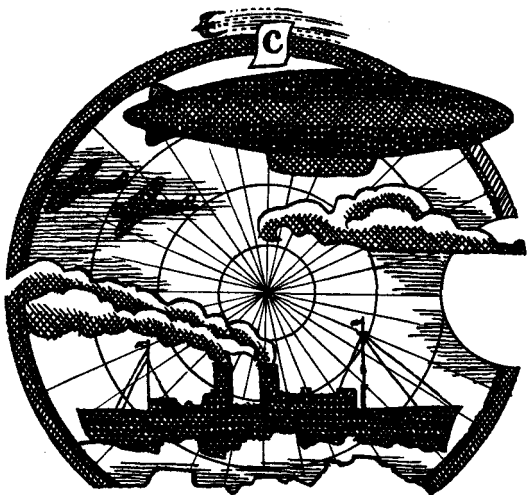
Когда «Таймыр» подошел к острову еще ближе, на узкой прибрежной полосе, окаймлявшей утесы, мы увидели стадо моржей числом более сотни. Неподалеку от них сидел белый медведь. В воздухе тучами носились водяные птицы — кайры, красноногие чистики и чайки».

Остров был сложен базальтами и имел высоту около 60 метров. Через год в том же районе был открыт еще один остров, который называли именем Жохова.

Но еще раньше, в сентябре 1913 года, та же экспедиция к северу от мыса Челюскин, где Менделеев нарисовал контуры неведомой суши, обрела целый архипелаг,

который впоследствии назвали Северной Землей, увековечив тем самым чаяния и надежды русских путешественников, искавших Полярный континент.

Это открытие, по словам известного русского океанографа Юлия Михайловича Шокальского, давало надежду найти довольно значительные острова, но не в центре Арктики, а «только по окраинам полярного пространства».

Последние страницы великой химеры

Однако вернемся к судьбе легенды.

Еще в то время как Нансен готовился к плаванию на «Фраме», а его друг Толль собирался во второй раз на Новосибирские острова, в России родился план проникновения в Центральную Арктику, где предполагалось существование континента, с помощью мощного ледокола. Он принадлежал замечательному русскому ученому-моряку Степану Осиповичу Макарову.

«Выходя зимой 1892 года вместе со Степаном Осиповичем из заседания Географического общества, — вспоминал Фердинанд Фердинандович Врангель, — мы разговорились о видах на успех предприятия Нансена. Макаров вдруг остановился: «Я знаю, как можно достигнуть полюса, но прошу Вас об этом пока никому не говорить: надо построить ледокол достаточной силы. Это потребует миллионы, но это выполнимо...» С тех пор мысль эта не покидала Макарова. Спустя четыре года он писал в Морское ведомство:

«...когда Нансен собирался в экспедицию к Северному полюсу, мне пришла мысль, что к делу приступают не так, как следует, но тогда мысль моя не была достаточно созревшая, теперь же этот предмет я обдумал и, насколько возможно, изучил.

Оказывается, что исследование полярных морей по сию минуту производится так, как это делалось 50 лет тому назад. Между тем техника шагнула вперед, и она дает возможность делать то, о чем в те времена не могли думать».

По проекту Макарова, при ревностной поддержке Дмитрия Ивановича Менделеева был создан первый в мире мощный ледокол «Ермак», который открыл новую эпоху в истории исследования Арктики. Макаров надеялся проникнуть на своем корабле в высокие широты Северного Ледовитого океана. Во время одного из плаваний к северу от Шпицбергена путешественники увидели берег, очертания которого плавно менялись. Остров, вероятно, был горист и находился примерно в 100 милях от корабля. «Это, должно быть,— писал Макаров,— новая, еще никем не виданная земля, которая ждет своего исследователя».

Пробоина в корпусе «Ермака» не позволила Макарову решиться на плавание к неведомой суше. Он не отождествлял ее с Полярным континентом, тем более что в районе полюса он не ожидал никаких чудес: «Может быть, там нет не только большого континента, но и малых островов».

Окончательно вопрос о материке или открытой воде в середине Северного Ледовитого океана, по мнению Макарова, «решится лишь после плавания туда».

Он надеялся, что, быть может, с помощью мощных ледоколов удастся пробиться к вершине планеты и решить «этот вопрос и другие, о которых теперь приходится судить лишь по догадкам».

Однако плавание ледокола «Ермак» вскоре царские чиновники ограничили Балтийским морем.

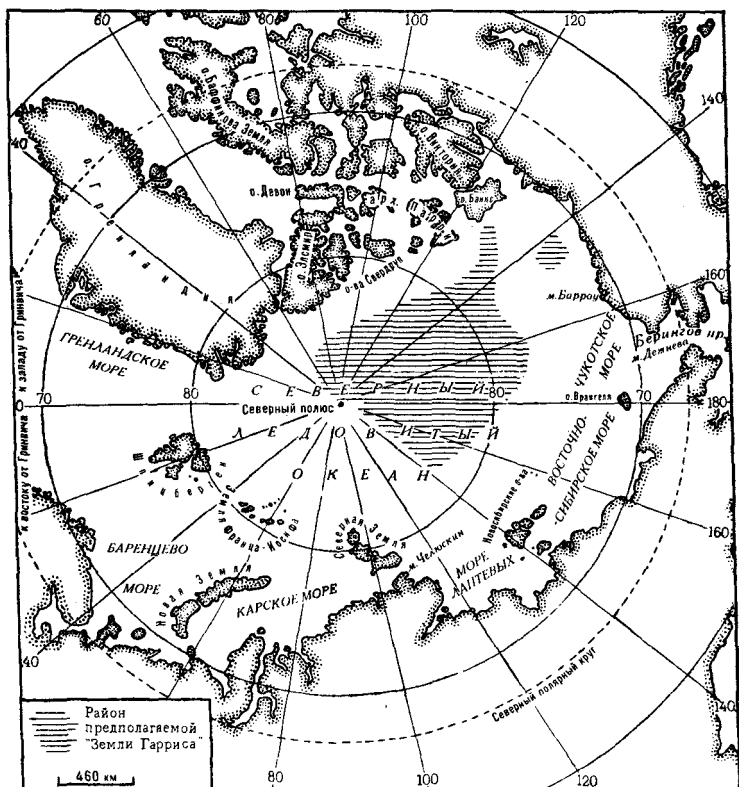
Едва вести об этом дошли до Дмитрия Ивановича Менделеева, как он решил добиваться снаряжения экспедиции в Арктику. Работая над докладной запиской «Об исследовании Северного Ледовитого океана», он тщательно изучил книгу Нансена «В стране льда и ночи», опубликованные лекции С. О. Макарова и Ф. Ф. Врангеля «О задачах и методах изучения Арктики», труд С. О. Макарова ««Ермак» во льдах...». Менделеев подчеркнул многие фразы исследователей, в том числе и вывод Нансена о том, что по другую сторону полюса, вероятно, встретится суша. Но самое удивительное и самое важное — это контуры многих земель в Северном Ледовитом океане, которые он изобразил на картах Макарова. Это прежде всего контуры обширной

земли к северу от мыса Челюскин как одного из звеньев обширной цепи островов, протянувшейся от Новой Земли до Новой Сибири. Тем самым Менделеев подчеркивал справедливость давних преданий русских промышленников о каменном поясе к северу от берегов Сибири, о котором первым поведал Михаил Стадухин. Затем Менделеев распространил Гренландию далеко в высокие широты Северного Ледовитого океана, и, наконец, он обозначил контуры обширной земли и нескольких островов между полюсом и побережьем Северной Америки, почти в том же самом районе, где спустя несколько лет Гаррис нарисует свой Арктический континент.

Попытка Менделеева добиться снаряжения экспедиции на ледоколе «Ермак» не увенчалась успехом. И тут вскоре на великого ученого обрушилась другая беда: на некоторое время он потерял зрение. Но и полуослепший Менделеев не расстался со своей мечтой и просил своего секретаря А. В. Скворцова читать ему полюбившийся роман Жюль Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса...».

Итак, в самом начале XX века исследователей ждет еще огромное «белое пятно», которое находится между линиями дрейфа «Фрама» и «Жаннетты» и Северной Америкой. В 1902 году выходит труд Нансена, посвященный океанографии Северного Ледовитого океана. Его автор находит вполне вероятным, что между полюсом и берегами Америки существует на значительном протяжении суша... Правда, его русские коллеги придерживаются более определенной позиции. Как видно из статьи «Северный Ледовитый океан», опубликованной в 1904 году в 18-м томе Большой энциклопедии издательства «Просвещение», ее автор считал, что «последние полярные путешествия окончательно убеждают, что у полюса нет никакого основания допускать, как это делалось ранее, ни открытого, свободного летом моря, ни сколько-нибудь значительных островов». Между тем в том же самом 1904 году американский ученый доктор Р. А. Гаррис в географическом журнале, выходившем в Вашингтоне, публикует сенсационную статью. Он обращает внимание географов на признаки существования земли вблизи Северного полюса.

Ему известно, что среди эскимосов, живущих на Аляске у мыса Барроу, бытует предание о том, что однажды ветром оторвало льдину от берегов, на которой находилось несколько эскимосов. Ветер угнал льдину в море. С каждым днем их уносило все дальше и дальше

Карта-схема предполагаемой Земли Гарриса

на север. Эскимосы пришли в отчаяние, считая, что они погибнут от голода среди океана. Однако в скором времени их прибило к неизвестной холмистой земле. Обитатели ее дружелюбно встретили эскимосов. Они прожили много лет среди чужого племени и затем сумели возвратиться на родину (подобные рассказы русские слышали на Чукотке еще в середине XVII века).

Далее доктор Гаррис напоминает о том, что знаменитый английский путешественник Мак-Клур во время своего плавания по Северо-западному проходу видел к северу множество островов, а капитан Коллинсон во время санного похода на север не мог преодолеть тяжелых нагромождений льдов и пришел к убеждению, что не в пример области, лежащей у берегов Азии, к северу от Аляски и Канады не существует открытого моря.

Спустя примерно 20 лет адмирал Шерард Осборн, выступая в Королевском географическом обществе, заявил, что он не исключает существования большого участка суши или исполинского архипелага, протянувшегося через полюс от островов Принс-Патрик до Земли Врангеля и образующего почти замкнутое море.

И наконец, после того как «Фрам» завершил свой дрейф, Клемент Мархам заявил, что он не верит в существование земли у полюса, но он не склонен отрицать, что, возможно, между Новой Сибирью и островом Принс-Патрик будет открыта цепь островов.

Таковы вкратце исторические свидетельства, которые привлекает доктор Гаррис в качестве косвенных доказательств своей гипотезы. На основе изучения дрейфа «Жаннетты» и «Фрама» и наблюдений многих путешественников, продолжает он, установлено, что существует два основных течения в Северном Ледовитом океане — одно западное, другое восточное. Оба берут начало очень близко друг от друга в районе Берингова пролива и вливаются в Атлантический океан у Южной Гренландии. Глубины в районе дрейфа «Жаннетты» незначительные; близки к ним и глубины в районе Земли Банкса. Вероятно, существует неизвестная большая земля или группа островов, которая тянется непрерывной цепью от Канадского Арктического архипелага в сторону берегов Азии и оканчивается не в столь далеком расстоянии от линии дрейфа «Жаннетты» к северу от Новой Сибири. Эта земля и ее острова мешают выносу льдов из моря Бофорта, поэтому льды здесь всегда наблюдаются старые, которые почти никогда не отступают от берегов, как это замечено у побережья Сибири.

По мнению Гарриса, предполагаемая суша вряд ли может простираться от полюса в сторону Земли Франца-Иосифа, ибо в противном случае это отразилось бы на дрейфе «Фрама». Более того, отмеченная Де-Лонгом значительная высота приливной волны у острова Беннетта дает ему основание предполагать, что канал Нансена несколько расширяется в районе полюса. Гаррис объявляет о своем намерении отправиться на поиски Полярного континента.

Американский географ вместе со статьей публикует карту. На ней показано предполагаемое местоположение неизвестной суши, которая вошла в географическую литературу под названием Земли Гарриса.

Выступление Гарриса произвело глубокое впечатление на Альфреда Гаррисона, который в 1905 году

отправился в дельту Маккензи. Затем он совершил санную поездку на восток от острова Харшель к мысу Батерст и, наконец, на лодке достиг берегов острова Банка.

Точно так же как 100 лет назад Михаил Адамс привез с устья Лены вести о Северном материке, Альфред Гаррисон из поездки по Канадскому Северу возвращается убежденным сторонником Полярного континента. Он посвящает этому вопросу статью и книгу. Он пытается убедить своих коллег, что неведомой земли можно достигнуть на собаках. Он полон уверенности, что Полярный континент существует, но искать его надо со стороны противоположной северо-восточному побережью Сибири.

Доказательства Альфреда Гаррисона звучат убедительно. Он говорит, что самые выдающиеся географы и исследователи, опираясь на одни и те же факты, строят совершенно противоположные гипотезы. Это, по его мнению, свидетельствует об излишней самонадеянности тех и других. Там, где Нансен рисует глубоководный бассейн, доктор Гаррис наносит контуры Полярного континента. Горы Земли Крокера видны на карте Пири к северу от берегов Гренландии.

Окончательное суждение о том, находится ли в неисследованной части Арктики материк или океан, может быть справедливым, когда будут известны все факты, когда будет изучено все пространство, лежащее между Евразией и Америкой, включая Северный полюс.

Он сомневается, что большие глубины, обнаруженные экспедицией на «Фраме» во время дрейфа, могут свидетельствовать, что у самой северной точки Земли находится океан. Дрейф «Фрама» дает основание для некоторых суждений о том, что находится южнее его пути через Ледовитый океан, и сведения, полученные во время него, вряд ли можно распространять на огромное пространство к северу. Бесспорно одно: и в начале дрейфа, и в конце невольного пути «Фрама» имелась земля (на востоке — Новосибирские острова, а на западе — Гренландия). Не исключено, что «Фрам» прошел таким же узким и глубоким проливом, как пролив между Шпицбергом и Гренландией. Между прочим, глубины там более значительные, чем те, какие обнаружил «Фрам». Предположим, рассуждает Гаррисон, мы не знаем о существовании Гренландии, и некий полярный исследователь направляется на судне на запад от берегов Шпицбергена. Проплыв 175 миль, он измерил глубину

и установил, что она составляет 2600 сажен. Имел ли он основание полагать, что, пройдя еще 200 миль к западу, встретит Гренландию?

Итак, там, где Нансен рисует глубоководный бассейн, в районе, лежащем от полюса в сторону Северной Америки, может быть, еще ждет своего исследователя Полярный континент.

Альфреда Гаррисона занимает еще один необычайный факт: ни один буюк, брошенный в море восточнее мыса Барроу, ни один обломок из многочисленных судов, затонувших в этом районе, не был впоследствии обнаружен, в то время как вещи с «Жаннетты» были принесены к Гренландии через несколько лет. Вероятно, буйки и остатки судов были отнесены к берегам неизвестной обширной земли... Затем ему известно, что течения у Земли Гранта и у северных берегов Гренландии направлены в сторону, противоположную генеральному дрейфу «Фрама». И хотя доктор Нансен на основе своего путешествия, плавания «Жаннетты», на основе изучения дрейфа буйка, прошедшего за шесть лет путь из Берингова пролива к берегам Исландии, считает, что у полюса исследователей ждет море, он, Гаррисон, не может согласиться с ним. Он считает, что теория глубокого моря не достаточно убедительна и ни в коем случае не опровергает гипотезу о существовании земли у полюса. Он подсчитал, что из 4—5 миллионов квадратных миль Северного Ледовитого океана исследовано лишь пространство в 1 251 874 квадратные мили. И пока исполинское «белое пятно» не будет изучено, он не откажется от мысли, что на Севере существует земля или огромная масса палеокристаллического льда, во всяком случае дрейф «Жаннетты» скорее служит доказательством существования Полярного материка, чем опровергает эту гипотезу. Тот факт, что корабль Де-Лонга сносило к берегам Сибири, объясняется не сжатием льдов. Отклонения «Жаннетты» к югу не случайны. Они происходили не по прихоти ветров, а потому, что к северу существует континентальная суша.

Словом, заключает он, на Севере еще ждут исследователей не посещенные человеком области, где можно искать Полярный континент. «И ничто не обрадовало бы меня больше, — продолжает он, — чем получение возможности и средств для разрешения этой величайшей арктической химеры».

Вскоре он выступает в исследовательском отделе Королевского географического общества с планом

санной экспедиции в область предполагаемого местонахождения Полярного континента. Если можно дрейфовать во льдах на судне, то почему бы не дрейфовать прямо на льдине, а когда дрейф приостановится, то двигаться на санях по льдам...

Но одиноко звучит голос Альфреда Гаррисона. Никто не верит в осуществимость санного путешествия по льдам океана, никто не прислушивается к его расчетам и доказательствам. Доклад не получает поддержки. План признают невыполнимым.

Между тем по инициативе Фритьофа Нансена в 1906 году в Брюсселе собирается Международный океанографический конгресс. Ученые приходят к единодушному мнению, что главнейшей задачей полярных исследований является изучение Центральной Арктики, где ждет своего открытия целый континент.

Спустя некоторое время мир узнает, что Роберт Пири достиг Северного полюса. Он нашел вместо суши океан. Он вытравил 2752 метра проволоки, но так и не достал дна.

Но географы не стремятся расстаться с арктической химерой. В 1913 году Канада снарядила арктическую экспедицию под начальством Вильялмура Стефансона, известнейшего полярного исследователя первой половины XX века. Одной из задач этой экспедиции являлась проверка теорий Гарриса и Гаррисона о том, что «новая земля, быть может, новый континент» должен находиться на севере от моря Бофорта, в той части Северного Ледовитого океана, которая лежит к северу от Аляски.

В августе 1913 года судно «Карлук», которым командовал капитан Роберт Бартлетт (ему принадлежат только что приведенные слова), было пленено льдами на пути из Берингова пролива к острову Харшель. Сначала корабль вмерз в припай, но вскоре неподвижный лед оторвало от берега и вместе с «Карлуком» понесло к мысу Барроу, а затем на юго-запад, по направлению к Земле Врангеля. В январе 1914 года льды раздавили судно. Бартлетт отправил семь человек к острову Геральд. Трое из них отделились и вернулись обратно в «лагерь кораблекрушения». Четверо пропали бесследно. Спустя 10 лет их трупы обнаружили на острове Геральд. Затем еще четыре участника экспедиции направились к Земле Врангеля. Они не достигли цели, и, вероятно, их постигла та же самая участь, что и Эдуарда Толля и его спутников.

Потом «лагерь кораблекрушения» покинул Роберт

Бартлетт, он привел остальных 16 товарищей по путешествию на остров Врангеля. Не теряя времени, в сопровождении эскимоса по дрейфующим льдам он вышел на материк у мыса Якан и занялся организацией спасательной экспедиции. Спустя полгода оставшиеся в живых участники дрейфа «Карлука» были сняты с острова Врангеля.

«Вернулись девять из двадцати, которые с двумя эскимосами, одной эскимоской, двумя маленькими девочками и черным котом составляли население судна», — писал Бартлетт.

Так драматически закончилась еще одна попытка ступить на берега Северного континента.

* * *

В то время, когда Канада спасала участников плавания на «Карлуке», русские использовали в Арктике самолет. Именно путешественники, применившие в Арктике воздухоплавательные аппараты, окончательно разведали давнюю легенду. И сделали это прежде всего авиаторы и ученые тех стран, где эта гипотеза родилась еще в древние времена.

Среди них первое слово принадлежало Руалю Амундсену, который первым совершил сначала сквозное плавание Северо-западным проходом, а затем открыл Южный полюс.

Вернувшись из Антарктики, Амундсен задался целью совершить на судне дрейф через Ледовитый океан. В 1914 году норвежский исследователь закончил приготовления к новой полярной экспедиции. Но тут разразилась первая мировая война. Только в 1918 году ему удалось приступить к осуществлению своего плана. 18 июля на судне «Мод» он отправился в плавание Северным морским путем. Амундсен надеялся достичь Берингова пролива и, вмерзнув там в лед, повторить дрейф «Фрама». Он рассчитывал, что льды из этого района пройдут более высокими широтами и ему удастся не только достигнуть полюса, но и, возможно, внести ясность в вопрос о Северном континенте.

Вскоре после того, как «Мод» благополучно миновала мыс Челюскин, ее остановили непроходимые льды. Экспедиция зазимовала и только в августе 1919 года возобновила плавание. Однако плавание продолжалось недолго. «Мод» опять вынуждена была остаться на зимовку, на этот раз в Чаунской губе, вблизи острова

Айон. Наконец 23 июля 1920 года Амундсену удалось достичь берегов Берингова пролива. Это было третье сквозное плавание Северо-восточным проходом (после «Веги», «Таймыра» и «Вайгача»).

«Я,— писал Амундсен,— сомкнул путь, пройденный «Мод», с тем путем, которым я шел (на шхуне «Йоя»), открывая Северо-западный проход, в 1906 году, и таким образом впервые осуществил кругосветное плавание Ледовитым океаном. В наше время рекордов подобное плавание имеет свое значение».

Пополнив запасы провизии и топлива в селении Ном на Аляске, экспедиция вернулась в Северный Ледовитый океан. Однако состояние льдов не позволило начать дрейф, и «Мод» в третий раз зазимовала в Арктике, на этот раз у мыса Сердце-Камень.

Когда в августе 1921 года «Мод» прибыла в Сиатль на Аляске для ремонта, Амундсен узнал, что на моноплане, целиком построенном из дюралюминия, в Америке совершен 27-часовой беспосадочный полет.

«Я пришел к определенному решению,— писал Амундсен.— Такую машину я должен достать, чего бы это ни стоило! С таким аппаратом невозможное сразу станет возможным. Казалось, врата в неизвестное открываются!»

Амундсену удалось раздобыть самолет, но во время полета в Сиатль мотор отказал. Аэроплану пришлось совершить вынужденную посадку в районе нефтяных промыслов. При этом машина разбилась столь основательно, что восстановить ее было невозможно.

Но и эта неудача не остановила Амундсена. Когда «Мод» летом 1922 года снова отправилась в Северный Ледовитый океан, на ее борту находилось два самолета: один тяжелый — для дальних полетов, другой легкий — для рекогносцировок вблизи корабля.

Тяжелый самолет выгрузили на северное побережье Аляски. Здесь остались Амундсен и летчик Амдаль. Отсюда они надеялись попытаться проникнуть на север, в неведомые области, к земле, существование которой доказывали Гаррис и Гаррисон... Но все складывалось неблагоприятно. Изо дня в день стояла ветреная пасмурная погода. Так продолжалось все лето и всю осень. Наступили морозы. Амундсену с Амдалем пришлось построить дома и зимовать. Наконец в мае 1923 года они взмыли в воздух. То был первый пробный полет. Когда приземлялись, повредили низ машины. Самолет невозможно было отремонтировать. По словам Амундсена,

виды на будущее были нерадостные. Карманы его были пусты... Попытки добыть новую машину не имели успеха. Он поехал в Америку, надеясь публичными докладами и лекциями заработать необходимые на приобретение самолета деньги. Но сборы были невелики. Он подсчитал, что необходимую сумму он соберет, когда ему «стукнет 110 лет».

Между тем покинутая им «Мод» дрейфовала сначала в Чукотском, а затем в Восточно-Сибирском море, двигаясь со льдами отнюдь не к полюсу. Сначала ее пронесло к северу от острова Врангеля. Весной 1924 года путешественники увидели острова Жохова и Вилькицкого, затем их пронесло вблизи Новой Сибири, Фаддеевского и Котельного островов, с открытия которых и начинаются самые драматические страницы в истории Северного континента.

«Сопоставив все проделанное нами, — писал Г. У. Свердруп, — от самого острова Врангеля до острова Беннетта и других Новосибирских островов над приливо-отливными явлениями, мы получили картину приливо-отливной волны, которая, в общем, надвигается с севера. Скучный материал по приливо-отливам, добытый в этих местностях до нас, был обработан сотрудником гидрографической и геофизической службы США Р. А. Гаррисом. Он пришел к заключению, что приливная волна надвигается с запада, и объяснил это тем, что в неисследованной части Северного Ледовитого океана находятся обширные пространства суши. Свои заключения он построил на слишком скудных наблюдениях. Более полные наблюдения, проделанные экспедицией на «Мод», доказывают ошибочность его взгляда на направление приливо-отливной волны: эта волна движется не с запада, а с севера. Поэтому должно отпасть и сделанное Гаррисом предположение о существовании обширных пространств суши в неисследованной части Северного Ледовитого океана.

С другой стороны, было бы преждевременно заключить из наших наблюдений, что там нет даже мелких островов. Результаты наших наблюдений указывают, что неизведанные области Ледовитого моря менее глубоки, чем места, пройденные «Фрамом» во время его дрейфа. Допустить, следовательно, существование в неисследованной части Ледовитого моря нескольких островов можно, но возможность присутствия здесь островов со значительным протяжением я абсолютно исключаю».

18 августа 1924 года «Мод» находилась на чистой

воде. Г. Свердруп радировал Амундсену, что «к северу от Аляски, по всей вероятности, нет сколько-нибудь значительных земель». Эту теорию он основывал на тщательных наблюдениях над приливами, которые были сделаны на материковой отмели Восточной Сибири, где 100 лет назад путешествовал Врангель, и, исходя из своих наблюдений над состоянием моря и льдов, пришел к выдающемуся выводу о том, что море к северу не ограничено исполинской землей, которую в то время именовали Северным материком...

Амундсен отдал приказ экспедиции возвращаться на Аляску, но «Мод» пришлось провести еще одну зимовку в Арктике. На этот раз льды пленили ее в районе Медвежьих островов, с которых именно и начинается цепь открытий и цепь легенд о загадочном Северном материке.

Наконец в июле 1925 года экспедиция возобновила плавание и вскоре вошла в Берингов пролив. Так закончилась первая попытка Амундсена и его спутников внести ясность в вопрос о существовании Северного континента, который теперь чаще именовали Землей Гарриса.

Между тем сам Амундсен, заручившись финансовой поддержкой норвежского аэроклуба и получив в дар 85 тысяч долларов от Джемса Элсворта, готовился к длительному полету над неизвестными районами Арктики. Его воздушная экспедиция ставила своей задачей исследовать область Арктики, лежащую к северу от Шпицбергена, возможно, до самого полюса. Путешественники надеялись выяснить, находится ли здесь земля или простирается океан, что считали «очень важным для уяснения природы нашего земного шара».

«Благодаря исследованиям Нансена, герцога Абриуццкого и Пири, — писал Р. Амундсен, — мы, конечно, имеем достаточно оснований предполагать, что в этой части Ледовитого океана не существует никакой земли, но наше знание должно опираться на более солидное основание, чем предположения. Современные исследования требуют достоверности. Разве не пострадали наши карты этих областей именно из-за таких предположений. Там, где находится океан, на картах нанесена земля, там, где земля, — простирается океан все на основании таких же предположений. Из-за этого произошло гораздо больше несчастий, чем обычно думают, и многие заплатили за это своей жизнью».

Амундсен прежде всего хотел проверить теорию

Свердруп о том, что в районе полюса нет земли сколько-нибудь значительных размеров.

«Я очень доверяю Свердрупу, — писал Амундсен. — Я никогда не встречал более сведущего в своем деле человека, чем он, но я вполне уверен в том, что он будет согласен со мною, если я скажу, что нужно проникнуть туда и обследовать вопрос на месте. Не побывав там, нельзя ничего утверждать».

9 апреля 1925 года суда «Фрам» и «Хобби» покинули Норвегию. На их борту находились два самолета (Н-24, Н-25), которые должны были предпринять полет со Шпицбергена по направлению к полюсу. На берегу Кингс-Бей машины были собраны. Амундсен с нетерпением ожидал наступления благоприятной погоды, но метеорологи не предсказывали ничего утешительного.

Наконец 21 мая 1925 года выдалась чудесная летная погода. Машины одна за другой поднялись в воздух. Позади остался Шпицберген. За 82-й параллелью растянулся изумительно белый старый лед (пак) без гладких и ровных мест.

«Я, — писал Амундсен, — никогда еще не видел ничего более пустынного и унылого. Я думал, что изредка покажется какой-нибудь медведь и хоть немного нарушит однообразие. Но нет — абсолютно ничего живого. Если бы я знал это, то, пожалуй, захватил бы с собою блоху только для того, чтобы иметь рядом хоть что-нибудь живое!»

Экспедиция достигла $87^{\circ}43'$ северной широты и $10^{\circ}20'$ западной долготы. Здесь самолеты благополучно совершили посадку, и тут выяснилось, что поднять в воздух машины невозможно.

Около трех недель ушло на то, чтобы вытащить из полыньи один из самолетов, подготовить взлетную полосу и мотор к обратному рейсу. 15 июня шесть отважных путешественников стартовали в обратный путь и благополучно достигли берегов Шпицбергена. Самолет сел вблизи куттера «Морская жизнь», который отбуксировал его в Кингс-Бей. Норвегия встретила Амундсена и его спутников как национальных героев.

Одним из достижений экспедиции Амундсен считал, что ей удалось исследовать значительную площадь Северного Ледовитого океана и установить, что нет каких-либо признаков Арктического континента к северу от Шпицбергена.

«Измерение глубины по звуковому методу, — писал Р. Амундсен, — позволило убедиться, что под нами нахо-

дится толща воды в 3750 метров. Если к этому добавить, что, спускаясь, мы имели возможность обозреть местность до $88^{\circ}30'$, то мне кажется, что, опираясь на наблюдения Пири, мы можем с большой вероятностью предположить, что в норвежском секторе Ледовитого океана не существует никакой земли. Но высказаться по этому поводу вполне определенно можно лишь тогда, когда кто-нибудь пролетит над этим пространством».

Воздушную экспедицию 1925 года Амундсен рассматривал как рекогносцировку для разработки плана будущего перелета через Северный полюс от материка к матерiku. Обстоятельное обсуждение этого вопроса состоялось еще на Шпицбергене в мае 1925 года.

«Совещание, — вспоминал Амундсен, — происходило не в большом зале заседаний с раззолоченной мебелью и мягкими креслами. Нет, два венских стула да две походные кровати составляли всю нашу обстановку. И не было никакого председателя с пышными фразами на устах и жезлом в руке. Четверо мужчин — спокойных и серьезных — уселись на чем попало и под гул ожидавших нас аэропланов стали обсуждать возможность самого большого из когда-либо задуманных полетов. Краеугольный камень для здания, которому позднее суждено было получить название «полет «Норвегии» через Северный Ледовитый океан», был заложен на этом совещании без всякой помпы, без трубных звуков фанфар».

Тем самым был поставлен на повестку дня вопрос о поисках континентальной суши между полюсом и Аляской.

В это же самое время проблема Земли Гарриса привлекла внимание выдающегося советского ученого, основателя отечественной школы долгосрочных прогнозов погоды Бориса Помпеевича Мультановского. Изучая эволюцию климатических условий за последнее тысячелетие, Б. П. Мультановский обратил внимание на то, что в X веке нашей эры климат Южной и Юго-Западной Гренландии «напоминал теперешний климат Норвегии под теми же широтами», что в исторических источниках того времени нет указаний о том, что викинги во время плаваний к своим поселениям «встречали затруднения из-за льдов».

Однако спустя три столетия ледовые условия в этом районе резко ухудшились. Сведения об этом впервые появляются в 1261 году, а в середине следующего века некогда цветущие норвежские поселения начинают при-

ходить в упадок. В 1421 году их покидают последние норманны. Повышение ледовитости у южных берегов Гренландии в свою очередь совпадает с эпохой жестоких зим и необычайных наводнений в Западной Европе, о чем имеются сведения также в русских источниках. Эти изменения не были обусловлены «какою-нибудь геологической катастрофой». Крупные колебания климата представляли собой весьма последовательно развертывающийся ряд изменений. Это наглядно прослеживается записями русских летописей.

Повышение ледовитости в районе Южной Гренландии и Исландии, эпоха жестоких зим и эпоха необычайных наводнений «связаны между собой».

Рассматривая крупные изменения климата у южного побережья Гренландии и в других районах земного шара (Западно-Сахарский бассейн, Арало-Каспий, Новосибирские острова), Б. П. Мультановский приходит к выводу, что они обусловлены изменением циклонической деятельности под влиянием гелиогеофизических факторов. В частности, это, по его словам, совершенно очевидно из «не возбуждающих сомнений свидетельств старых летописей, подкрепленных историей плаваний в арктических водах».

В свою очередь особенности климатических изменений в Арктике, возможно, возникают под влиянием «какого-то географического фактора, расположенного за пределами наших знаний об Арктике».

По словам ученого, в этой области «могут быть большие неожиданности, как доказало открытие земель к северу от Таймыра» (имеется в виду открытие Северной Земли, которая к этому времени не была полностью положена на карту, и, следовательно, никто не знал ее истинных размеров и простираения к северу).

Рассматривая центры действия атмосферы на длительном историческом отрезке (от потепления в голоцене до плаваний викингов), Б. П. Мультановский отмечал, что в эти теплые эпохи теплый океанический воздух, приносимый юго-западными и юго-юго-западными ветрами, вероятно, проникал «далеко на север — на Шпицберген и Землю Франца-Иосифа». По его словам, дальше к северу, «в районе перебойных ветров, этот теплый ток уже действовал спорадически, поддерживая температуру за счет конденсации принесенной влаги». «В этой-то зоне нам и надо искать недостающий географический фактор, в полосе между 85° северной широты и полю-

сом, к северу от Шпицбергена. Таким фактором могли бы быть две цепи островов — форпосты «Земли Гарриса», из которых одна состояла бы из двух дуг выпуклостями к югу и точкою стыка под $86-87^{\circ}$ северной широты на нулевом меридиане, а вторая, быть может, более плавно изогнутая дуга с перегибом около $82-83^{\circ}$ северной широты и 145° восточной долготы, очень близко к тому абрису, который указан Гаррисом для этого района. Вместо последней цепи можно предполагать и довольно значительный остров, но все же оторванный от Земли Гарриса».

Б. П. Мультановский допускал, что при определенных синоптических ситуациях длительного действия наличие не известных еще человеку географических объектов приводило к возникновению контрдрейфа в Северном Ледовитом океане, который вызывал изъятие льдов «из кругооборота в Восточно-Гренландском море».

По его мнению, возможно, такой контрдрейф, который, вероятно, особо был развит в эпоху викингов, имеет место и в настоящее время. Именно этот контрдрейф и был причиной медленного продвижения Нансена к полюсу, после того как он покинул «Фрам». Кроме того, дрейф самого «Фрама» указывает, что справа от курса (т. е. к северу) было препятствие для свободного развития дрейфа.

«Большие и увеличивающиеся глубины, найденные Нансеном, Пири, Миккельсеном,— продолжал ученый,— тоже не могут служить доказательством открытого моря, так как известно, что наибольшие глубины в океанах находятся у их краев...»

Б. П. Мультановский в заключение статьи выражал надежду, что все эти вопросы Арктики будут, вероятно, скоро решены специалистами-гидрографами с помощью экспедиций.

Когда статья Мультановского появилась в «Метеорологическом вестнике», Амундсен готовился к трансарктическому перелету. Он собирался стартовать со Шпицбергена, достичь полюса и приземлиться на северном побережье Америки, поблизости от Берингова пролива. При этом он рассчитывал исследовать те районы между полюсом и северной частью Америки, где, по предположениям Гарриса и других ученых, существовала значительная по размерам суша.

На этот раз он решил воспользоваться дирижаблем конструкции итальянца Умберто Нобиле, который столь

восторженно отнесся к плану полярного исследователя, что приехал в Норвегию, чтобы познакомить его с конструкцией корабля. Потом Амундсен съездил в Рим и подписал договор о покупке дирижабля. Не доставало только денег. Амундсен отправился в Америку, снова надеясь лекциями собрать средства для будущей экспедиции. Но доклады не принесли ожидаемой суммы. На помощь Амундсену снова пришел Элсворт, который «на определенных условиях» предложил 100 тысяч долларов для осуществления нового предприятия.

Командиром дирижабля Амундсен пригласил Умберто Нобиле. «Лучшего выбора нельзя было сделать. Этим выбором мы обеспечили себя сотрудничеством человека, который был конструктором дирижабля и долгое время летал на нем. Несомненно, он должен был знать корабль лучше всякого другого. А это знание имело величайшее значение в такой экспедиции, как наша».

Прежде чем отправиться в полет над Северным Ледовитым океаном, экспедиция на дирижабле «Норвегия» посетила Ленинград (корабль приземлился в Гатчине).

«Здесь, как и везде, — писал племянник исследователя Г. Амундсен, — мы могли убедиться в том интересе, с каким все следили за экспедицией... Академия наук устроила в честь экспедиции заседание, собравшее много публики. Кроме того, географический факультет университета устроил нам торжественный прием, где тоже было много народу и царило приподнятое настроение... Мы посетили несравненные собрания Эрмитажа, где школьники ходили толпами под руководством учительниц... Вечер, проведенный в оперном театре, оставил незабываемое впечатление: давали великолепный балет «Эсмеральда». Зал был полон, и публика восторгалась представлением».

Участники экспедиции были тепло приняты в Главной геофизической обсерватории, которая, по словам Финна Мальмгрена, оказалась «прекрасно организованным учреждением».

Еще в самом начале подготовки к трансарктическому перелету Руаль Амундсен обратился к Главной геофизической обсерватории в Ленинграде с просьбой о регулярной посылке сведений о состоянии погоды на севере Евразии для обеспечения перелета дирижабля «Норвегия» на пути от Ленинграда до Шпицбергена и Аляски. С этой целью были организованы шаропилотные наблю-

дения в Бологде, в устьях Колымы и Анадыря. Их результаты вместе со сведениями о состоянии погоды в приземном слое передавались по радио на дирижабль «Норвегия».

Кроме того, в распоряжение экспедиции Амундсена обсерватория передала все данные, освещающие метеорологические условия на маршруте полета дирижабля «Норвегия».

Б. П. Мультановский передал норвежцам карту, на которой были изображены контуры земли в центральной части Северного Ледовитого океана, и несколько оттисков статьи «Загадка Арктики». Особенно сердечно и долго беседовал Мультановский с метеорологом Финном Мальмгреном. Мальмгрен участвовал в плавании «Мод», а теперь был занят метеорологическим обеспечением перелета. Мультановский обещал посылать на борт корабля дополнительные телеграммы и сдержал свое обещание. Они, по признанию участников полета, оказали большую службу экспедиции.

5 мая «Норвегия» покинула Гатчину и взяла курс на север. О том, как проходил этот этап перелета, Финн Мальмгрен рассказал в письме Б. П. Мультановскому.

«Полет из Ленинграда в Вадсё,— писал он,— был очень удачен. Снега не было или он выпадал в ничтожном количестве, не заслуживающем внимания. Зато температура была очень низка (около — 7° почти в течение всего пути). Мы держали курс несколько восточнее линии Мурманской железной дороги. Между Ладогой и Онегой атмосфера была очень беспокойна, наблюдалась большая турбулентность, носившая иногда угрожающий характер. После этого этапа погода была идеальной, хотя, согласно Вашим предсказаниям, ветер был противный. В Вадсё мы пробыли несколько часов.

Вплоть до Шпицбергена погода нам благоприятствовала, но далее счастье нам изменило. Мы были застигнуты сильными снежными метелями при плохой видимости, которая в этих местах представляет серьезную опасность. При приближении к Кингс-Бею видимость стала лучше, и мы снизились благополучно».

На всем этом этапе перелета на борт «Норвегии» из Главной геофизической обсерватории регулярно поступали метеорологические сводки... В Советской России не только с огромным интересом следили за норвежской экспедицией, но и всячески помогали.

В то время, когда дирижабль «Норвегия» готовился

на Шпицбергене к первому трансарктическому перелету, американец Ричард Бэрд вместе с пилотом Ф. Беннетом вылетел к полюсу на самолете. Это было 9 мая 1926 года. Они летели несколько восточнее, чем Амундсен в прошлом году. Курс был проложен так, чтобы осмотреть тот район Центральной Арктики, где, по мнению Б. П. Мультановского, должна была находиться цепь островов, являющаяся форпостом Земли Гарриса... В тот же день американцы долетели до Северного полюса и возвратились обратно в Кингс-Бей. При этом выяснилось, что в этом секторе Арктики не имеется каких-либо цепей островов или обширных земель. Всюду, где они пролетали, расстилался безбрежный океан, покрытый полями льда и редкими разводьями чистой воды, в которой отражалось только небо.

Первым Барда и Беннета встретил Руаль Амундсен и поздравил с успехом.

Спустя два дня 11 мая 1926 года дирижабль «Норвегия» покинул ангар на Шпицбергене и направился через полюс к Аляске. Первые часы полет проходил блестяще, затем наплыл туман, но к полуночи рассеялся. В 1 час 25 минут 12 мая экспедиция достигла Северного полюса, где Амундсен сбросил норвежский флаг. Дирижабль взял курс к полюсу относительной недосыгаемости (недоступности), который Амундсен называет также ледяным полюсом. В этой точке не было видно ни единой капли воды. То было, по его словам, наитруднейшее место Северного Ледовитого океана, до которого экспедиция добралась первой.

Вскоре снова встретили туман.

«Мы, — писал штурман экспедиции Я. Рисер-Ларсен, — все время летели над туманом. Таким образом, старая теория, что в начале лета над Ледовитым океаном не бывает больших туманов, получила смертельный удар. К счастью, через короткие промежутки в полете тумана появлялись просветы, так что можно было видеть, что под нами было только море.

В 17 часов 19 минут мы пережили маленькую сенсацию. На западе из тумана вынырнуло что-то похожее на горный хребет. Мы и раньше часто видели «землю с кисельными берегами», но ни разу не обманывались, потому что если на такую «землю» долго смотреть, то она обычно меняет контуры. Но тут Амундсен и я долго наблюдали эту землю. Ни малейшего изменения в ее контурах не замечалось, и поэтому руль был положен на борт, и мы в волнении полетели по направле-

нию к ней. Но вскоре мы заметили, что это тоже «земля с кисельными берегами»».

Дирижабль лег на прежний курс. Всюду виднелся лед, и только лед.

Утром 13 мая, в половине девятого; «Норвегия» снова вошла в полосу тумана. Летели час, другой, третий. Видно было, как капли влаги оседают на различных металлических частях дирижабля и превращаются в лед.

Перевалило за полдень. Туман продолжал держаться. На металлических деталях дирижабля все толще становился слой льда. Куски его срывались с пропеллеров и с грохотом обрушивались на внешнюю оболочку дирижабля. Стали появляться повреждения. Путешественникам пришлось почти непрерывно заниматься починкой корабля.

Туман держался до 6 часов вечера. Лишь изредка по курсу встречались небольшие просветы.

«Таким образом,— писал Руаль Амундсен,— мы пролетели над огромным морем тумана, который в иных местах достигал невероятной толщины. Вполне очевидно, что туман в высокой степени помешал нашим наблюдениям. Очень возможно поэтому, что мы могли пролететь над островами небольшой высоты».

Вместе с тем Р. Амундсен подчеркивал, что не может быть и речи о существовании земли сколько-нибудь значительных размеров. Даже если бы эта земля была не гористой, а плоской, то экспедиция заметила бы ее. Под дирижаблем простирался только лед, за которым путешественники непрерывно наблюдали.

Особенно опасен был заключительный этап перелета.

«Относительно перелета Шпицберген — Аляска Вы, вероятно, уже знаете из газет,— сообщал Финн Мальмгрен Б. П. Мультановскому с Аляски.— По ту сторону полюса мы едва избежали гибели вследствие обледенения корпуса дирижабля, затем шторма над Беринговым морем и других злоключений, о которых охотно рассказываешь, когда они уже пережиты. Посадка была чрезвычайно удачна и проведена мастерски... Мы для нее воспользовались десятиминутным затишьем среди бушующего шторма. Нас так клонило ко сну (многие из нас не спали 80—90 часов подряд), что тогда не представляли себе, какая опасность нам угрожала при спуске».

Свое мнение о Земле Гарриса — Мультановского

Финн Мальмгрен обосновал в статье «Погода во время полярного перелета».

«Бессспорно, — писал он, — самой большой заслугой экспедиции является то, что между полюсом и мысом Барроу нет не только континента значительных размеров, но и небольшой земли. Этим старый научный спор разрешается окончательно».

Однако ученые Главной геофизической обсерватории, где работал Б. П. Мультановский, считали, что «категорически решать вопрос в ту или иную сторону пока слишком преждевременно». По их мнению, неисследованная область Северного Ледовитого океана была пересечена лишь в одном этом направлении, тогда как ее расстояние по широте превышает 1000 километров.

По мнению другой исследовательницы, Э. С. Лир, «вопрос о земле Гарриса — Мультановского все еще ждал своего разрешения».

Прошло несколько лет. 21 мая 1937 года Первая высокоширотная экспедиция «Север-1» высадила на лед первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс-1». Организаторов экспедиции весьма волновал вопрос о распределении вод и суши в районе Северного полюса. Отто Юльевич Шмидт, возглавлявший высокоширотную экспедицию, после возвращения с полюса, где осталась четверка папанинцев, докладывал собранию Академии наук СССР 10 июля 1937 года: «Отсутствие достаточных сведений давало до последнего времени, даже после Нансена, повод для создания фантастических теорий о том, что представляет собой Центральный полярный бассейн. Бывает так, что и неверная теория может объективно помочь развитию науки».

Отто Юльевич остановился на теории Петермана об открытом море: «Объективно это заблуждение оказалось полезным, так как повлекло за собой большое число путешествий. На смену этим немножко наивным взглядам пришла другая теория, сторонники которой утверждали, что в центре Северного Ледовитого океана должна быть обязательно земля... Нансен решительно это отвергал, но даже и после Нансена эта теория продолжала жить и действовать... Нансен стоял на более правильной точке зрения, как мы теперь окончательно убедились».

Ни Шмидт, находившийся 16 дней на льду, ни папанинцы, ни летчики М. И. Шевелев, И. Т. Спирин, А. Д. Алексеев, И. П. Мазурук, П. Г. Головин, М. С. Ба-

бушкин во время полетов к полюсу и в районе полюса не обнаружили признаков ни континента, ни крохотных островков суши. Всюду был лед, лед и лед. Не заметили признаков континента Гарриса — Мультановского ни Чкалов, ни Громов, пролетевшие над полюсом на пути из Москвы.

Не увидели следов этой гипотетической суши пилоты, искавшие летчика Леваневского, потерпевшего катастрофу во время перелета Москва — Северная Америка через час после того, как он прошел над Северным полюсом.

Таким образом, в 1937—1938 годах было окончательно установлено, что Полярного континента не существует...

Только вопрос о последней Земле Санникова — последнем осколке некогда великого легендарного материка — все еще оставался открытым.

Именно в те же годы судьба загадочной земли к северу от острова Котельного привлекла внимание академика Владимира Афанасьевича Обручева, создавшего талантливый и увлекательный роман «Земля Санникова». Владимир Афанасьевич верил в существование этой суши.

Многочисленные открытия советскими полярниками в 1930—1935 годах островов в северной и восточной частях Карского моря красноречиво говорили о недостаточной изученности Арктики, о реальной возможности обрести там неведомые земли. В 1935 году академик Обручев выступил в журнале «Природа» со статьей «Земля Санникова», в которой доказывал несостоятельность доводов географов, отрицавших существование загадочной земли.

Прежде всего, к северу от Новосибирских островов видел «землю» не только промышленник Санников, но и известный исследователь Арктики Толль. Многие путешественники наблюдали полет больших стай птиц на север от Новосибирских островов. Следовательно, в этом направлении должен быть остров или архипелаг, так как птицы на льду не гнездятся.

Экспедиция на «Фраме» в первые месяцы своего дрейфа в районе Новосибирских островов много раз встречала песцов. Нансен, а затем и Обручев считали это за признак существования Земли Санникова, находившейся, по-видимому, где-то поблизости. О том же, по мнению Обручева, говорили и малые глубины в районе плавания «Фрама» и «Зари», и характер проб грунта,

свидетельствовавший о том, что дно состояло из глины с песком, занесенных с неизвестного острова.

Владимир Афанасьевич Обручев полагал, что Земля Санникова находится несколько севернее и восточнее, чем думал Толль, а именно между $78^{\circ}30'$ северной широты и $140-150^{\circ}$ восточной долготы. Он был уверен, что остров существует и ждет своего исследователя.

В 1937 году в район к северу от Новосибирского архипелага направилась высокоширотная экспедиция на ледокольном пароходе «Садко». Она должна была попытаться внести ясность в вопрос о существовании Земли Санникова и создать полярную станцию на одном из островов Де-Лонга. Покинув 26 июля Архангельск, экспедиция через 19 дней салютовала мысу Челюскин. Вскоре «Садко» вышел на океанские глубины к северу от острова Котельного. Как и во время плаванья «Зари», злой волшебник туман снова неотступно держался над районом поисков. Но тем не менее участники экспедиции, и в их числе известный советский полярный исследователь Владимир Визе, пришли к убеждению, что Земли Санникова не существует.

24 августа «Садко» достиг того самого места, где 58 лет назад затонула «Жаннетта». Экспедиция салютовала памяти Де-Лонга залпом из ружей и протяжным гудком. Затем путешественники создали полярную станцию на острове Генриетты, посетили острова Жаннетты, Беннетта, Жохова.

Осенью 1937 года «Садко», помогая выйти из льдов ледокольному пароходу «Седов», сам оказался в ледовом плену. Вместе с ними вмерз в лед ледокольный пароход «Малыгин». Три корабля начали свой дрейф недалеко от острова Бельковского. Сначала их несло на север, затем на северо-восток точно по тому району, где, по словам Толля и по убеждению Обручева, находилась Земля Санникова... Но земли не было.

Затем «Седов» отправился в свое знаменитое путешествие и повторил дрейф «Фрама», а «Садко» и «Малыгин» были выведены из льдов. Но прежде чем это произошло, три самолета под командованием Героя Советского Союза А. Д. Алексеева совершили три рейса к зимовавшим судам и вывезли 184 человека. Они пролетели над районом к северу от Новосибирских островов и не заметили признаков неведомой суши.

Полеты Алексеева и его пилотов окончательно доказали, что Земли Санникова к северу от Новосибирских

островов не существует. Так писал Владимир Визе, научный руководитель экспедиции на «Садко», которая годом раньше пришла к тому же выводу. Но Владимир Обручев не сдавался. Самолеты ничего не нашли, вероятно, потому, что в апреле Земля Санникова «была еще покрыта глубоким снегом и не отличалась от окружающих льдов». Знаменитый советский академик не исключал, что при быстром полете этот загадочный остров могли просто-напросто не заметить. Ученому, создавшему силой своего недюжинного таланта великолепный фантастический роман, не хотелось согласиться с мыслью, что Земли Санникова не существует.

Прошло 10 лет после описанных событий, которые принято считать финалом поисков Земли Санникова.

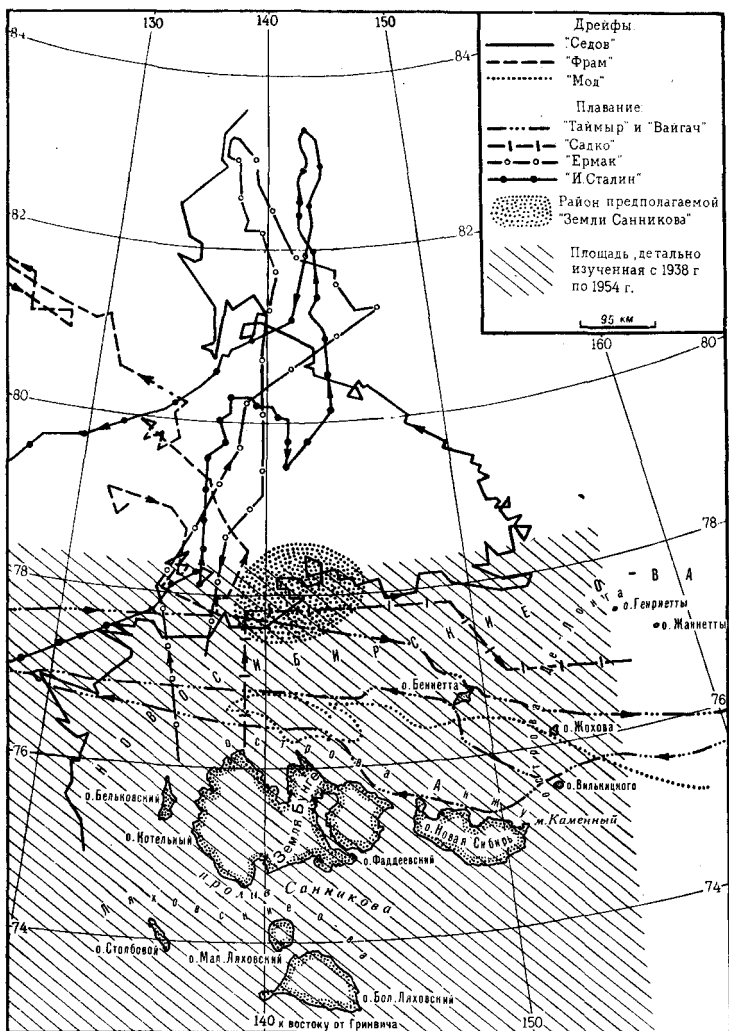
Весной 1948 года ученые Арктического и антарктического института приступили к изучению последних «белых пятен» Арктики. Исследования велись в треугольнике: Новосибирские острова — Северный полюс — полюс относительной недоступности, то есть в том самом районе, где предполагалось существование последних осколков Северного континента: Земли Санникова и Земли Гарриса. И хотя считалось, что судьба их решена, советские ученые полагали необходимым еще раз осмотреть области, где их предшественникам грезилась земли-призраки.

Транспортом на сей раз географам служили не собаки и даже не ледоколы, а самолеты. Они приземлялись в намеченные точки, выполняли цикл наблюдений и снова поднимались в воздух, чтобы снова приземлиться на лед и продолжать исследования по намеченной программе. Выполненные по этому плану исследования положили конец последним сомнениям в том, что Земли Санникова и Земли Гарриса не существует.

27 апреля 1948 года полярники обнаружили на $86^{\circ}26'$ северной широты и $154^{\circ}53'$ восточной долготы глубину в 1290 метров. Всего несколько дней назад глубины были иными: 2733, 2500, 2355 метров и, наконец, скачок более чем в 1000 метров.

Сомнений быть не могло: на дне Северного Ледовитого океана существовала подводная гора. Правда, контуры ее были недостаточно ясны. Но чем больше проводилось наблюдений, тем четче вырисовывался рельеф дна Северного Ледовитого океана.

Стало очевидным, что исследования советских полярников привели к интересному географическому открытию.

Карта поисков последней Земли Санникова

На следующий год исследования продолжались. Была открыта одна из вершин подводного хребта, которому присвоили имя великого русского ученого Михаила Ломоносова.

В 1954 году исследования в Центральной Арктике развернулись с небывалым размахом. Одновременно были организованы две дрейфующие станции, которые по

сей день несут нелегкую вахту на льдах Северного Ледовитого океана. Как видно на карте, опубликованной в сборнике «Через океан на дрейфующих льдах», к 1957 году была закончена съемка всей Центральной Арктики. Стало совершенно очевидным, что не существует земли, которую усмотрел Санников на северо-востоке от острова Котельного и которую вслед за этим промышленником видел Эдуард Толль, что не существует ни Земли Гарриса, ни Земли Андреева, ни Земли Петермана, ни Земли Короля Оскара, ни Земли Джиллиса, ни Земли Крокера, ни тем более загадочного Северного, Полярного, Арктического континента, который также именовали Арктидой, Большой Северной Землей, Новой Землей, Предполагаемой Землей и многими другими названиями... Но вместе с тем вслед за подводным хребтом Ломоносова был открыт трансарктический хребет Менделеева, пересекающий ложе Северного Ледовитого океана примерно в той же области, где этот великий ученый нанес контуры неведомой суши. Любопытно заметить, что восточная часть хребта Ломоносова начинается к северу от несуществующей Земли Санникова, как будто эти земли-призраки указывали ученым районы будущих необычайных открытий. Затем был открыт подводный хребет Гаккеля, названный так по имени советского ученого, который одним из первых провел измерения в 1948 году над хребтом Ломоносова. Выявлены были многие другие поднятия океанического дна.

Новые открытия свидетельствовали о том, что Арктида действительно существовала, но существовала на дне океана.

На протяжении трех столетий путешественники разных стран стремились обрести Северный континент или его форпосты — отдельные земли. Их экспедиции не были бесплодными. Они были ступенями той длинной и извилистой лестницы, которая ведет к новым большим и малым открытиям.

Ученые и моряки, напрасно мечтавшие первыми ступить на берега неизвестной полярной части света, вместе с тем открыли и положили первыми на карту десятки островов в Северном Ледовитом океане. Они первыми установили то, что лед океана даже зимой не скован морозом и находится в постоянном движении.

Они первыми открыли Великую Сибирскую полыню.

Они собрали огромнейшие уникальные материалы о климате, льдах, водах, фауне и флоре Арктики.

Они добыли драгоценные сведения по истории природы Севера.

Они вписали многие драгоценные страницы в историю познания Арктики. Поэтому всякий, кто имел мужество и дерзость попытаться проникнуть в великую арктическую тайну, заслужил право на признательность потомков.

Литература

- Адамс М. И. Отрывок из путешествия Адамса к Ледовитому морю для отыскания мамута. — Сибирский вестник, 1820, ч. 10.
- Амундсен Р. Собр. соч. в 5 т. М., 1936—1940.
- Аргентов. Северная Земля. — Зап. Русского географ. общества, 1861.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. М., 1964.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. М. — Л., 1948.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М., 1948.
- Геденштром М. М. Путешествие геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова к островам Ледовитого моря в 1811, 1812 гг. — Сибирский вестник, 1822, ч. 20.
- Геденштром М. М. Путешествие по Ледовитому морю и островам оного, лежащим от устья Лены к востоку. — Сибирский вестник, 1822, ч. 17—19.
- Гельвальд Ф. В области вечного льда. СПб., 1884.
- Де-Лонг Дж. Плавание «Жаннетты». Л., 1936.
- Дополнение к актам историческим, т. 3. М., 1948.
- Ефимов А. В. Из истории Великих русских географических открытий. М., 1971.
- Макаров и завоевание Арктики. Л., 1945.
- Мультановский Б. П. Загадка Арктики. — Метеорологический вестник, 1926, № 1.
- Нансен Ф. Собр. соч. в 5 т. Л., 1937—1940.
- Норденшельд А. Э. Плавание на «Вега». Л., 1936, ч. 1, 2.
- Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М., 1974.
- Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802.
- Толль Э. В. Плавание на яхте «Заря». М., 1958.
- Хеннинг Р. Неведомые земли. М., 1961, т. 2.
- Шмидт О. Ю. Избранные географические работы. М., 1960.

Архивные материалы

- Архив внешней политики России, фонд Главный архив, П-21, 1806—1820, дело 1.
- Центральный государственный архив Военно-Морского Флота: фонд 14. Крузенштерн, опись 1, дела 23, 45, 52, 53, 73, 189, 205, 223;
- фонд 166. Департамент морского министра, опись 1, дела 621, 663, 665, 2596;

фонд 215. Адмиралтейский департамент, опись 1, дела 671, 781;
фонд 402, опись 1, дело 89.

Центральный государственный исторический архив, фонд 733.
Департамент народного просвещения, опись 12, дело 525.

Центральный государственный архив древних актов:

фонд 192. Картографический отдел библиотеки МГА, МИД, карты
16, 29;

фонд 21. Дела Морского ведомства, опись 1, дела 8, 162;

фонд 11. Переписка разных лиц, дело 11.

Центральный государственный исторический архив ЭССР:

фонд 1414. Семейный фонд Крузенштернов, опись 3, дела 23, 28,
60;

фонд 2057. Семейный фонд Врангелей, опись 1, дела 258, 268, 292,
339, 443, 444, 451, 452.

Ленинградское отделение Архива АН СССР, фонд 14. Русская
полярная экспедиция, дела 1—56.

Ученый архив Главной геофизической обсерватории, опись 1, дела
167, 168, 666, 688.

Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина,
фонд 256. Музейный, опись 1, дело 487 и др.

Содержание

От автора

3

Начало легенды

10

«К северу должно быть
матерой земле...»

34

«Особая часть света»

45

Открытия и сомнения

56

Поиски продолжаются

90

«Большой материк утрачен»

117

Проекты, гипотезы, открытия

158

Обломки Северного континента

182

История повторяется

193

«А может быть, там земля?»

200

268

«Наступить... и умереть!»

218

Последние страницы великой химеры

239

Литература

266

Пасецкий В. М.

**П19 Путешествия, которые не повторятся.— М.: Мысль, 1986.—268 с., карт., 8 л. ил.
1 р. 10 к.**

Книга посвящена истории поисков Северного континента, или «матерой земли», в Северном Ледовитом океане. На основе богатейшего научного архивного материала показано рождение гипотезы о Великом Северном материке, в основе которой лежат действительные научные открытия Геденштрома, Врангеля, Толля, Нансена, Амундсена...

Рассчитана на широкий круг читателей.

**П 1905020000-001 129-86
004(01)-86**

**ББК 26.89(88)
91(98)**

V. M. Pasetsky

UNIQUE TRAVELS

This book narrates about surprising adventures of the legend relating to the illusive arctic continent, of courageous expeditions headed by Michael Stadukhin, Stepan Andreyev, Gavril Sarychev, Michael Adams, Matvei Gedenstrom, Ferdinand Wrangel, George de Long, Fritioff Nansen, Edward Toll, Roald Amundsen. They all made an attempt to be the first to set foot on the shore of the mysterious land. Poetically described are the feats and great discoveries made by several generations of polar explorers whose contribution eventually helped efface «white spots» from the map of the Arctic Ocean.

Василий Михайлович Пасецкий

ПУТЕШЕСТВИЯ, КОТОРЫЕ НЕ ПОВТОРЯТСЯ

Заведующий редакцией Ю. О. Гнатовский

Редактор Л. И. Васильева

Редактор карт Е. А. Соловых

Младший редактор Е. И. Потанова

Оформление художника А. Кретьова-Данько

Художественный редактор А. И. Ольденбургер

Технический редактор Е. А. Молодова

Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 2950

Сдано в набор 20.11.84. Подписано в печать 06.02.86. А08525. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарн. обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. листов 15,12 (с вкл.). Усл. кр.-отт. 15,33. Учетно-издат. листов 15,95 (с вкл.). Тираж 50 000 экз. Заказ № 1718. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136. Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1 р. 10 к.

В книге повествуется об удивительных приключениях и смелых экспедициях полярных исследователей, пытавшихся первыми ступить на берега загадочной суши. Поэтично рассказываются легенды о призрачном Арктическом континенте, о дерзких подвигах и великих открытиях многих поколений первооткрывателей Арктики, трудами которых были вписаны замечательные страницы в ее истории и стерты «белые пятна» с карты Северного Ледовитого океана.

